

Читалъ 4 №
И. И. НЕПЛЮЕВЪ

и

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ
древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ.

Подробное описание Россіи возможно будетъ
только тогда, когда во всякой губерніи будетъ
человѣкъ искусный и прилежаниемъ подобный
Рычкову.

Миллеръ.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная улица, собственный домъ.

1890.

И. И. НЕПЛЮЕВЪ и

*XXV
3-II-15.*

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

— 1 —

Историческая монографія
В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ
древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ.

*Подробное описание Россіи возможно будетъ
только тогда, когда во всякой губерніи будетъ
человекъ искусственный и прилежаніемъ подобный
Рычкову.*

Миллеръ.

*ИЗДАНО
ВЪ КАЗАНІИ
ВЪ ПРОЛОМНОЙ УЛИЦѢ
ВЪ КЛАССИЧЕСКОМЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВѢ
В. М. КЛЮЧНИКОВА
1890.*

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, собственный домъ.

1890.

Дозволено цензурою. Июня 27 дня 1889 года. Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ.

Отъ автора (вмѣсто предисловія) стр. VII—XVIII.

ГЛАВА VIII. Прибытие Неплюева въ Оренбургъ и первона-
чальный мѣры, принятыя имъ къ устройству края въ фи-
нансовомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.—Основаніе,
построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.—Аксак-
овъ и Соймоновъ.—Слѣдствіе по дѣлу Аксакова и уда-
леніе его отъ должности.—Волненіе крестьянъ Тевкес-
лева.—Исходъ слѣдствія по дѣлу Аксакова . . . стр. 177—218.

Предстоявшія Неплюеву затрудненія, стр. 177—178.—Устройство укрѣпленій по р. Сакмарѣ, 179.—Внутреннее состояніе Оренбургскаго края, 180.—Укрѣпленіе и переименованіе первоначальнаго Оренбурга въ Орскъ, 181.—Карасакалъ и Башлыкъ, 182.—Заботы Неплюева о финансахъ края, 183.—Укрѣпленія, основанныя Неплюевымъ по верхнему Уралу и Юю, 184.—Смерть второй жены Неплюева, 185.—Выборъ Неплюевымъ мѣста для построенія Оренбурга, 186.—Представленіе Неплюева въ Сенатъ о построеніи Оренбурга, 187.—Планъ и построеніе настоящаго Оренбурга, 188.—Укрѣпленіе и постепенный ростъ города, 189.—Древнѣшіе храмы въ Оренбургѣ, 190.—Лучшія улицы и зданія въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, 191.—П. Д. Аксаковъ и его предки, 192.—Начало столкновеній Аксакова съ Соймоновымъ, 193.—Башкирская депутація въ Петербургъ, 194.—Результатъ депутаціи и произволъ Аксакова, 195.—Жалоба на Аксакова Мертваго и Зубова, 196.—Доношеніе Аксакова въ Сенатъ, 197.—Арестъ Зубова Аксаковымъ и освобожденіе его Сенатомъ, 198.—Преданіе Аксакова суду и доносъ Кадомцева, 199.—Начало слѣдствія и допросъ подьячаго Гусева, 200.—Слѣдователь Люткинъ и отношеніе къ нему Аксакова, 201.—Отрѣщеніе Аксакова отъ должности и допросъ Салтанаевыхъ, 202.—Старшина Мряковъ и отношеніе Аксакова

къ слѣдователямъ, 203.—Допросъ канцеляриста Олина, 204.—Бѣглый татаринъ Имагуль Муслюмовъ, 205.—Жалоба Аксакова Неплюеву на Люткина, 206.—Фонъ-Штокманъ и дѣла, истребленные Аксаковымъ, 207.—Прекращеніе слѣдствія и распоряженіе Фонъ-Штокмана, 208.—Прекращеніе слѣдствія обѣ Аксаковѣ и отъѣздъ его жены въ Москву, 209.—Письма Уракова, 210.—Отъѣздъ Аксакова изъ Уфы, 211.—Поведеніе Аксакова въ деревнѣ ясачныхъ татаръ, 212.—Истребленія Аксаковимъ дѣла, 213.—Поведеніе Аксакова въ Москвѣ, по удаленіи его отъ должности, 214.—Послѣдствія аксаковскаго дѣла, 215.—Волненіе крестьянъ Тевкелева, 216.—Распоряженіе Сената о возмущеніи крестьянъ Тевкелева, 217.—Исходъ слѣдствія о возмущеніи крестьянъ Тевкелева, 218.

ГЛАВА IX. Образование Оренбургской губерніи и ея первоначальный составъ.—Внутреннее состояніе Яицкаго казачьаго войска до подчиненія его Неплюеву стр. 219—247.

Образование Оренбургской губерніи, стр. 219.—Составъ Оренбургской губерніи и происхожденіе Яицкаго войска, 220.—Составъ и первоначальное мѣстожительство Яицкаго войска, 221.—Присоединеніе Яицкаго войска къ Московскому государству, 222.—О времени выдачи владѣнной грамоты на рѣку Яикъ, 223.—Подтверждительная грамота на рѣку Яикъ, 224.—Отношеніе Московскаго правительства къ Яицкому войску, 225.—Вѣчевой характеръ внутренняго управлениія Яицкаго войска, 226.—Войсковой казачій Кругъ и его значеніе въ войскѣ, 227.—Учрежденія, въ вѣдѣніи которыхъ состояло Яицкое войско, 228.—Извѣтъ Карташева и начало междуусобій среди войска, 229.—Поведеніе фискаловъ и слѣдователей въ Яицкомъ городкѣ, 230.—Ближайшія слѣдствія «извѣта» Карташева и доносъ на Рукавишникова, 231.—Значеніе въ войскѣ Рукавишникова и членобитная Петру Великому, 232.—Отношеніе Военной Коллегіи къ Яицкому войску, 233.—Инструкція полковнику Захарову, 234.—Причины переписи казаковъ, 235.—Атаманъ Меркурьевъ и полковникъ Захаровъ, 236.—Награжденіе Меркурьева и доносъ на него Гузикова, 237.—Показанія Меркурьева въ Войсковомъ Кругу, 238.—Отношенія Яицкаго войска къ атаману Меркурьеву, 239.—Прошеніе Меркурьева и отношеніе къ нему Военной Коллегіи, 240.—Распоряженіе Военной Коллегіи о бѣглыхъ на Яикъ, 241.—Причины озлобленія казаковъ противъ Меркурьева, 242.—Жалоба войска на Меркурьева и его сыновей, 243.—Протестъ Меркурьевской партіи, 244.—Слѣдователь Але-кинъ и интриги Меркурьева, 245.—Исходъ слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ Меркурьева, 246.—Результаты стремленій Военной Коллегіи относительно Яицкаго войска, 247.

ГЛАВА X. Набѣги и грабежи кочевниковъ.—Проектъ Татищева о заселеніи Нижне-яицкой линіи и отношеніе къ нему Неплюева.—Укрѣпленіе этой линіи при Неплюевѣ и основаніе на ней казачьихъ форпостовъ.—Гурьевъ-городокъ и поселеніе при немъ казаковъ.—Илецкая станица и мѣры Неплюева къ ея укрѣпленію и безопасности.—Казачьи передовые посты за Яикомъ.—Результаты стратегической дѣятельности Неплюева.—Начало Сибирской линіи крѣпостей и редутовъ . . . стр. 248—292.

Набѣги и грабежи кочевниковъ, стр. 248.—Побоища Яицкихъ казаковъ съ киргизами на р. Утвѣ, 249.—Рѣка Утва и набѣги калмыковъ, 250.—Жалоба Яицкаго войска въ Военную Коллегію на калмыковъ, 251.—Набѣги кочевниковъ на казаковъ и русскія пограничныя селенія, 252.—Стратегическое значеніе Яицкаго войска, 253.—Проектъ Татищева и отношеніе къ нему Яицкаго войска, 254.—Просьба Яицкаго войска и ходатайство Неплюева, 255.—Мнѣніе Неплюева о проектѣ Татищева, 256.—Укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи, 257.—Стратегическія мѣры Неплюева къ обезопашенію линіи, 258.—Казачьи форпосты и поводъ къ усиленію гурьевскаго гарнизона, 259.—Начало поселенія въ Гурьевѣ Яицкихъ казаковъ, 260.—Комплектованіе казачьей сотни въ Гурьевѣ-городкѣ, 261.—Военная Коллегія отстаиваетъ мнѣніе Неплюева, 262.—Командированіе въ Гурьевъ сотни Яицкихъ казаковъ, 263.—Время и цѣль основанія Гурьева-городка, 264.—Яицкіе казаки препятствуютъ построенію Гурьева, 265.—Заботы Неплюева объ интересахъ казаковъ и укрѣпленіе Гурьева, 266.—Укрѣпленіе Гурьева прежнее и при Неплюевѣ, 267.—Предосторожности отъ киргизовъ и наказаніе за оплошность, 268.—Илецкіе казаки и отношеніе ихъ къ Яицкому войску, 269.—Личный осмотръ Неплюевымъ Илецкаго городка, 270.—Распоряженія Неплюева о безопасности Илецкихъ казаковъ, 271.—Предосторожности Неплюева отъ пожаровъ и штатъ Илецкихъ казаковъ, 272.—Сакмарскій городокъ и его обитатели, 273.—Самонадѣянность казаковъ и ея послѣдствія, 274.—Казачьи хутора и зимовки за Яикомъ, 275.—Самарская, Нижне-яицкая и Сакмарская линіи укрѣпленій, 276.—Верхне-яицкая и Уйская линія крѣпостей, 277.—Укрѣпленія по рѣкамъ Исети и Міасу, 278.—Ландмилицкіе полки, 279.—Поселеніе ландмилицкихъ полковъ въ Оренбургскомъ краѣ и средства къ содержанию, 280.—Источники къ содержанию ландмилицкихъ полковъ, 281.—Оренбургское казачье войско, 282.—Воровскіе казаки и отношеніе ихъ къ ногайцамъ, 283.—Ногайскій ханъ просить о построеніи городовъ на Волгѣ, 284.—Убийство атамана Ляпуна и основаніе городовъ на средней Волгѣ, 285.—Главный

притонъ воровскихъ казаковъ и основаніе Самары, 286.—Недовольство Уруса на построеніе на Волгѣ русскихъ городовъ, 287.—*Самарскіе и Алексѣевскіе казаки*, 288.—*Составъ и штатъ Оренбургскаго казачьаго войска*, 289.—Устройство Сибирской линіи укрѣплений, 290.—Выборъ мѣстъ для устройства крѣпостей Сибирской линіи, 291.—Вліяніе Неплюева на проведеніе Сибирской линіи, 292.

Заботы Неплюева о реорганизации Яицкого войска, 293.—Поручение В. Коллегии Неплюеву о Яицкомъ войскѣ, 294.—П. И. Рычковъ, его первоначальное образование и служба, 295.—Служба П. И. Рычкова въ Оренбургскомъ краѣ, 296.—Отношение Неплюева къ Рычкову и литературные труды послѣдняго, 297.—Важнейший изъ литературныхъ трудовъ Рычкова, 298.—Расположение и укрепление Яицкаго городка при Неплюевѣ, 299.—Представление Неплюева о Яицкомъ войскѣ въ Военную Коллегию, 300.—Проектированный Неплюевымъ штат Яицкаго войска, 301.—Администрация войска и обязанности атамана, 302.—Права Войскового Круга и очередная служба казаковъ, 303.—Мнѣніе Неплюева о наемкѣ казаковъ, 304.—Помощь служилымъ казакамъ съ точки зреія Неплюева, 305.—Значеніе «наемки» для казаковъ, 306.—Заботы Неплюева о городскомъ благоустройствѣ въ Яицкомъ войскѣ, 307.—Городские доходы и расходы Яицкаго войска, 308.—«Домосѣдныя деньги» и заботы Неплюева объ увеличеніи городскихъ доходовъ, 309.—Источники, указанные Неплюевымъ къ увеличенію городскихъ доходовъ, 310.—Заботы Неплюева о сбереженіи войсковыхъ суммъ, 311.—Неплюевъ заботится о развитіи грамотности въ Яицкомъ войскѣ, 312.—Отношение Неплюева къ сиротамъ въ Яицкомъ войскѣ, 313.—Неплюевъ запрещаетъ Яицкимъ казакамъ рубить лѣсъ, 314.—Просьба казаковъ и отвѣтъ на нее Военной Коллегии, 315.—Исходъ дѣла по вопросу о рубкѣ Яицкими казаками лѣса, 316.—Отношение Сената къ проекту Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска, 317.

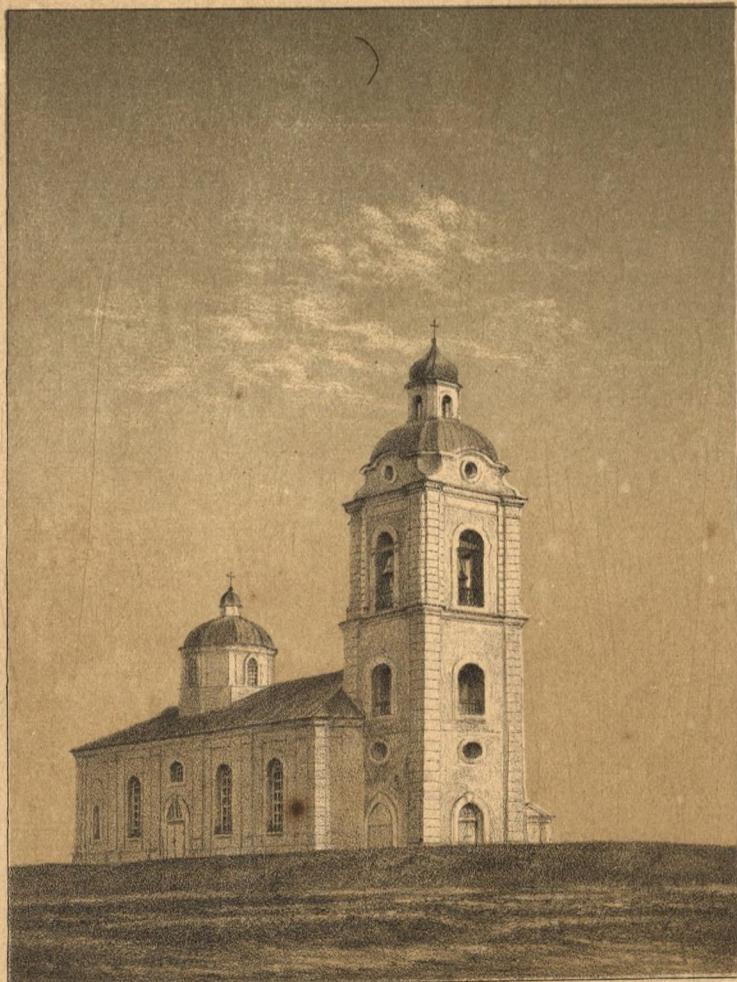
ГЛАВА XII. Причины побѣговъ изъ внутренней Россіи на єхъ скроаны и отношеніе Неплюева къ бѣглымъ на Яикѣ и

раскольникамъ.—Тяжелое положение крѣпостныхъ крестьянъ.—Стремленія Петра Великаго къ ограничению крѣпостного права.—Усиление крѣпостного права послѣ Петра.—Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными.—Волненіе среди поссесіонныхъ крестьянъ. Крестьянскія войны.—Общественно-экономическія условія податнаго класса.—Тяжелое положение духовенства въ царствование Акіи Иоанновны.—Побѣги за рубежъ и въ Україны.—Бѣглые на Яикѣ и Иргизѣ.—Преслѣдованіе раскольниковъ и отношеніе къ нимъ Военной Коллегіи, епископа казанскаго Луки Конашевича и Неплюева.—Значеніе Яицкаго войска въ исторіи Россіи и общій взглядъ на его судьбы до переименованія его въ Уральское . . . , стр. 318—368.

Попытка Петра Великаго къ ограничению крѣпостного права, стр. 319.—Свидѣтельство Посошкова о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, 320.—Усиление крѣпостного права послѣ Петра, 321.—Истязанія крѣпостныхъ крестьянъ, 322.—Безчеловѣчное обращеніе Салтыковой съ своими крѣпостными, 323.—Слѣдствіе надъ Салтыковой и ея наказаніе, 324.—Жестокое и безстыдное обращеніе кн. Козловской съ крѣпостными, 325.—Наказаніе виновныхъ въ истязаніи крестьянъ, 326.—Свидѣтельство Полѣнова объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, 327.—Цѣны на крѣпостныхъ и побѣги крестьянъ, 328.—Уклоненіе крестьянъ отъ военной службы, 329.—Волненіе среди фабричныхъ крестьянъ, 330.—Мятежъ крестьянъ Демидова и Гончарова, 331.—Усмиреніе крестьянъ военной силой, 332.—Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, 333.—Положеніе податныхъ крестьянъ, 334.—Слѣдствія откуповъ, монополій и рекрутчины, 335.—Причины побѣговъ, мѣста и укрыватели бѣглыхъ крестьянъ, 336.—Тяжелое положеніе духовенства и опустѣніе приходовъ, 337.—Мѣста, служившія притономъ для бѣглыхъ, 338.—Бѣглые на Яикѣ и мѣры противъ нихъ правительства, 339.—Начало преслѣдованія раскольниковъ среди Яицкаго войска, 340.—Сношеніе Яицкаго войска съ казанскимъ архіепископомъ Гавріломъ, 341.—Лука Конашевичъ и его отношеніе къ Яицкому войску, 342.—Розыскъ раскольниковъ и бѣглыхъ въ Яицкомъ войску, 343.—Сношеніе Неплюева съ Военной Коллегіей о бѣглыхъ на Яикѣ, 344.—Скопище бѣглыхъ и раскольниковъ на Иргизѣ, 345.—Мѣры Неплюева къ опредѣленію числа бѣглыхъ на Иргизѣ, 346.—Распоряженіе Неплюева о поимкѣ бѣглыхъ, 347.—Раскольники въ Яицкомъ войску и укрывательство ихъ казаками, 348.—Намѣреніе раскольниковъ бѣжать на Кубань, 349.—Розыскъ раскольниковъ на Яикѣ, 350.—Распоряженіе Неплюева о пойманныхъ раскольникахъ, 351.—Желаніе Неплюева

прекратить розыскъ раскольниковъ, 352.—Раскольники на увѣщаніи въ Московской консисторіи и Сыскномъ приказѣ, 353.—Стремленія Луки Конашевича къ ограничению религіозной свободы Яицкаго войска, 354.—Неплюевъ противъ принудительныхъ мѣръ Луки Конашевича, 355.—Депутація отъ Яицкаго войска къ Лукѣ Конашевичу, 356.—Доношеніе Неплюева въ Военную Коллегію и миѣніе атамана Меркульева, 357.—Оклады жалованья духовенству въ Яицкомъ войскѣ, 358.—Протестъ Яицкаго войска противъ намѣренія Луки Конашевича, 359.—Совѣтъ Неплюева Лукѣ Конашевичу, 360.—Вопросы епископа Луки и отвѣты на нихъ войскового духовенства, 361.—Отношеніе Неплюева къ расколу въ Яицкомъ войскѣ, 362.—Неплюевъ настаиваетъ на прекращеніи розыска раскольниковъ на Яикѣ, 363.—Командировки изъ Яицкаго войска на виѣшнюю службу, 364.—Расходы Яицкаго войска по снаряженію казаковъ на виѣшнюю службу, 365.—Причины спокойствія на Яикѣ при Неплюевѣ, 366.—Слѣдственная комиссія и рѣзня въ Яицкомъ городкѣ, 367.—Переименование Яицкаго войска въ Уральское, 368.

I.

КАЗАНЬ. ЛИТ. В. КЛЮЧНИКОВЪ.

Преображенский летний соборъ

въ Оренбургъ.

ОТЪ АВТОРА

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ).

Издавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящей монографіи, мы выразили искреннее желаніе того, чтобы люди вполнѣ компетентные высказали *безпристрастно-строгій, но обстоятельный отзывъ* объ этомъ труде, дабы потомъ можно было воспользоваться ихъ указаніями и советами въ дальнѣйшей обработкѣ монографіи, но, къ сожалѣнію, надежды автора не вполнѣ оправдались; поэтому мы считаемъ нелишнимъ и *своевременнымъ* сказать нѣсколько словъ, по поводу рецензій на первый выпускъ нашего труда.

Прежде всего для нась не понятно то полное игнорированье, съ которымъ отнеслась къ настоящей монографіи мѣстная казанская пресса, дающая нерѣдко отзывыъ на своихъ страницахъ о самыхъ незначительныхъ по содержанию и объему брошюркахъ: ни «*Волжский Вѣстникъ*», ни «*Казанский Биржевый Листокъ*», какъ говорится, «и словомъ не обмолвились» о первомъ выпуске монографіи, хотя авторъ своевременно доставилъ свою книгу въ редакціи обѣихъ газетъ; въ «*Ученыхъ Запискахъ Казанского Университета*» и въ «*Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*» также ничего не было сказано о первомъ выпуске. Конечно, намъ на это могутъ возразить, что отзывъ о труде, еще неоконченномъ въ печати, былъ-бы преждевременнымъ; но мы говоримъ лишь о *первомъ выпуске* и желали-бы, помимо сдѣланныхъ авторомъ и книгоиздателемъ А. А. Дубровинымъ объявленій, хотя простаго указанія на его выходъ въ свѣтъ въ мѣстной прессѣ, *правственно обязанной*, по нашему мнѣнію, отмѣтить на своихъ страницахъ появление всѣхъ провинциальныхъ печатныхъ трудовъ въ предѣлахъ своего района. Не смотря однакожъ на полное игнорированье первого выпуска со стороны мѣстной прессы, столичная печать не лишила своего вниманія нашъ трудъ, такъ-что казанцы узнали о содержаніи и значеніи его *не изъ мѣстныхъ газетъ, а изъ столичныхъ периодическихъ изданій*. Почтенный редакторъ журнала: „*Русск. Старина*“^{a)}, М. И. Семевскій особенно сердечно и лестно отозвался о нашемъ труде, высказавъ убѣжденіе, что трудъ свое-

^{a)}) См. „*Русск. Стар.*“ за 1888 г., декабрск. книжку.

VIII РЕЦЕНЗИИ СТОЛИЧНОЙ ПРЕССЫ НА ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ МОНОГРАФИИ.

временно будетъ доведенъ до конца, не смотря на нѣкоторыя затрудненія, представляемыя семейнымъ и служебнымъ положеніемъ автора. Редакція „Журнала М. Нар. Просв.“, назвавъ первый выпускъ монографіи «началомъ прекраснаго труда», обѣщалась дать о немъ обстоятельный отзывъ^{а)}. „Историческій Вѣстникъ“, отнесшійся съ полнымъ сочувствіемъ къ нашему труду, предложилъ вниманію читателей краткій экстрактъ VI и VII главъ первого выпуска настоящей монографіи^{б)}. Нѣсколько иначе отнеслись къ первому выпуску журналы: „Вѣстникъ Европы“^{с)} и „Русская Мысль“^{д)}, сдѣлавшіе автору, вмѣстѣ съ одобреніемъ его труда, и нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ книги; на этихъ-то замѣчаніяхъ мы и остановимся.

Рецензентъ нашего труда въ „Русской Мысли“, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ виду того, что главная часть труда г. Витевскаго еще впереди, было-бы преждевременно дѣлать заключеніе о цѣломъ; дѣлаемъ эту оговорку потому, что *въ цѣломъ работы г. Витевскаго обѣщаютъ быть очень интересной*, но настоящій выпускъ нѣсколько разочаровываетъ“. Свое разочарованіе нашъ редакторъ объясняетъ слѣдующими тремя положеніями:

- 1) г. Витевскій недостаточно воспользовался мѣстными архивами;
- 2) дѣлаетъ большія выписки, только съ легкой перефразировкой, изъ «Исторіи Россіи» Соловьева: изъ XVIII т. для III главы своего труда, а изъ XX т. для VI и VII гл. монографіи;
- 3) авторъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ знакомства съ изслѣдованіемъ г. Фирсова, бывшаго своего профессора: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизация Закамскихъ земель».

Насколько не основательны эти положенія, послужившія причиною разочарованія редактора, читатель самъ увидитъ изъ нашей монографіи; здѣсь же мы ограничимся общими и небольшими замѣчаніями. Въ отвѣтъ на *первое* положеніе объ эксплуатациіи мѣстныхъ архивовъ, мы должны пояснить редактору, что архивныя дѣла, которыми мы пользовались, относятся почти исключительно ко времени управления Оренбургскимъ краемъ Неплюева (1742—1758 г.); слѣдовательно, при-

^{а)} См. декабрск. кн. за 1888 г.

^{б)} См. октябрск. кн. за 1889 г.

^{с)} Февр. кн. за 1889 г.

^{д)} Майск. кн. за 1889 г.

мѣненіе ихъ въ первомъ выпускѣ было-бы неумѣстно, такъ-какъ въ немъ говорится о жизни и дѣятельности Неплюева до его назначенія въ Оренбургъ. Со вторымъ положеніемъ рецензента, по поводу выписокъ изъ «*Исторіи Россіи*» Соловьевъ, мы также не можемъ безусловно согласиться: «*Исторія Россіи*», по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, составляетъ какъ-бы цѣлую библіотеку по Русской Исторіи, безъ которой едвали кто можетъ обойтись изъ занимающихся отечественной исторіей. Покойному С. М. Соловьеву были доступны всѣ столичные архивы, изъ коихъ онъ черпалъ, при помощи многихъ писцовъ, богатое содержаніе своего многолѣтняго труда часто *буквально и дословно*, цементируя обширныя выдержки изъ архивныхъ дѣлъ своимъ талантливъмъ и опытнымъ перомъ; следовательно, его «*Исторія Россіи*» во многомъ имѣеть значеніе первоисточника особенно для лицъ, почему-либо лишенныхъ возможности проникнуть въ столичные архивы. Съ другой стороны, не будетъ-ли безполезной тратой времени выписка изъ архивныхъ дѣлъ того, что уже извлечено и напечатано другими? — Не должно также забывать, что «*Исторія Россіи*» не такое дешевое и общедоступное сочиненіе, которое бы всякий могъ имѣть подъ руками: намъ известно, что далеко не всѣ и библіотеки имѣютъ его. Кроме того, самый объемъ труда Соловьевъ таковъ, что непрѣдѣлисту весьма трудно въ немъ и ориентироваться. Не имѣя возможности лично позаняться въ столичныхъ архивахъ, гдѣ должны храниться дѣла о дипломатической дѣятельности Неплюева, мы и обратились къ XVIII т. «*Исторіи Россіи*» Соловьевъ, заимствовавъ изъ него то, что нашли нужнымъ, и точно обозначивъ объемъ и страницы этихъ извлеченій, приводимыхъ нами иногда, краткости ради, съ нѣкоторой перефразировкой отъ себя. Почтенный профессоръ Новороссійскаго университета А. А. Коцубинскій въ своеемъ письмѣ, отъ 15 мая 1888 г., рекомендовалъ намъ сочиненіе Alb. Vandal-я: „*Une ambassade fran-çaise en Orient sous Louis XV*“ (Paris, 1887), какъ интересную и богатую содержаніемъ книгу, изъ которой можно было-бы извлечь нѣкоторыя данныя и о дипломатической дѣятельности Неплюева въ Турціи; но, къ сожалѣнію, этой книги въ Казани мы не нашли ни въ книжныхъ магазинахъ, ни въ университетскихъ, ни въ частныхъ библіотекахъ. Желая всетаки воспользоваться книгой Vandal-я, мы рѣшились выписать ее чрезъ книгопродавца К. П. Алексѣева, заявивъ ему о томъ еще 26 июня 1888 г., — и книги

Vandal-я до сихъ поръ еще не выслали. Вотъ каковы условія для ученыхъ занятій въ провинці!—Поэтому и приходится волей-не-волей ограничиваться иногда тѣмъ, что имѣется подъ руками. Заимствуя изъ XVIII т. «*Исторіи Россіи*» Соловьева данные о дипломатической дѣятельности Неплюева, мы въ то же время пользовались и другими источниками, о которыхъ нашъ рецензентъ почему-то умолчалъ. Просмотрите внимательно III-ю главу первого выпуска нашей монографіи, и вы увидите ссылки еще на слѣдующіе источники: *Записки Неплюева*, *Записки Манштейна*, *Записки Миниха-сына*, *Записки Императ. Академіи Наукъ*, журналы: «*Атеней*», «*Древн. и Нов. Россія*» и «*Ж. М. Н. Просвѣщ.*», «*Дніянія Петра Великаго*» Голикова, „*О поврежденіи правовъ въ Россіи*“ Щербатова, „*Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ*“ Штелина, „*Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи со времени смерти Петра Великаго*“ Вейдемейера, „*Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны*“ Н. Н. Оирсова, „*Татишевъ и его время*“ Н. А. Попова, П. Собр. Законовъ и нѣкот. другіе. Что же касается VI и VII гл. первого выпуска; то нашъ рецензентъ совершенно несправедливо вводитъ другихъ въ заблужденіе, утверждая, что эти главы будто-бы написаны исключительно на основаніи XX-го тома „*Исторіи Россіи*“ Соловьева: въ VI-й главѣ мы ссылаемся на Соловьева лишь на шести страницахъ (142, 144, 145, 147, 148 и 151), а въ главѣ VII—на осми страницахъ (155—159, 168—170), остальная же сорокъ четыре страницы основаны на другихъ источникахъ. Кромѣ поцитованныхъ сочиненій Рычкова, Пекарскаго, Палласа, Лепехина, Хвольсона, Шпилевскаго, Левшина, Реклю, Мэ肯зи Уоллеса, Кастрена, Бестужева-Рюмина, Семенова, Есипова, журналовъ: „*Ежемѣсячные Сочин. и Переводы*“ 1759 г., „*Русск. Бесѣда*“, „*Вѣсти. Европы*“ и „*Russische Revue*“, „*Истор. Гос. Росс.*“ Карамзина, Полн. Собр. Зак., Новгородск. и Двинск. лѣт. и др.—мы воспользовались и мѣстными источниками, какъ-бы предугадывая замѣчаніе нашего рецензента, что „*сила провинціальнаго изслѣдователя* состоитъ въ эксплуатациіи мѣстныхъ источниковъ, недоступныхъ стоячному ученому“: читатель найдеть въ VI и VII гл. нашей монографіи ссылки на Уфимскія Губер. Вѣдомости, Оренбургскій Листокъ, Памятн. книг. Оренб. губ. за 1865 и 1871 г., Пам.

ки. Уфимской губерніи за 1873 г., брошюру Р. Г. Игнатьева: „Каракасалъ, лже-ханъ Башкирии; соч. Старикова: „Откуда взялись казаки“; Адресъ-календарь Оренб. губерніи 1849 г.; „Сказание объ иконѣ Казанской Табынской Божией Матери“ Гуменского, „Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событий Оренбургскаго края съ 1246—1832 г.“ Жуковскаго и др. Недовольствуясь свѣдѣніями о Карасакалѣ Соловьевѣ, мы на страницѣ 164 говоримъ: „Личность Карасакала пользовалась такою популярностью среди башкиръ, что мы считаемъ нелишнимъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ, чѣмъ тѣ, какія находятся въ „Исторіи Россіи“ Соловьевѣ“. Сдѣлавъ эту оговорку, мы и обращаемся къ брошюре Р. Г. Игнатьева: „Каракасалъ, лже-ханъ Башкирии“, почерпая изъ нея данныя, которыхъ пять у Соловьевѣ и которые основаны или на мѣстныхъ архивахъ^{a)} или на преданіяхъ. Послѣ всего сказаннаго, относительно втораго положенія нашего рецензента, вы, читатель, можете сами судить о томъ, какъ иногда пишутся рецензіи на серьёзные и специальные труды въ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналахъ: накопится въ редакціи масса книгъ и брошюръ, о которыхъ нужно что-либо сказать въ библіографическомъ отдѣлѣ хроники; рецензенту, конечно, нѣть никакой возможности прочитать всякое сочиненіе и изучить его въ подробностяхъ, а отзывъ, какой-бы то ни было, долженъ быть сдѣланъ; рецензентъ пробѣгааетъ предисловіе, оглавленіе книги, перелистываетъ нѣсколько страницъ—и пишетъ „ничтоже сумняся“, забывая о нравственной ответственности за сказанное имъ въ печати.

Перейдемъ къ послѣднему положенію рецензента, относительно сочиненія Н. А. Фирсова. Изслѣдованіе Н. А. Фирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства“ и проч., составляющее его докторскую диссертацию, хорошо намъ известно: мы не только читали отмѣченную книгу Н. А. Фирсова, а имѣли удовольствие быть и на его доктор-

^{a)} Въ распоряженіи Игнатьева были слѣдующія архивныя бумаги: 1) дѣла о сношеніи съ киргизскимъ ханомъ Абуль-Хаиромъ 1731—1739 г., по описи № 19; 2) дѣло о башкирѣ Юрматынскай волости, называемомъ Каракасаломъ, 1735—1741 г., № 120; 3) сборники указовъ и высочайшихъ повелѣній съ 1734—1741 г. №№ 20, 40, 70, 79, 101, 113, 119 и 200; 4) книги постановленій Оренбургск. Комиссіи въ 1734—1742 г., №№ 25, 40, 60, 99, 101, 109, 302 и 311; 5) бумаги архива комміндантскихъ дѣлъ Верхнеуральской дистанціи, хранящ. въ архивѣ Верхнеуральскаго Уѣзднаго Суда; 6) рукописи П. И. Рычкова: „Объ Оренбургскомъ краѣ и азиатахъ“ и „О начальствѣ и состояніи Оренб. Комиссіи 1740—1744 г.“, хранящ. въ библіотекѣ Оренбургскаго отдѣла Импер. Русскаго Геогр. Общества.

скомъ диспутѣ, происходившемъ 7-го декабря 1869 года^{a)}; но примѣненіе этого почтеннаго труда, въ качествѣ источника, въ первомъ выпускѣ своей монографіи мы сочли излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ первой части своего изслѣдованія Н. А. Фирсовъ трактуетъ обѣ инородческому населенію *средней* Волги, или теперешней Казанской губерніи, не входившей въ составъ Оренбургскаго края. Что же касается второй части этого труда, то мы воспользовались ею во 2 выпускѣ и, вѣроятно, еще не разъ придется ссылаться на неѣ въ слѣдующихъ выпускахъ монографіи. Удовлетворится ли нашъ рецензентъ настоящими поясненіями или нѣтъ, намъ неизвѣстно; но, на основаніи всего вышесказанного, мы думаемъ, что „разочарованіе“ его едвали *основательно и во всякомъ случаѣ прежде временно*.

Обращаемся къ рецензіи, напечатанной на первый выпускъ нашей монографіи въ „Вѣстнике Европы“^{b)}. Здѣсь вы, между прочимъ, прочтете слѣдующее: „Къ своей настоящей задачѣ авторъ отнесся съ большой старательностью и, кромѣ архивныхъ документовъ, изучилъ и то, что могла представить печатная историческая литература. Біографію Неплюева онъ излагаетъ со всѣми подробностями, какія могъ добыть“ и проч. Затѣмъ рецензентъ слегка *остригъ*, хотя и неосновательно, надѣ нашимъ опроверженіемъ несправедливаго обвиненія Неплюева со стороны Карновича въ раздѣлѣ имѣній Волынского, посвящая этому болѣе половины всей рецензіи (61 строчку изъ 113 строкъ). Какъ видно, рецензентъ, и послѣ приведенныхъ нами несомнѣнныхъ данныхъ, въ опроверженіе мнѣнія Карновича, не вполнѣ еще уѣдился въ его несостоительности; онъ говорить: „Быть можетъ Карновичъ и сдѣлалъ ту ошибку, которую авторъ счѣлъ нравственною обязанностью опровергнуть, и взвелъ на Неплюева „несправедливое“ обвиненіе; но самъ г. Витевскій взвелъ на Неплюева другое, вѣроятно, болѣе справедливое и гораздо болѣе тяжкое обвиненіе“ и проч.; далѣе рецензентъ особенно обращаетъ вниманіе читателя на слѣдующее мѣсто въ нашей книгѣ: „Въ ужасную эпоху иноземнаго правительства въ Россіи, чтобы уцѣлѣть самому, нужно было сдѣлаться или *шутомъ*^{c)} или зл-

^{a)} Изслѣдованіе Н. А. Фирсова было напечатано еще въ 1869 году, а не въ 1871 г., какъ нѣвѣрно утверждаетъ нашъ рецензентъ.

^{b)} См. въ февр. кн. за 1889 г.

^{c)} Курсивъ рецензента.

дѣломъ^{a)}, въ угоду и къ выгодѣ временщиковъ; кто не могъ быть шутомъ, подобно Голицыну, Апраксину и Волконскому,—тотъ дѣлался, хотя бы невольно и на время, злодѣемъ,—таково было время, таковы нравы!^{b)} Что Неплюевъ участвовалъ въ слѣдствіи надъ Волынскимъ, хотя и по волѣ Остермана,—это фактъ, неподлежащий сомнѣнію, въ какомъ-бы свѣтѣ онъ ни представлялъ Неплюева, а что Неплюевъ получилъ въ награду за участіе въ этомъ процессѣ имѣнія Волынского, какъ говорить о томъ Карновичъ,—это несправедливо, что мы и доказали, а „указать ошибки исторической книги“, по мнѣнію самого же рецензента, „обязательно для того, кто замѣтитъ эти ошибки“. Въ дополненіе къ тому, что было сказано нами въ опроверженіе мнѣнія Карновича въ IV гл. первого выпуска, мы сошлемся еще на „Описаніе Старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго (Кіевъ, 1888 г.), где приведены новыя несомнѣнныя данныя въ подтвержденіе того, что малороссійскія деревни, пожалованыя Неплюеву правительницей Анной Леопольдовной, принадлежали раньше Меньшикову, а не Волынскому^{c)}. Намъ невольно думается, что благородное негодованіе нашего рецензента, по поводу замѣчанія на книгу Карновича, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ популярностью этого беллетриста-историка и той формой изложенія, въ которой мы отозвались о книгѣ Карновича: „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“; укажи мы только на ошибку, сдѣланную Карновичемъ, притомъ мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи,—тогда, вѣроятно, мы избѣгли-бы и тѣхъ остротъ, которыя слились съ пера нашего рецензента, вмѣстѣ съ безсильной апологіей Карновича по данному вопросу.—Напрасное беспокойство: указаніе на ошибку Карновича въ процессѣ Волынского, по отношенію къ раздѣлу имѣній послѣдняго, конечно, ни сколько не умаляетъ достоинства сочиненій покойнаго Е. П. Карновича, его историческихъ разсказовъ, повѣстей и романовъ, талантливо и наглядно изображающихъ былая времена и былые порядки; но чѣмъ популярнѣе известное лицо, тѣмъ болѣе мы вправѣ желать отъ него той осмотрительности и осторожности, которая рекомендуются намъ.

^{a)} Тоже.^{b)} См. стр. 95 въ первомъ выпускѣ монографіи.^{c)} См. „Описаніе Старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго, вып. 1 и 2, стр. 232, 233 и 425.

Рецензентъ по поводу нашего замѣчанія относительно того, что Карновичъ разумѣлъ именно основателя Оренбурга, И. И. Неплюева, а не другаго Неплюева, говорить: „Соображеніе совершенно излишнее, потому что другаго Неплюева не было“.— Удивляемся, какъ редакторъ, дѣлая отзывъ о нашей книжкѣ, не замѣтилъ, что въ той же самой книжкѣ, на страницѣ 106, говорится и о „другомъ Неплюевѣ“, именно о Семенѣ Александровичѣ Неплюевѣ, который былъ женатъ на правнучкѣ малороссійскихъ гетмановъ Ивана Скоропадскаго и Даниила Апостола, Евфросиньѣ Петровнѣ Скоропадской. Между нимъ и Ив. Ив. Неплюевымъ не было почти никакого родства, хотя они и происходили отъ одной вѣтви. Въ отмѣченное время С. А. Неплюевъ занималъ мѣсто одного изъ трехъ великороссійскихъ членовъ, засѣдавшихъ въ комиссіи по управлению судебною частію въ Малороссіи. Въ книжкѣ М. И. Пыляева: „Старый Петербургъ“, отзывъ о которой сдѣланъ, кажется, нашимъ же редакторомъ (А. П.) и въ той же февральской книжкѣ „Вѣсты Европы“, разсказывается еще о шутовскихъ поѣздкахъ по своимъ имѣніямъ известнаго орловскаго богача, генерала Неплюева, современника Ив. Ив. Неплюева^a). Итакъ оказывается, что въ отмѣченное время, кромѣ Ив. Ив. Неплюева, были и другіе Неплюевы. Если нашъ редакторъ хотѣлъ сказать, что въ процессѣ Волынскаго не участвовалъ другой Неплюевъ, а именно Ив. Ив. Неплюевъ; тогда слѣдовало бы выражаться опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе, что самъ редакторъ, хотя и вскользь, обращаетъ вниманіе на стилистическую сторону и языкъ въ нашей монографіи.

Редакторъ также упрекаетъ насъ въ излишествѣ ненужныхъ подробностей, какими онъ считаетъ напримѣръ „разсужденія о дворянскихъ генеалогіяхъ и дѣло о Волынскомъ“. Но, по нашему мнѣнію, вопросъ о дворянскихъ генеалогіяхъ настолько важенъ, что мы сочли неудобнымъ пройти его совершеннымъ молчаніемъ, особенно въ виду баснословнаго сказанія о происхожденіи рода Неплюевыхъ, сообщеннаго намъ Н. Н. Неплюевымъ, тѣмъ болѣе, что Неплюевы происходятъ отъ одного родоначальника съ нынѣ царствующимъ въ Россіи домомъ Романовыхъ. Одинъ достопочтенный и маститый русскій ученый въ частномъ

^{a)} Пыляевъ. Старый Петербургъ съ 100 гравюрами. Издание А. Суворина, 1887 г., стр. 191 и 192.

письмѣ къ намъ, отъ 10 декабря 1888 г., замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Сердечно желаю, вмѣстѣ со многими, занимающимися русской исторіей, чтобы вы скорѣе довели до конца ваше сочиненіе, отличающееся еще и тѣмъ достоинствомъ, что вы не оставили безъ вниманія новѣйшихъ изслѣдований, какъ напр. о несостоятельности мнѣнія нашихъ родословцевъ о выездѣ многихъ дворянскихъ родовъ изъ Пруссии или изъ Нѣмецкаго“. — Итакъ то, что другіе считаютъ „достоинствомъ“ нашего труда, рецензентъ называетъ его недостаткомъ, — видно, о вкусахъ не спорить. — Что же касается дѣла Волынского, то было-бы очень странно, говоря о Неплюевѣ, умолчать о процессѣ Волынского, въ которомъ выпала на долю Неплюева такая хотя невольная и печальная, но видная роль ближайшаго слѣдователя и выполнителя смертного приговора надъ Волынскимъ и его конфидентами: Хрущевымъ и Ерошкинымъ. Съ другой стороны, хотя нашъ рецензентъ и говоритъ, что „дѣло Волынского въ послѣднее время подробно разсказано нѣсколько разъ и очень можетъ считаться извѣстнымъ“; но въ данномъ случаѣ суть дѣла не въ подробностяхъ, отъ которыхъ мы и воздержались въ изложеніи, а въ извѣстномъ освѣщеніи фактовъ и личности самого Волынского, возведеннаго многими за его мученическую кончину на незаслуженный имъ пьедесталъ „гражданина-патріота и честнаго человѣка“.

Въ заключеніе всего нашъ рецензентъ говоритъ о стилистическихъ недостаткахъ изложенія, основываясь на слѣдующихъ двухъ мѣстахъ книги: 1) онъ не понимаетъ выраженія, какъ „государственная исторія Россіи уступила место народной“, и 2) считаетъ вычурнымъ слѣдующее мѣсто: „Никто (говоримъ мы) не будетъ оспаривать того, что Россія имѣла не мало замѣчательныхъ людей въ прошедшихъ вѣкахъ ея исторіи и въ особенности въ XVIII вѣкѣ; во многихъ ея могилахъ покоится прахъ самыхъ энергичныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ на родной нивѣ“ и проч. Какое существуетъ различіе между *государственной* исторіей, въ тѣсномъ смыслѣ, и *народной* вообще, между, напр., „*Истор. Госуд. Росс.*“ Н. М. Карамзина и „*Исторіей Россіи*“ С. М. Соловьевъ, думаемъ, понятно всякому образованному человѣку; въ выраженіи: „во многихъ могилахъ *Rossii*“ и проч., которое подчеркиваетъ нашъ рецензентъ, мы тоже не видимъ особенной вычурности, затемняющей смыслъ фразы. Не раздѣляя мнѣнія своихъ рецензентовъ, авторъ всетаки

благодаренъ имъ за то, что они почили даже начало его труда своимъ вниманіемъ; будемъ надѣяться, что и казанская пресса отмѣтитъ на своихъ страницахъ, по крайней мѣрѣ, появление втораго выпуска, имѣющаго чисто мѣстный интересъ.

Вниманіе нашего правительства и частной русской предпріимчивости, торговыхъ и промышленныхъ силъ страны, въ настоящее время преимущественно обращено на востокъ, куда безостановочно и неудержимо стремится колонизаціонное движение великорусского племени, которому стало тѣсно и жутко внутри Европейской Россіи, гдѣ, по заявлению самихъ же переселенцевъ, „и земли стало мало, и земли повыпахались“, утративъ плодородный кремнезѣмъ. Сибирь и Средняя Азія, конечно, могутъ служить въ этомъ отношеніи надежнымъ оплотомъ экономического благосостоянія крестьянъ; но переселенцы должны хорошо знать, куда они идутъ и чтѣ ихъ ожидаетъ на новыхъ мѣстахъ: сколько пахотной земли, каковы она, сколько лѣсу, луговъ, есть-ли рѣка; будетъ ли оказана имъ какая помощь, во время переселенія; какія даны будутъ льготы и на какой срокъ^{a)} и т. п. Въ противномъ случаѣ это „добровольное“ и „темное“ блужданіе обносившихся и разорившихся крестьянъ изъ страны въ страну, изъ одной мѣстности въ другую, съ Ю. на С., и съ З. на В. будетъ только служить причиною къ увеличенію пролетаріата и къ сокращенію числа рабочихъ рукъ. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ еще недавно разорялись и гибли десятки тысячъ крестьянскихъ рабочихъ семей^{b)}, стремившихся къ В. и ЮВ. на какія-то невѣдомыя для нихъ вольныя земли,— это хорошо известно и памятно многимъ; но съ отраднымъ чувствомъ за благо и счастіе родной страны отмѣчаемъ тотъ фактъ, что правительство снова взяло въ свои руки дѣло переселенія крестьянъ, которое было организовано у насть, еще лѣтъ сорокъ тому назадъ,

^{a)} Недавно опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственного Совета о добровольномъ переселеніи на казенные земли сельскихъ обывателей и мѣщанъ. Согласно этому мнѣнію, переселенцамъ предоставлены слѣдующія льготы: а) лица, освобожденные отъ подушной подати, не облагаются ею при перечислении въ мѣстности, гдѣ подать сія существует; б) все переселенцы освобождаются отъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли, въ Европейской Россіи—въ теченіи двухъ лѣтъ, а въ остальныхъ мѣстахъ—въ теченіи трехъ лѣтъ, считая со дня нового водворенія; въ послѣдующіе затѣмъ три года переселенцы облагаются сборами и платежами въ половинномъ размѣрѣ; г) переселенцы пользуются отсрочкою исполненія воинской повинности въ Европ. Россіи—на два года, а въ остальныхъ мѣстахъ—на три года; г) переселенцы имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсѣченіе полей. См. вт. газетѣ: „Гражданинъ“ № 278 за 1889 г.

^{b)} См. объ этомъ вт. август. кн. „Русскаго Вѣсти.“ за 1889 г., стр. 308—323. Внутреннее обозрѣніе.

и въ подробно-разработанномъ видѣ вошло въ XII т. Свод. Зак.^{a)}, но совершенно было забыто въ недавнее время. Переселенія крестьянъ на новые мѣста, безъ сомнѣнія, должны соотвѣтствовать не только экономическимъ, а и политическимъ видамъ государства; почему судьбы восточныхъ окраинъ Россіи и колонизація ихъ доселѣ не перестаютъ занимать вниманіе нашего правительства. Подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора В. К. Плеве, была, какъ известно, организована особая комиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій обѣ управлениіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. Комиссія эта уже окончила свои занятія, выработавъ особый проектъ измѣненій въ нынѣшнемъ административномъ устройствѣ отмѣченныхъ областей. По этому проекту, какъ слышно, Тургайская область упраздняется, а въ замѣнѣ ея будетъ образована новая степная область—Казалинская. Уѣзды Илецкій и Николаевскій Тургайской области предположено присоединить къ Оренбургской губерніи, а изъ уѣздовъ Иргизского и Тургайского, вмѣстѣ съ Казалинскимъ и Перовскимъ, входившими прежде въ составъ Сырь-Дарынской области, образовать новую область—Казалинскую, съ подчиненіемъ ея министерству внутреннихъ дѣлъ. До настоящаго времени этотъ обширный край находился почти въ исключительномъ пользованіи киргизовъ, которые еще не свыклись съ осѣдлой жизнью; послѣдняго, безъ сомнѣнія, возможно будетъ достигнуть только чрезъ усиленіе здѣсь русского элемента, посредствомъ правильно и разумно организованныхъ переселеній сюда изъ внутренней Россіи, на что, вѣроятно, и обратить должно внимание администрація проектированной Казалинской области, при живомъ содѣйствіи со стороны правительства. Въ виду этихъ обстоятельствъ, изученіе восточныхъ окраинъ Европейской Россіи получаетъ особенную важность; къ сожалѣнію, въ нашей исторической литературѣ доселѣ нѣть обстоятельныхъ изслѣдованій, которыя бы знакомили насъ съ первоначальной исторіей этихъ окраинъ, съ ихъ заселеніемъ, администраціей, укрѣплениемъ и развитиемъ въ нихъ торговли и промышленности въ первое время, по присоединеніи ихъ къ Россіи. Чтобы сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, авторъ настоящей монографіи и задался цѣлію

^{a)} Изд. 1857 г.

XVIII СОДЕРЖАНИЕ И ВЫПУСКА МОНОГРАФИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ НЕМУ.

изложить исторію Оренбургскаго края, въ прежнемъ его составѣ, начиная съ пріобрѣтенія Россіей этого края до 1758 г.

Главнымъ устроителемъ восточныхъ окраинъ Европ. Россіи былъ И. И. Неплюевъ, котораго, по справедливости, можно назвать Петромъ Великимъ, по отношенію къ Оренбургскому краю. Излагая данныя о плодотворной дѣятельности этого замѣчательнаго административнаго генія, мы сочли необходимымъ заглянуть и въ до—Неплюевскую исторію края, которому онъ попреимуществу посвятилъ свои силы и способности: главы VI и VII первого выпуска знакомятъ съ дѣятельностію предшественниковъ Неплюева, именно: съ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, а настоящій *второй выпускъ монографии* заключаетъ въ себѣ данныя о начальной дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ самого Неплюева. Содержаніе этого выпуска лучше всего видно изъ прилагаемаго къ нему оглавленія; здѣсь же мы замѣтимъ вообще, что въ немъ говорится объ основаніи, построеніи и укрѣпленіи настоящаго Оренбурга, объ отношеніи Неплюева къ уфимскому вице-губернатору П. Д. Аксакову, отданному имъ за злоупотребленія по службѣ подъ судъ; далѣе приводятся данныя о стратегическихъ мѣропріятіяхъ Неплюева, предпринятыхъ имъ для безопасности края, и объ его административной дѣятельности среди Яицкаго казачьяго войска, въ связи съ его отношеніями къ бѣглымъ на Иргизѣ и Яикѣ, а также и къ раскольникамъ, скрывавшимся среди Яицкаго войска. Къ настоящему выпуску прилагаются литографированные виды древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ, построенныхъ и освященныхъ при Неплюевѣ; видъ же иконостаса походной церкви, во имя обновленія храма Воскресенія Христова, обѣщанный нами въ первомъ выпускѣ, будетъ приложенъ къ слѣдующему III выпуску, въ который выйдутъ данныя объ отношеніи Неплюева къ башкирамъ, калмыкамъ, нагайбакамъ и др. инородцамъ Оренбургскаго края. Предлагая вниманію общества и представляя на судъ печати настоящій *второй выпускъ* своего труда, авторъ лѣститъ себя надеждой, что онъ найдетъ силы къ его продолженію въ общемъ сочувствіи къ его задачѣ какъ со стороны интеллигентной части общества, такъ и со стороны нашей серьѣзной прессы, уже почтившей своимъ вниманіемъ первый выпускъ монографіи.

Владимиръ Витевскій.

Казань, 1-го Октября
1889 г.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА VIII.

Прибытие Неплюева въ Оренбургъ и первоначальная мѣры, принятыя имъ
къ устройству края въ Финансовомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.—Основа-
ніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.—Акашковъ и Соймо-
новъ.—Слѣдствіе по дѣлу Акашкова и удаленіе его отъ должности.—Волне-
ніе среди крестьянъ Тевкелева.—Исходъ слѣдствія по дѣлу Акашкова.

“Видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, я былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ кою въ сію экспедицію прибылъ”.

—чиндо и вѣтнам отънятъ тѣмъ, это отъчина! — **Неплюевъ.**
—изъявъ ид-гихъ ахнъ ажъ пысѣдъ, піотоцътъ гынъ юношескъ ажъ
цидистанъ юнъзъ гы монимидъ. **“Здоровенъ-ли, Сіятельный? — Маленький**
воръ Аксаковъ челомъ бѣть большому вору, т. е.,
—въ оправданіи заслуженъ єжъ ахнъ, **Вашему Сіятельству”.**

цикластіл-ондо Симпсоном (Изъ письма Твердышева къ Турчанинову).

Не смотря на труды Кириллова, Татищева и Урусова, посвященные ими умиротворению и устройству Оренбургского края, Неплюеву предстояло здесь обширное поле деятельности, особенно если принять во внимание самую пеструю смесь племенъ, населявшихъ этотъ край, сбродность пришлага русского элемента, вошедшаго въ его составъ, постоянная волненія среди башкиръ, взаимную вражду киргизъ и калмыковъ, грабежи тѣхъ и другихъ и обширность территории Оренбургского края, простиравшейся на 5500 в. въ окружности, при отсутствіи должныхъ укрѣплений и удобныхъ путей сообщенія. Много требовалось терпѣнія, опыта, дипломатической мудрости, ума и энергіи отъ человѣка, на долю котораго выпало решеніе сложной и трудной задачи, предназначданной Петромъ Великимъ, по отношенію къ Оренбургскому краю и Средне-азиатскимъ странамъ.

Неплюеву прежде всего необходимо было пріобрѣсти нравственное вліяніе на поселенцевъ края и сискать себѣ ихъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что надежда на непосредственныхъ руководителей пришлага русскаго населенія была плохая: пастыри духовнаго стада въ краѣ сами были, по большей части, люди безнравственные и ссылочные за разныя преступленія, и потому сами требовали нравственной поддержки и надзора за ними.

Припомните, напримѣръ, поведеніе самарскаго протопопа Аитина Мартіанова, посаженнаго Татищевымъ за пьянство и буйство на цѣнь,^{a)} и прочтите отвѣтъ Оренбургскаго Духовнаго Правленія, отъ 5 августа 1739 года, на запросъ Казанской Консисторіи, которая пожелала узнать, каковы священники въ новоколонизуемомъ краѣ, откуда они взялись, гдѣ служатъ и сколько ихъ числомъ^{b)}. Составъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ края также заставлялъ желать очень многаго: взяточничество деньгами и натурой (напр. лошадьми),^{c)} пьянство и буйство, жестокость въ обращеніи съ подчиненными, взаимная распри, клевета и доносы^{d)} были нерѣдкими явленіями среди военнаго и чиновнаго міра въ краѣ. Положеніе новаго начальника края представляло не мало затрудненій и въ томъ отношеніи, что обязанности губернаторовъ были крайне неопределены: точныхъ границъ между властю судебной, исполнительной и полицейской не было.^{e)} Въ то же время власть командировъ Оренбургскаго края была громадна. Отдаленность Оренбурга отъ административнаго центра и обширность подчиненной имъ территории дѣлали изъ нихъ какъ-бы независимыхъ правителей: имъ не только были подчинены въ высшей инстанціи дѣла судебнаго и административнаго, но отъ нихъ же непосредственно зависѣли и дипломатическія сношенія съ пограничными Средне-азіатскими народами и владѣльцами, и местное законодательство; всѣ войска, расположенные въ краѣ, были въ полномъ ихъ распоряженіи; кроме того имъ дана была неограниченная власть и надъ всѣми обитателями обширнаго края. Какъ отнесся къ своему новому положенію Иванъ Ивановичъ Неплюевъ и что сдѣлалъ полезнаго для Оренбургскаго края, увидимъ это дальше.

Предшественники Неплюева жили, по большей части, въ Самарѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, скончались и погребены двое изъ нихъ: Кирилловъ и Урусовъ; въ Самару же долженъ былъ отправиться и Неплюевъ. Леонтий Яковлевичъ Соймоновъ, исправлявшій, по смерти Уруса, должность главнаго командинга Оренбургскаго края, находился въ это время въ Мензелинскѣ. Получивъ сенатскій указъ о назначеніи Неплюева, Соймоновъ поспѣшилъ въ Самару, куда и прибылъ 10 февраля 1742 года; къ пріѣзу Неплюева онъ скомпликтовалъ гарнизонный и ландмилицкій полки съ штабомъ и оберъ-офицерами по баллотировкѣ и особымъ аттеста-

^{a)} Смотр. выше стр. 156 и 157.

^{b)} Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ Пам. кн. Оренб. губ. за 1872 г., стр. 142 и д.

^{c)} См. выше гл. VII, стр. 154 и 155.

^{d)} Въ Тургайскомъ обл. архивѣ имѣется не мало дѣлъ о словосказателяхъ, взяточничествѣ, пьянствѣ и буйствѣ чиновниковъ.

^{e)} П. С. Зак. Указы отъ 24 февр. 1727 г. и 12 сент. 1728 г.

тамъ.^{a)} 25 апрѣля 1742 г.^{b)} Неплюевъ прибылъ въ Самару и въ началѣ мая принялъ отъ Соймонова всѣ дѣла и команду, а Соймоновъ былъ вызванъ въ Москву^{c)}, для личнаго объясненія Сенату о злоупотребленіяхъ уфимскаго вице-губернатора П. Д. Аксакова, какъ увидимъ это дальше. 4 мая того же года Неплюевъ, находясь еще въ Самарѣ, получилъ указъ, въ которомъ было разъяснено, „какимъ образомъ чинить, ежелибъувѣдано было между башкирцами новое замѣшательство“, и подтверждено: „принявъ ему тайному советнику имѣвшуюся прежде у генераль-лейтенанта Соймонова всю команду и все, что въ вѣдомствѣ онаго генераль-лейтенанта ни было, въ тѣхъ дѣлахъ поступать во всемъ съ такимъ порядкомъ, какъ имѣющіеся указы повелѣваютъ, дѣйствовать по онымъ, чиня съ крайнимъ раденіемъ.“^{d)}

Въ іюнѣ Неплюевъ выѣхалъ изъ Самары въ Уфу, для личныхъ переговоровъ съ уфимскимъ вице-губернаторомъ П. Д. Аксаковымъ, а изъ Уфы онъ долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ (нынѣшній Орскъ). Въ концѣ іюня Неплюевъ прибылъ въ Переволоцкую крѣпость^{e)}, находящуюся въ вершинахъ р. Самары, и здѣсь 30 іюня собралъ изъ штабъ-офицеровъ военный Советъ, на которомъ были обсуждены нѣкоторыя мѣры и средства къ укрѣпленію линіи по рѣкѣ Сакмарѣ, впадающей съ правой стороны въ Ураль. Советъ, между прочимъ, постановилъ поселить на этой рѣкѣ ландмилицкій Шеминскій драгунскій полкъ^{f)}. Подполковникъ Будкевичъ тогда же былъ отправленъ съ командою, для заготовленія въ двухъ, наиболѣе удобныхъ къ поселенію, мѣстахъ достаточнаго количества лѣса, а ниже Сакмарскаго городка, на рѣчкѣ Большой Каргалѣ была устроена „казенная пильная мельница“. Результатомъ этого было возникновеніе на Сакмарѣ двухъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской и двухъ редутовъ: Желтаго и Никитскаго. Эти укрѣпленія были расположены въ такомъ порядке: въ 30 верстахъ отъ Сакмарскаго городка, основанаго и заселенаго въ 1725 г. Яицкими казаками, вверхъ по рѣкѣ была крѣпость Пречистенская; въ 23 верстахъ отъ нея — редутъ Никитскій; въ 25 верстахъ отъ послѣдняго — крѣпость Воздвиженская, а верстъ на 30 еще выше по Сакмарѣ — Желтый редутъ. Неплюевъ приказалъ

^{a)} Ежемѣсячн. Сочиненія и Перев. 1759 г., іюль, стр. 502.

^{b)} А не 1743 г., какъ напечатано въ Уфимск. Губ. Вѣдом., въ ст. Р. Игнатьева. См. № 46 за 1873 годъ.

^{c)} Сен. арх. 66, 133.

^{d)} Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 145.

^{e)} Нынѣ Переволоцкая станція на Оренбургско-Самарской желѣзной дорогѣ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга по направлению къ Самарѣ, а не въ 22, какъ значится въ книгѣ Н. А. Фирсова: „Инородч. населеніе прежнаго Казанскаго царства“ и проч., стр. 333.

^{f)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 131.

общести эти укрепленија заплотомъ, сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ батареи и на нихъ поставить пушки. Въ Пречистенской крѣпости было поселено пять ротъ Шешминского драгунскаго полка и одна рота Алексѣевскаго пѣхотнаго полка; остальная же роты Шешминского и одна рота Алексѣевскаго полковъ поселены въ Воздвиженской крѣпости, которая была основана лично самимъ Неплюевымъ, на обратномъ пути изъ Оренбурга, въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, 14 сентября 1742 года. Командиръ Сакмарской дистанціи долженъ былъ жить въ Пречистенской крѣпости, какъ ближайшей къ Оренбургу. Въ томъ же году 20 юля, въ день Св. Пророка Иліи, Неплюевъ положилъ основание на рѣкѣ Яикѣ Ильинской крѣпости; въ ней были поселены двѣ роты драгунъ и полроты солдатъ.

По прибытии въ Уфу, въ юль того же (1742) года, Неплюевъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора Аксакова и подробно распросилъ его о состояніи края во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Аксаковымъ, и послѣ внимательнаго изученія состоявшихся прежде указовъ объ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ вынесъ самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, касательно башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставалась покуда только на бумагѣ; должностнаго административнаго порядка, который-бы могъ гарантировать спокойствіе края, не было; между башкирами было много недовольныхъ русскою властію и особенно ея представителями въ самой Башкирии; въ расходованіи суммъ былъ найденъ страшный беспорядокъ и громадный дефицитъ; экономическое состояніе инородцевъ и русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края было въ самомъ плачевномъ состояніи, вслѣдствіе постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ, злоупотребленія воеводъ и другихъ лицъ чиновнаго міра; многія деревни были опустошены или выжжены; большія пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледѣльца и рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, нечего и говорить: каждый караванъ пришлось-бы охранять цѣльнымъ войскомъ не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шаекъ каракалпаковъ, кашгарцевъ, хивинцевъ и другихъ средне-азіатскихъ народовъ; на громадномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и отъ Оренбурга (нынѣшняго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрепленнаго пункта; самый Оренбургъ, кромѣ командирскаго дома, состоялъ исключительно изъ бѣдныхъ землянокъ; крѣпость была окружена плетнемъ, находившимся на верху землянаго вала, и охранялась небольшимъ гарнизономъ; нѣсколько лучше другихъ пунктовъ былъ укрепленъ Яицкій горо-

докъ, или нынѣшній Уральскъ. Понятно послѣ этого, какое обширное поле дѣятельности предстояло здѣсь Неплюеву, и какихъ громадныхъ трудовъ требовало оно, для его обработки, со стороны нового командира Оренбургскаго края.

Изъ Уфы Неплюевъ отправился въ Оренбургъ (Орскъ), куда только разъ въ годъ пріѣзжали изъ Самары командиры съ многочисленнымъ конвоемъ, „а въ зимнее время“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „и вовсе коммуникація прекращалась“.^{a)} По прибытіи въ Оренбургъ, Неплюевъ прежде всего пожелалъ лично осмотрѣть всѣ мѣста ввѣреннаго ему края; почему „того-же 1742 года“, — говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, — „по онимъ иѣздили и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлили заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя, укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточными^{b)}.... снабдя всѣ тѣ мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ, артиллерию и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовалъ Орскою, по близости рѣки того названія, (опредѣлиль) укрѣпить валомъ съ бастіонами“.^{c)}

Междудѣмъ башкиры все еще не могли помириться съ своимъ положеніемъ. По осени 1742 г. Неплюевъ узналъ, что „башкирецъ Казанской дороги деревни Кали-Таймакъ Муслемъ Кусумовъ съ товарищи чинять противности, ведутъ тайные переговоры, безъ вѣдома старшинъ и безъ паспортовъѣздятъ въ степь мѣсяца на четыре“.— Всѣдѣствіе этого, Неплюевъ командировалъ въ Мензелинскъ, для изслѣдованія дѣла, премьеръ-маіора ландмилицкаго Шешминскаго полка Исаакова. Донося о томъ, куда слѣдуетъ, Неплюевъ просилъ прислать къ нему на помощь генераль-маіора или искуснаго бригадира, всѣдѣствіе чего и былъ командинрованъ къ нему генераль-маіоръ Фонъ-Штокманъ^{d)}. 15 ноября 1742 года Неплюевъ получилъ, чрезъ инженеръ-капитана Гасафѣева, изъ Сената указъ, которымъ повелѣвалось содержавшагося подъ арестомъ главнаго вора изъ башкиръ Едглашу муллу, при собраніи башкирскихъ старшинъ, казнить смертію, по силѣ указа 20 августа 1739 г., а Уразая, другаго башкирскаго бунтовщика, вѣдѣно розыскать и также казнить. Извѣстный уже намъ Карасакалъ^{e)} также не переставалъ озабочивать правительство. Выше было сказано, что онъ скрылся въ киргизской степи

^{a)} См. его Записки въ Р. Арх. 1871 г., стр. 658—659.

^{b)} Въ рукоп. Записк. пропускъ одного или нѣсколькихъ словъ. См. тамъ-же.

^{c)} См. тамъ же.

^{d)} Сен. Арх. 66; 275.

^{e)} Выше мы почти вездѣ называли Карасакала „Каракасаломъ“, но послѣднее название, встрѣчающееся во многихъ архивныхъ бумагахъ, вѣроятно, произошло отъ ошибки писцовъ или же объясняется простою перестановою слоговъ *ка* и *са*, подобно тому, какъ и у насъ: *долонъ* (длань)—*модонъ*.

и пропалъ безъ вѣсти^{a)}. Считаемъ нeliшнимъ привести здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ, въ дополненіе къ тому, что было сказано нами о Карасакалѣ раньше. Память о Карасакалѣ и его храбрости не исчезли среди башкиръ и послѣ того, какъ онъ самъ скрылся на своемъ борзомъ конѣ въ далекую степь: о немъ слагали и пѣли пѣсни башкиры; говорили о подвигахъ его киргизы; доносились разныя вѣсти о храбромъ батыре и до Оренбургскаго начальства; но никто не зналъ съ точностю, гдѣ онъ находится и что думаетъ. Князь В. А. Урусовъ, между прочимъ, въ юлѣ 1740 г. доносилъ Сенату, что Карасакалъ былъ „нагнаи киргизами, раненъ, пойманъ и находится у Абыза“.— Очевидно, что Урусовъ сдѣлалъ такое доношеніе на основаніи слуховъ, но провѣривши ихъ на самомъ дѣлѣ, какъ это оказалось впослѣдствіи. Его преемникъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ 30 ноября 1741 года писалъ въ Сенатъ, что вышедший изъ киргизскихъ степей Иванъ Лапинъ, находившійся въ плѣну у Карасакала, заявилъ, что Карасакалъ намѣревается прибыть въ Оренбургъ съ повинною. Сенатъ, по сношеніи съ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, предписалъ Соймонову, чтобы онъ, если только Карасакалъ явится, отправилъ его, подъ предлогомъ представленія ко Двору, въ Самару и здѣсь скованнаго заключилъ въ „секретное крѣпкое мѣсто“^{b)}.— Но заявленіе Лапина не оправдалось: Карасакалъ не явился. Расчитывая на корыстолюбіе киргизъ, правительство обѣщало за голову Карасакала отъ 500 до 1000 рублей^{c)}, но и это не помогло: никто не зналъ или не хотѣлъ сказать, гдѣ находится храбрый батырь. Прошло еще три года—и о Карасакалѣ стали уже забывать и пограничныя власти; успокоились и въ Петербургѣ. Вдругъ одинъ изъ враговъ Карасакала, киргизскій батырь Башлыкъ-Коже-Берды заявилъ, что Карасакалъ живъ, только „онъ Карасакалъ кочуетъ нынѣ отъ нихъ (киргизъ) въ дальнемъ разстояніи и они съ нимъ не въ мирѣ“^{d)}.— Генералъ-майоръ Киндерманъ, узнавшій о томъ отъ полковника Зорина, 28-го февраля 1745 г. донесъ Сенату, что grenадеръ Енисейскаго полка Холкинъ, сопровождавшій съ командою зюнгорскаго посла, заявилъ, что „Башлыкъ-Коже-Берды батырь приказывалъ ему, Холкину, сказать въ крѣпости капитану, ежели Карасакала команды ево люди прикочуютъ подъ крѣпости и будутъ чинить обиды, и будетъ за ними погоня; то-де и ему Башлыку извѣстіе подали, хотя чрезъ ево людей,

^{a)} Стр. 174.^{b)} Указы 1742 г., въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 14, л. 1, 8 и 18.^{c)} Тамъ же, л. 109. Указъ отъ 21 октября 1742 г.^{d)} Указы 1745 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 141—144.

то и онъ за нимъ Карасакаломъ въ погоню пойдетъ^{a)}.—Сенатъ, получивъ доношеніе Киндермана, снесся съ Кол. Иностр. Дѣлъ и 30 апрѣля 1745 г. препроводилъ Неплюеву указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „когда ево Карасакала непріятельскія на россійскія мѣста движенія увѣданы будуть, то и кочующему съ войсками не въ дальности отъ Семипалатной крѣпости кайсацкому Башлыку-Коже-Берды батырю знать дать^{a)}.—Но Карасакалъ такъ и не являлся; по крайней мѣрѣ, въ архивныхъ бумагахъ, которыми мы располагали, нѣтъ на то указаній; слухъ о немъ съ этого времени совершенно западъ.

Въ виду еще не вполнѣ спокойнаго состоянія края и возможности новыхъ возмущеній, Неплюевъ всего болѣе былъ озабоченъ устройствомъ надежныхъ укрѣплений и переселеніемъ въ Оренбургскій край русскихъ, для чего требовались, помимо другихъ условій, деньги; не даромъ еще Алкивіадъ на вопросъ ачинянъ, что нужно для веденія войны, отвѣчалъ: «*золото, золото и золото*». Между тѣмъ денегъ въ распоряженіи Неплюева почти не было; поэтому 16 декабря 1742 г. онъ обратился въ Сенатъ съ просьбой, чтобы на предстоящей 1743 годъ выслали ему на расходы по Оренбургской комиссіи 40,000 р., изъ нихъ на артиллерію и инженерныхъ служителей 3,454 р., на сѣменной хлѣбъ и переселеніе—2500 руб., на содержаніе ссыльныхъ—1000 руб. и на строеніе Оренбурга—5000 руб.—Въ своемъ представлѣніи въ Сенатъ Неплюевъ указалъ и на тѣ деньги, которые не были своевременно высланы въ Оренбургскую Комиссію изъ разныхъ мѣстъ, и просилъ, чтобы Сенатъ «*наи-стражайше*» подтвердилъ о скорѣйшей высылкѣ тѣхъ недоимокъ. Изъ представленія Неплюева видно, что за Казанской Губернской Канцеляріей числилось недоимки за 1741 г. 5,306 р. и за 1742 г. 18,444 р., всего же 23,750 руб.; за Исетской Провинціальной Канцеляріей было недоимки 25,000 р., что въ сложности составляло весьма крупную цифру въ 48,750 рублей.

Въ царствование Императрицы Анны Иоанновны, гарнизоннымъ и ландмилицкимъ полкамъ, расположеннымъ въ Оренбургскомъ краѣ, велѣно было производить жалованье, въ теченіе трехъ лѣтъ, наравнѣ съ остзейскими полками, на что и было ассигновано изъ доходовъ Казанской губерніи 21,564 р. 97 к. Неплюевъ представилъ въ Сенатъ, чтобы это преимущество въ жалованіи было оставлено навсегда только за тѣми полками, которые будутъ расположены по рѣкамъ Сакмарѣ, Яику и Ую, полки же, находя-

^{a)} Тамъ же, л. 141.

^{b)} Тамъ же, л. 143 на оборотѣ.

щиеся внутри Башкирии по р. Самарѣ, по мнѣнію Неплюева, не должны были пользоваться этой привилегіей^{a)}. Сенатъ, въ отвѣтъ на представление Неплюева, опредѣлилъ: „недоимку за прошлые 741 и 742 годы отправить немедленно къ Неплюеву изъ имѣющихъ въ наличности доходовъ (кромѣ адмиралтейскихъ и подушныхъ сборовъ), подъ опасеніемъ штрафа и взысканія всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые потерпить казна отъ такой неаккуратности, съ казанского губернатора“. Въ случаѣ же невозможности Казанской Губернской Канцеляріи выслать числящуюся за ней недоимку, Неплюевъ былъ уполномоченъ употребить необходимую для расходовъ сумму изъ доходовъ Исетской провинціи, а Казанская Губернская Канцелярія должна была представить послѣ эту сумму въ то мѣсто, куда повелѣно будетъ указами. Исетской Провинциальной Канцеляріи также было предписано выдать Неплюеву числящуюся за ней недоимку въ 25,000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ внушаетъ Неплюеву, чтобы онъ въ расходахъ былъ бережливъ и требуетъ, чтобы начатые прежде и вновь застроенные храмы были окончены, а то „прежде и большія суммы требовали“, — говорится въ указѣ, — „однако тѣ церковные строенія и понынѣ еще продолжаются“^{a)}.

Не дожидаясь этой резолюціи Сената, послѣдовавшей уже 30 апрѣля и полученной Неплюевымъ только 31 мая 1743 г., командиръ края еще 18 января того же 1743 года донесъ Сенату, что онъ считаетъ необходимымъ лично осмотрѣть мѣста подъ строеніе крѣпостей въ Исетской провинціи, побывать въ Уфѣ для переговоровъ съ Аксаковымъ о построеніи Оренбурга, а оттуда — проѣхать въ Тюмень, для свиданія съ сибирскимъ губернаторомъ, и что онъ уже выѣхалъ для этой цѣли изъ Самары. Неплюевъ въ эту поѣздку осмотрѣлъ всѣ мѣста по верхнему Уралу и Ую на протяженіи болѣе семи сотъ верстъ, начиная отъ нынѣшняго Орска, или первоначального Оренбурга. Здѣсь не было еще ни одного укрѣпленія, кромѣ Верхнеицкой пристани (нынѣшняго Верхнеуральска). Въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ Неплюевъ лично положилъ основаніе многимъ крѣпостямъ и редутамъ, поселивъ въ нихъ гарнизоны и доставивъ все необходимое для ихъ защиты отъ набѣговъ степенныхъ хищниковъ. Въ это время были основаны слѣдующіе 18 редутовъ: Калпаккій, Тераклинскій, Орловскій, Березовскій, Грязнушенскій, Сыртинскій, Ангельскій, Верхокизильскій, Спасскій, Свіяжскій, Ерзединскій, Подгорный, Саларскій, Ключевской, Березовскій, Луговой,

^{a)} Тамъ же. Указы 1743 г., № 15.^{b)} Тамъ же. Указъ Прав. Сената, отъ 30 Апрѣля 1743 г., за № 2729.

Кагардышкій и Озерной. Кромъ поименованныхъ редутовъ, тогда же было положено основание слѣдующимъ осьми крѣпостямъ: Таналыцкой, Урдасымской, Кизылской, Магнитной, Троицкой^{a)}, Каракульской, Кругоярской и Усть-Уйской. Во всѣхъ почти крѣпостяхъ положено было поселить двѣ роты драгунъ и полроты или роту пѣхоты. Крѣпость Усть-Уйская была построена на мѣстѣ бывшаго поселка при Далматовскомъ монастырѣ, о чёмъ имѣются свѣдѣнія въ монастырскомъ архивѣ²⁶). Документы Далматовского монастыря обѣ этомъ поселкѣ, между прочимъ, сообщаютъ слѣдующее: „Исетское поселье за рубежомъ монастырской вотчины Усть-Уйское вверхъ по Тоболу р. на устьѣ р. Уя, отъ монастыря ъзы днѣй съ шесть, построено дворецъ и въ дворцѣ изба. Поселье состояло при рыбномъ промыслѣ по рѣчкамъ и озераамъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ имѣло угодья хмѣльные, сѣнокосные и горные промыслы“^{b)}.

Между тѣмъ, какъ самъ Неплюевъ, помиравшись съ своимъ положенiemъ и обстановкой на новомъ мѣстѣ, такъ энергично и дѣятельно принялъ за устройство Оренбургскаго края и совершилъ забыть, по его выражению, „ту прискорбность, съ кою въ сию Экспедицію прибыль,“ — жена его, сопровождавшая мужа при обозрѣніи края, не переставала скучать и грустить среди башкиръ и другихъ инородцевъ края. Въ то самое время, какъ Неплюевъ возвращался вмѣстѣ съ нею изъ своей поѣздки по верхней линіи, „грусть,“ — говорить онъ, — „превозмогла жену мою, которая въ томъ же году въ Орской крѣпости преставилась. Я спѣшилъ удались сего мѣста, что и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребенiemъ.“^{c)} Не даромъ Анна Ивановна заливалась горькими слезами и приходила въ отчаяніе, когда впервые узнала, что ей приходитсяѣхать съ мужемъ въ далекій, дикий, варварскій край, въ Башкирію, гдѣ столько было пролито предъ тѣмъ виновной и невинной крови башкиръ и русскихъ; она какъ бы предчувствовала, что тамъ ждетъ ее холодная одинокая могила, вдали отъ родины и родныхъ. Она умерла на 26 году своей жизни и была погребена при церкви Преображенія Господня, которая со времени своего основанія, 6 августа 1735 года, два раза пере-

^{a)} Нынѣ уѣздный городъ Оренб. губерніи Троицкъ. Нѣкоторые приписываютъ основание его Кирилову (см. напр. въ Пам. кн. Оренб. губер. за 1870 г., стр. 105); но это противорѣчить самимъ Запискамъ Неплюева, гдѣ имѣется прямое указаніе на то, и другимъ историческимъ данными (см. въ Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 149 и 150. Сравн. Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., отд. I, стр. I), а Ф. М. Стариakovъ нѣѣрно считаетъ годомъ основанія Троицкой крѣпости 1744 г., вмѣсто 1743 г. См. стр. 161 въ его сочин.: „Откуда взялись казаки“, Оренбургъ, 1881 г.

^{b)} Ф. М. Стариakovъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 161.

^{c)} Зап. Неплюева. Р. Арх. 1871 г., стр. 662.

носилась на новое мѣсто и четыре раза горѣла. Анна Ивановна была погребена при второй уже церкви; теперь это мѣсто застроено домами.^{a)}— Оставшись пятидесятилѣтнимъ вдовцомъ, Иванъ Ивановичъ, по-прежнему, съ покорностью Промыслу Божію, отнесся къ своему семейному горю и продолжалъ энергично работать на пользу Оренбургскаго края. Одиночество Неплюева раздѣляла только его двѣнадцатилѣтняя дочь Анна Ивановна; старшая же, Марья Ивановна Римская-Корсакова, жила съ мужемъ; старшій сынъ Адріанъ Ивановичъ служилъ посломъ въ Константинополѣ, а младшій Николай Ивановичъ еще учился въ Кадетскомъ корпусѣ.^{b)}

Устраивалъ крѣпости и редуты, Неплюевъ также остановился на решеніи вопроса, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями. Мѣсто, избранное Кирилловымъ на р. Ори и признанное неудобнымъ еще Татищевымъ, Неплюеву также показалось неудачнымъ по отсутствію близъ него лѣса; кроме того, оно представляло невыгодныя климатическія условія, вслѣдствіе поѣмнаго пространства мѣстности; наконецъ слишкомъ было удалено отъ центральной Россіи и представляло большія опасности для проѣзжающихъ къ той крѣпости купеческихъ каравановъ, которые подвергались грабежу отъ киргизовъ. Помимо этихъ невыгодъ, Орская крѣпость, по мнѣнію Неплюева, представляла большое неудобство и для надзора за башкирами, по причинѣ ея значительной удаленности отъ ихъ земель, расположенныхъ внутри военной линіи. Мѣсто, указанное Татищевымъ, также не нравилось Неплюеву; вниманіе его остановилось сначала на Чернорѣченской крѣпости.^{c)} Близость Сакмарскаго устья и обилие лѣса по Сакмарѣ говорили въ пользу этой мѣстности; но поѣмность лѣваго берега Урала, во время весеннаго половодья, могла представлять немаловажный затрудненія для проѣзда къ городу киргизовъ и другихъ сосѣднихъ кочевниковъ, а это могло неблагопріятно отзываться на виѣшней торговлѣ города, который долженъ былъ сдѣлаться главнымъ торговымъ рынкомъ для всей мѣновой торговли края и пограничныхъ съ нимъ среднеазіатскихъ ханствъ. Поэтому Неплюевъ предпочелъ Чернорѣченской крѣпости то самое мѣсто, где находится нынѣ Оренбургъ. По преданію, на этомъ мѣстѣ, отстоящемъ на 252 $\frac{1}{2}$ версты отъ Орска и на 70 верстъ отъ Красногорской крѣпости, въ прежнее время жилъ ногайскій ханъ Басманъ^{d)}, станъ котораго былъ извѣстенъ подъ именемъ Актюбы.

^{a)} Нынѣшній храмъ Преображенія Господня, уже четвертый по времени, построенъ на новомъ мѣстѣ и освященъ 6 декабря 1850 г., по благословенію преосвященнаго Иосифа, епископа Оренбургскаго и Уфимскаго. См. Оренб. Епарх. Вѣдомости 1874 г., № 1, стр. 27. Ср. Каракасаль, лже-ханъ Башкирии. Р. Игнатьева, стр. 20.

^{b)} См. выше стр. 103 и 104.

^{c)} П. И. Рычковъ. Топ. Ор. губ. ч. II, 98.

^{d)} Тамъ же, стр. 10 и 12.

Избравъ новое мѣсто для построенія Оренбурга, Неплюевъ, 7 февраля 1743 г., препроводилъ въ Сенатъ копію съ общаго опредѣленія его съ Уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, относительно построенія города. Въ своемъ представлѣніи Неплюевъ просилъ резолюціи Сената: 1) о назначеніи къ строенію Оренбурга тентярей и бобылей; 2) о нарядѣ на 1743 г. тысячи башкиръ и пяти сотъ мещеряковъ на линію отъ Орска до Верхнеилицкой крѣпости; 3) о перевозѣ изъ Уфы въ Оренбургъ половины казаковъ; 4) о заселеніи дороги къ Оренбургу сходцами, живущими въ Уфимскомъ уѣздѣ; 5) о подвозѣ провіанта изъ Уфы, Мензелинска и Бирска къ Бердской крѣпости башкирами; 6) о передачѣ крѣпостей Табынской, Красноуфимской, Ногайбацкой и Ельдяцкой въ вѣдомство уфимскаго вице-губернатора^{a)}; 7) о мензелинскихъ и бирскихъ служилыхъ людяхъ, отставныхъ, ихъ дѣтяхъ и объ отшедшихъ въ Мензелинскъ въ вѣдомство воеводское; и 8) о переселеніи изъ Уфы купцовъ, записавшихся въ Оренбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ Сенатъ о назначеніи, въ помощь Аксакову, особаго ассесора. Сенатъ, утвердивъ представленіе Неплюева, предписалъ оказывать башкирамъ всякую ласку и причитаящуюся имъ за подвозъ провіанта плату выдавать исправно; въ случаѣ же жалобъ съ ихъ стороны, казанскій губернаторъ и лица, которыхъ будутъ завѣдывать этимъ дѣломъ, должны подлежать отвѣтственности предъ закономъ. Изъ купцовъ дозволено селить въ Оренбургѣ только тѣхъ, которые не имѣли ни своихъ домовъ, ни казенной недоимки, притомъ „съ усмотрительностію, чтобы люди были надежные“. Дорогу отъ Уфы къ Оренбургу, начиная отъ Сакмарского городка, чрезъ деревню Измайлово, или Карабашеву, дозволено заселять различными сходцами съ льготою отъ податей на годъ; но при этомъ вѣльно записывать, откуда они пришли, чтобы сообщить объ ихъ новомъ поселеніи въ первоначальная мѣста ихъ мѣстожительства, куда должны были отсыльаться и собираемыя съ нихъ, по истеченію льготнаго года, подати. Дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ, въ силу указа 5 февраля 1744 г., вѣльно высылать на прежнія мѣста ихъ жительства и къ поселенію въ Оренбургскомъ краѣ ихъ не допускать. Новокрещеныхъ инородцевъ приказано селить отдельными слободами, чтобы между ними не было иновѣрцевъ, построить для нихъ церковь и сноситься по ихъ дѣламъ съ Казанскою Конторою Новокрещенскихъ Дѣлъ^{b)}. Крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбацкую и Ельдяцкую, согласно представленію Неплюева, Сенатъ поручилъ вѣдомству

^{a)} Въ этомъ же пунктѣ говорится о заведенныхъ при Табынской крѣпости мѣдеплавильномъ и солеваренномъ заводахъ.

^{b)} Подробности объ этомъ учрежденіи см. въ сочин. Е. А. Малова: „О Новокрещенской Конторѣ“. Казань, 1878 г.

уфимского вице-губернатора Аксакова, назначивъ въ помощь къ нему ассесоромъ капитана Мертваго, состоявшаго раньше товарищемъ при воеводахъ^{a)}.

Неплюевъ, между тѣмъ, приказалъ инженерамъ составить планъ предположенного къ постройкѣ новаго Оренбурга и, когда планъ былъ готовъ, отправилъ его на высочайшее усмотрѣніе. На планѣ городъ представлялъ овальную фигуру многоугольника обѣ одиннадцати полигонахъ, 10 бастіонахъ и двухъ полубастіонахъ у самаго берега Яика^{b)}. Въ крѣпость вели четверо воротъ: на восточной сторонѣ находились Орскія ворота въ третьемъ полигонѣ, на западной—Чернорѣченскія—въ девятомъ и Уральскія (тогда Яицкія)—въ десятомъ полигонѣ, а на сѣверной сторонѣ были Сакмарскія ворота, въ шестомъ полигонѣ. У Рычкова Чернорѣченскія ворота названы Самарскими, потому что „на Самарскую дистанцію и къ городу Самарѣ зимняя дорога туда лежитъ; а къ тому (замѣчаетъ онъ) можетъ причисленъ быть и взвозъ отъ р. Яика на гору, гдѣ положено быть сквозь валъ же пятый Водянымъ воротамъ“^{c)}. Планъ города, представленный Неплюевымъ, былъ утвержденъ и городъ застроенъ^{d)}; но построеніе Оренбурга не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. По свидѣтельству Рычкова, въ новостроющемся городѣ и другихъ мѣстахъ, избранныхъ подъ строеніе крѣпостей по р. Сакмарѣ, быстро распространилась цинготная болѣзнь: изъ 1350 чел., заболѣвшихъ цингою, осталось въ живыхъ лишь 719 чел., а 631 ч. умерли; особенно губительно дѣйствовала эта болѣзнь осенью. Старалась ободрить упавшихъ духомъ новопоселенцевъ, Неплюевъ, съ свойственною ему энергию и безропотною покорностью Промыслу, употребляя всѣ мѣры къ тому, чтобы довести до конца, не смотря на препятствія, задуманное и уже начатое имъ дѣло. Онъ не желалъ, хотя бы и могъ, воспользоваться тѣми выгодами помѣщенія и обстановки, которыхъ не могли еще имѣть окружающіе его новопоселенцы: до ноября мѣсяца онъ жилъ въ обыкновенной землянкѣ, какая была у

^{a)} Указы 1743 г. № 15, въ Тургайск. обл. архивѣ.

^{b)} Наименованія бастіоновъ: 1—Успенскій, 2—Неплюевскій, 3—Никольскій, 4—Фонъ-Штотманскій, 5—Галафеевскій, 6—Губернскій, 7—Воскресенскій, 8—Проявіантскій, 9—Бердскій, 10—Торговый; полубастіоны: Нагорный, гдѣ находится имѣніе зимній Введенскій соборъ, и Преображенскій, который получилъ свое название, вѣроятно, отъ находящагося здѣсь лѣтніго Преображенскаго собора. Въ Топ. Ор. губ. Рычкова (изд. 1887 г., стр. 244) показаны еще бастіоны: Петропавловскій и Преображенскій, подъ которыми онъ, вѣроятно, разумѣлъ полубастіоны, такъ-какъ отдельно полубастіоновъ онъ не называетъ, бастіоновъ же считаетъ также десять.—Сравн. планъ города Оренбурга, составленный въ 1828 году, за подписью инженер-генераль-маиора Бикбулатова и оберъ-квартирмейстера генераль-маиора Милорадовича.

^{c)} Топ. Оренб. губ. изд. 1887 г., стр. 245. Водяные ворота сохранились до сихъ поръ и находятся при спускѣ къ пѣшеходному мосту чрезъ Ураль на Бухарскую сторону.

^{d)} П. С. Зак., т. XI, № 8630, стр. 674—675.

послѣдняго рабочаго; имѣя только для своей двѣнадцатилѣтней дочери (Анны Ивановны) кибитку, и, лично распоряжаясь и надзирая за работами, Неплюевъ не прежде переселился въ отстроенный для него домъ, какъ всѣ обитатели землянокъ получили возможность перейти въ свои дома, а гарнизонъ — въ казармы. Удивительная самоотверженность для общаго блага, и какая сила воли! — Съ переселенiemъ жителей въ свои дома, работы по устройству города пошли быстрѣе. Построивъ для новыхъ поселенцевъ зданія на счетъ казны, Неплюевъ вызывалъ купцовъ изъ Уфы, Самары и другихъ мѣстъ на различныхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Заботясь о безопасности жителей, Неплюевъ постарался обнести городъ рвомъ и валомъ съ каменною стѣною и снабдить его достаточнымъ къ оборонѣ гарнизономъ. Валь имѣлъ въ окружности пять верстъ 192 сажени; высота его равнялась на ровныхъ мѣстахъ 12 футамъ, на высокихъ была менѣе, а на низкихъ болѣе 12 ф.^{a)}; ширина рампата = 6 с., глубина рва = 12 ф., а его ширина = 35 фут.^{b)}. Ширина города по интервалу равнялась 570 с., а длина = 677 саж. За валомъ, противъ Неплюевскаго и Преображенскаго полигоновъ, была застроена Казачья слобода, или нынѣшній форштадтъ; здѣсь, начиная отъ Неплюевскаго бастіона, положено было устроить на протяженіи 388 сажен. ретраншаментъ съ тремя бастіонами и съ однимъ редантомъ къ рѣкѣ Яику. Берегъ р. Яика, противъ самаго города, имѣлъ на протяженіи 275 саж. брустверное укрѣпленіе съ однимъ редантомъ, для обороны города съ рѣчной стороны, причемъ имѣлось въ виду, чтобы „круть горы, коя изъ природнаго камня, современемъ обрѣзать“. Снаружи крѣпость была вся облицевана плитнымъ камнемъ. Какъ быстро возрастилъ Оренбургъ, можно отчасти судить потому, что въ сентябрѣ 1747 г., т. е. чрезъ 4 года послѣ его основанія, въ немъ было уже 837 дворовъ, 4 церкви, гауптвахта, казенные номера, аптека, пороховой погребъ, магазинъ, таможня, 44 лавки въ Гостинномъ дворѣ и 131 лавка на Мѣновомъ^{c)}; къ 1760 г. въ Оренбургѣ считалось уже 2866 домовъ, кромѣ находившихся за городомъ землянокъ^{d)}; церквей же во всемъ городѣ и съѣтѣми, что за городомъ въ Казачьей слободѣ и за р. Яикомъ на Мѣновомъ дворѣ, было девять, изъ которыхъ Петропавловская церковь, находившаяся на главной (Губернской) улицѣ, и два собора: Преображенскій и Введенскій были каменные и со сводами. По замѣчанію Рычкова, храмы эти по ихъ размѣрамъ и архитектурѣ „достойны

^{a)} Жалкіе остатки этого нѣкогда грандиознаго вала можно теперь видѣть на восточной сторонѣ города, между Преображенскимъ соборомъ и прекраснымъ зданіемъ Духовной семинаріи.

^{b)} П. С. Зап. т. XII, № 9444. Ср. Топogr. Ор. губ. Рычкова, ч. II, стр. 14.

^{c)} П. С. З., № 9444.

^{d)} Рычковъ. Топogr. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 245.

особливаго примѣчанія"; особенно же Введенскій соборъ, "который, какъ главный, украшенъ преизряднымъ иконостасомъ и богатою же церковною утварью, покрытъ весь бѣлымъ листовымъ желѣзомъ и куполы какъ на церкви, такъ и надъ колокольнею, вызолочены".

Изъ храмовъ, построенныхъ въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, доселѣ еще существуютъ два собора: зимній, во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, и лѣтній, во имя Преображенія Господа Нашего Иисуса Христа. Оба храма каменные и находятся на возвышенномъ берегу р. Урала. Въ Преображенскомъ соборѣ сохранилась и надпись о времени его освященія. Надѣво отъ входныхъ западныхъ дверей храма на задней стѣнѣ имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная славянскимъ шрифтомъ подъ титлами: «Совершился же и освятился (храмъ сей) по благословенію Преосвященнаго Луки, епископа Казанскаго и Свияжскаго, тщаниемъ высокопревосходительнаго господина дѣствительнаго тайного советника і ковалера Ивана Ивановича Неплюева 1750 года поемврія во 12 день на память иже во святыхъ отца нашего Иоанна Милостиваго». Надпись эта сдѣлана, повидимому, на окраинномъ въ черную краску холстѣ, натянутомъ на деревянную раму, вмазанную въ штукатурку; прописныя буквы написаны красной, а строчныя—желтой краской. Въ томъ же храмѣ на южной стѣнѣ, подъ первымъ окномъ отъ западнаго входа, есть еще надпись славянскими же буквами, высѣченными горельефомъ на вѣбланномъ въ стѣну кругломъ выпукломъ камнѣ,—эта надпись гласить слѣдующее: «Здѣсь почиваетъ тѣло въ бозѣ усопшаго пятильтнаго младенца Елисаветы Дмитріевны дщери господина статского советника і Оренбургской губерніи губернатора Дмитрия Васильевича Волкова. Преставилась 1763 г. октября 26 дня, погребена того же октября 27 дня»^{а)}.

Входить въ подробное описание этихъ храмовъ здѣсь было бы неумѣстно,—это, вѣроятно, сдѣлаетъ современемъ Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ, занимающійся въ настоящее время, съ разрѣшеніемъ преосвященнаго Макарія, епископа Оренбургскаго и Уральскаго, разборомъ дѣлъ архива Оренбургской Духовной Консисторіи^{б)}; Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ задался, между прочимъ, и мыслю составить по архивнымъ документамъ «Исторію храмовъ города Оренбурга», къ чьему уже и приступилъ^{в)}.

Такъ-какъ и въ настоящее время соборы, построенные при Неплюевѣ,

^{а)} 30 августа 1887 г., во время литургіи, я самъ видѣлъ и читалъ эти надписи; но снять ихъ тогда не могъ, почему и обратился съ просьбой о томъ къ правителю дѣлъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русск. Геог. Общества, А. И. Оводову, который, благодаря любезному содѣйствію ключаря собора П. И. Львова, доставилъ мнѣ эти надписи, при отложеніи отъ 28 окт. 1888 г. за № 124.

^{б)} См. 1 и 2 протокол. Оренб. арх. уч. Комм. за 1889 г.

^{в)} См. „Орен. Епар. Вѣд.“, 1889 г., № 16, стр. 507—513.

II.

КАЗАНЬ. ЛИТ. В. КЛЮЧНИКОВА

Введенский зимний соборъ

въ Оренбургъ.

уже нуждаются въ капитальномъ ремонѣ, а современемъ ихъ могутъ и совершенно разобрать и перестроить, придавъ имъ другой видъ; то мы и сочли за полезное приложить къ настоящему труду литографированные виды этихъ храмовъ, какъ живыхъ, хотя и безмолвныхъ, свидѣтелей плодо-творной дѣятельности И. И. Неплюева, основателя и устроителя настоящаго Оренбурга. Изъ городскихъ улицъ въ Оренбургѣ лучшими были: Губернскай, Орскай, Яицкай, Уфимскай, Пензенскай, Самарскай, Петропавловскай, Троицкай, Воскресенскай, Преображенскай, Успенскай, Никольскай, Садовой, Артиллерійской, Нижней, Коммисской, Посадской и Гостиная. Среди самого города на площади была устроена гауптвахта съ нѣсколькоими покоями и съ куполомъ надъ ними, гдѣ находились городскіе часы съ небольшими колоколами, а на самомъ верху купола — государственный гербъ. Изъ казенныхъ городскихъ зданій особенно были замѣчательны по своей величинѣ и архитектурѣ: двухъ-этажный домъ Губернской Канцеляріи, нижній этажъ котораго назначался „для архива и денежной казны“; губернаторскій домъ, состоявшій первоначально изъ двухъ флигелей; цейхгаузъ и артиллерійскій дворъ; почтовый и аманатный дворъ; гарнизонная и полковая канцелярія; провантскіе и соляные магазины, а также и госпиталь, при которомъ состояли докторъ, аптекарь, лѣкарь и нѣсколько подлѣкарей и учениковъ^{a)}.

Но въ то время, какъ на берегу быстраго Урала возникъ нынѣшній Оренбургъ, въ Уфѣ обнаружились большія злоупотребленія со стороны уфимскаго вице-губернатора Аксакова. Личность Аксакова, его произволъ и отношенія къ башкирамъ, равно какъ и слѣдствіе надъ нимъ, произведенное по распоряженію Неплюева, составляютъ весьма важный эпизодъ въ исторіи Оренбургскаго края, тѣсно связанный съ башкирскимъ вопросомъ, а потому мы считаемъ должнымъ изложить здѣсь тѣ данные, которыхъ намъ известны по настоящему дѣлу. Этотъ любопытный эпизодъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что о немъ, сколько намъ известно, доселѣ ничего не имѣется въ печати, кромѣ небольшой брошюроки^{b)} покойнаго Р. Г. Игнатьева, которая при томъ не чужда пробѣловъ и ошибокъ и составляетъ библиографическую рѣдкость, такъ-какъ она была напечатана въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу, кажется, не поступала.

Ближайшимъ родоначальникомъ Аксаковыхъ былъ Иванъ Фео-

^{a)} Рычковъ. Топогр. Орен. губ. Изд. 1887 г., стр. 246. О Гостиномъ и Мѣновомъ дворахъ, принадлежавшихъ также къ лучшимъ строеніямъ Оренбурга, будетъ сказано дальше въ главѣ о торговлѣ въ Оренбургскомъ краѣ.

^{b)} „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“; въ 16 дол. лист., всего 62 стр. Изд. Уфимск. Ст. Ком. 1875 г.

доровичъ Вельяминовъ, по прозванию Оксакъ^{a)}, жившій въ княженіе Иоанна III Васильевича. Онъ имѣлъ четыре сына: Ивана, Александра, Дмитрія и Василія. Отъ втораго изъ нихъ Александра происходит родъ извѣстнаго писателя Сергія Тимофеевича Аксакова, мужа Ольги Семеновны Заплатиной^{b)} и отца знаменитаго публициста, славянофила и поэта Ивана Сергеевича Аксакова^{c)}, а отъ третьяго сына Оксака Дмитрія происходилъ въ VI колѣнѣ Петръ Дмитріевичъ Аксаковъ, уфимскій вице-губернаторъ, отдинный Неплюевымъ подъ судъ. Предки Петра Дмитріевича служили воеводами и царскими стольниками. Отецъ его Дмитрій Семеновичъ, какъ и братъ послѣдняго Иванъ и Петръ Семеновичи, были стольниками (1686—1692) царицы^{d)} Прасковы Феодоровны. О первоначальной службѣ Петра Дмитріевича Аксакова, до назначенія его въ Уфу, намъ ничего не извѣстно; знаемъ только, что онъ былъ предъ тѣмъ полковникомъ^{e)} и оберъ-кригсъ-комиссаромъ, а въ 6 ноября 1740 года былъ пожалованъ въ бригадиръ и назначенъ вице-губернаторомъ въ Уфу, вместо генераль-маюра Петра Воейкова^{f)}, съ жалованьемъ по чину^{g)}. П. Д. Аксаковъ отличался остроуміемъ и знаніемъ законовъ, въ смыслѣ опытнаго юдьячаго; даже дѣловыя бумаги его не лишены щдкаго сарказма. Намъ уже извѣстно, каковъ былъ уфимскій воевода Шемякинъ^{h)}, сосланный за лихоймство, подлоги и притѣженіе башкиръ въ Сибирь, но Аксаковъ превзошелъ и Шемякина своимъ произволомъ, незнавшимъ границъ. По указу 9 июля 1741 года, Уфимская провинція по башкирскимъ дѣламъ была подчинена вѣдомству Башкирской Комиссіи и Оренбургскаго Генералитета, съ которыми Аксаковъ и долженъ былъ имѣть

^{a)} "Аксакъ" чисто татарское слово и означаетъ хромой, но Аксаковы въ старину писались Оксаковы. Родоначальникомъ ихъ, по древнимъ родословнымъ книгамъ, былъ знатный варягъ Симонъ Африкаловичъ, племянникъ короля ворвежскаго Гакона Слѣпаго, прибывшій въ Киевъ въ 1027 году и соорудившій въ Кіево-Печерской Лаврѣ церковь, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ онъ и погребенъ. Отъ него же производить свой родъ Вельяминовы, Воронцовы, Вельяминовы и некоторые др. дворянскія фамиліи. См. Родословіи. Сборникъ русск. двор. фамилій В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, Сіб. 1886 г., т. I, стр. 20.

^{b)} Дочь генераль-маюра Семена Григорьевича отъ брака его съ плѣнною турчанкою Игель-Сюмъ; слѣдовательно, Константинъ, Иванъ и Григорій Сергеевичи Аксаковы — внуки турчанки по матери.

^{c)} Род. 26 сент. 1823 г., въ селѣ Надежинѣ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи, ум. 27 января 1886 года и погребенъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, съ восточной стороны алтаря Успенского Собора Лавры. Ив. С. былъ женатъ на Аннѣ Феодоровнѣ Тютчевой, дочери поэта О. И. Тютчева; дѣтей не имѣлъ.

^{d)} Руммель. Родосл. Сборн., т. I, стр. 24.

^{e)} Бараповъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. СХХХIII; 86).

^{f)} Тамъ же.—Въ "Род. Сборн." Руммеля (т. I, стр. 25) сказано невѣрно, что П. Д. Аксаковъ былъ определенъ уфимскимъ вице-губернаторомъ лишь въ 1743 г., а на стр. 30-й того же "Сборника", вѣроятно, онъ же показанъ губернаторомъ Оренбургской губерніи въ 1740 г., когда еще и не существовало Оренб. губерній, въ смыслѣ административномъ: Оренб. губернія была открыта, какъ мы знаемъ, въ 1744 г. и первымъ ея губернаторомъ былъ И. И. Неплюевъ.

^{g)} Бараповъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. СХХIII; 145).

^{h)} См. выше стр. 156.

сношения по всемъ дѣламъ, касающимся башкиръ, а въ случаиахъ экстренныхъ повелѣвалось: „чинить по воинскимъ регулямъ и указамъ и изобрѣтеніямъ лучшихъ способовъ, по своему искусству и разсужденію будущихъ въ командѣ его вице-губернатора штабъ-офицеровъ, усматривая, чтобы высочайшимъ интересамъ поврежденія и подданнымъ ни малаго разоренія причиниться не могло“^{a)}). Не смотря на этотъ указъ, Аксаковъ бралъ взятки и, оказывая полное неуваженіе къ правосудію и закону, ни въ чёмъ не хотѣлъ слѣдоватъ указаніямъ и совѣтамъ предшественника Неплюева, генералъ-лейтенанта Леонтия Яковлевича Соймонова, запретивъ исполнять требованія послѣдняго даже своимъ подчиненнымъ. Многіе изъ башкиръ злобились на Соймонова, какъ жестокаго усмирителя бунта и безпощаднаго предсѣдателя Судной Комиссіи надъ бунтовщиками-башкирами въ Мензелинскѣ. Аксаковъ, воспользовавшись злобою башкиръ на Соймонова, объявилъ себя покровителемъ башкирскаго народа и защитникомъ его интересовъ. Башкиры, не понимая эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ расчетовъ бригадира, стали обращаться къ Аксакову съ жалобами на Соймонова; Аксаковъ давалъ ходъ этимъ жалобамъ, представляя ихъ прямо въ Сенатъ. Отъ Соймонова потребовали объясненія.—Соймоновъ сначала приказалъ схватить главнаго сторонника Аксакова башкирскаго старшину Аракая съ его товарищами, но это только еще болѣе озлобило башкиръ, которые даже покушались на жизнь Соймонова. Опасаясь отвѣтственности, Соймоновъ не могъ смотрѣть на поведеніе Аксакова, какъ говорится, сквозь пальцы и не разъ жаловался на него въ Сенатъ; но благодаря связямъ и протекціи, которыя имѣлъ Аксаковъ въ Петербургѣ, Сенатъ всегда оставлялъ безъ послѣдствій жалобы Соймонова. Узнавъ, что въ Петербургѣ держать сторону Аксакова, Соймоновъ не рѣшался даже выѣхать изъ Мензелинска въ Самару, для принятія дѣлъ главнаго командира Оренбургскаго края, и думалъ управлять краемъ отсюда, разсыпая свои предложенія, предписанія и запросы Аксакову, доносы и жалобы на него въ Сенатъ. Аксаковъ не оставался въ долгу: давая рѣзкіе отвѣты Соймонову, онъ въ то же время посыпалъ и свои объясненія въ Сенатъ, въ которыхъ старался доказать полную неспособность Соймонова къ управлѣнію столь обширнаго края. Наконецъ Соймоновъ, въ сопровожденіи чиновниковъ бывшей Судной Комиссіи надъ башкирами и подъ охраною сильнаго конвоя, рѣшился выѣхать въ Самару. Между тѣмъ Аксаковъ, видя безуспѣшность жалобъ на него Соймонова, началъ еще болѣе злоупотреблять своею властью, усиливая тѣмъ беспорядки въ краѣ. Вражда, начавшаяся между нимъ и Соймоновымъ, про-

^{a)} Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, 145.

никла и въ среду башкиръ, раздѣливъ ихъ на двѣ противоположныя партии: одни примкнули къ Аксакову, другіе—къ Соймонову. Началась полная безъядица среди башкиръ, поддерживаемая и еще болѣе разжигаемая взятками и произволомъ Аксакова. Соймоновъ наконецъ былъ вынужденъ проситься въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, по поводу его столкновеній съ Аксаковымъ и злоупотребленій послѣдняго. Получивъ отпускъ, онъ въ февраль 1742 года выѣхалъ изъ Мензелинска въ столицу, а вслѣдъ за нимъ отправились въ Петербургъ и преданные ему башкирскіе старшины, подъ предлогомъ поздравленія Императрицы Елизаветы Петровны съ вступленіемъ ея на престолъ. Депутація состояла изъ 22 человѣкъ. Кромѣ 12 служилыхъ башкиръ и мещеряковъ, въ числѣ депутатовъ находились представители всѣхъ четырехъ дорогъ, на которыхъ дѣлились тогда башкиры: отъ Казанской дороги старшина Мухаммедъ Шерипъ Мряковъ; отъ Осинской дороги мулла Ельдяцкой волости Ахмеръ Асановъ; отъ Сибирской дороги—старшины Кудейской волости Шайталь и Шиганай и старшины Сунларской волости Якупъ и Мурзинъ; отъ Ногайской дороги—старшина Каратабынской волости Кидрясь Муллаакаевъ; кромѣ нихъ, здѣсь были: мещерякскій старшина Янышъ, мещерякскій сотникъ Иткай Кильмаевъ и башкирскій сотникъ Ибрашъ Кутцевъ^{a)}.

Аксаковъ, вѣроятно, все это предвидѣлъ и въ время позаботился предупредить о томъ вліятельныхъ и преданныхъ ему въ Петербургъ лицъ; по крайней мѣрѣ, намъ известно, что Соймоновъ еще на пути изъ Мензелинска въ Самару встрѣтилъ курьера, который вручилъ ему указъ о назначеніи на его мѣсто Неплюева и о томъ, чтобы онъ явился въ Сенатъ, уже по сдачѣ своихъ дѣлъ и команды новому командиру Оренбургскаго края Неплюеву. Соймоновъ, какъ мы ужѣ знаемъ,^{b)} 10 февраля 1742 г. прибылъ въ Самару, для встрѣчи Неплюева, и только въ маѣ получилъ возможность отправиться въ столицу.—Междудѣмъ Аксаковъ, не торяя времени, успѣлъ направить дѣло такъ, что остался цѣлъ и невредимъ, а башкирскихъ старшинъ, сторонниковъ Соймононова, наградили въ Петербургѣ деньгами, саблями и сукномъ, на что было употреблено 470 руб. 60 к.^{c)} Получивъ подарки, особую грамоту и кормовыя деньги,^{d)} депу-

^{a)} См. указъ 27 августа 1742 года въ Тург. обл. арх.

^{b)} Смотр. выше стр. 178 и 179.

^{c)} Старшины получили деньгами отъ 20 до 30 рублей; сотники по 10 р.—Сабли были различной цѣнности, начиная отъ 21 руб. и до 32 руб. за штуку; всего на сабли было израсходовано 74 руб. Старшина Сунларской волости Якупъ, вмѣсто подарковъ, былъ награжденъ чиномъ. Простые башкиры получили каждый по 5 арш. краснаго сукна; всего на сукно было употреблено 150 руб.

^{d)} Кормовыхъ денегъ было выдано 66 руб. 60 коп. на 45 дней, полагая по 1 р. 48 коп. на день.

таты были отправлены на тридцати подводахъ въ Уфу, въ сопровождениі капитенармуса Казанскаго драгунскаго полка, Ивана Варыпаева. По прибытии въ Уфу, депутаты должны были вручить данную имъ грамоту уфимскому вицу-губернатору, т. е., Аксакову, на котораго ониѣ здили жаловаться, а себѣ могли взять съ нея только копію за подпись того же Аксакова^{a)}. Въ такомъ положеніи было дѣло Аксакова до его первого свиданія и знакомства въ Уфѣ съ Неплюевымъ.

Отправляясь въ Оренбургскій край, Неплюевъ, безъ сомнѣнія, нуждался въ людяхъ, которые бы могли познакомить его съ этимъ краемъ, а петербургскіе патроны Аксакова, конечно, не опустили благопріятнаго случая обратить вниманіе Неплюева на Аксакова, занимавшаго притомъ видный административный постъ въ Башкиріи. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Неплюевъ, по прибытии въ Самару, принялъ дѣла и команду отъ Соймонова, который, безъ сомнѣнія, сообщилъ ему и о поступкахъ Аксакова, прежде всего отправился въ Уфу, чтобы распросить Аксакова о нуждахъ и состояніи Оренбургскаго края. Надѣясь имѣть въ Аксаковѣ полезнаго сотрудника по управлению башкирцами, Неплюевъ, какъ мы видѣли^{b)}, передалъ въ его вѣдомство, по предварительномъ сношеніи съ Сенатомъ, крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбашкую и Ельдяцкую; по ходатайству Неплюева же былъ данъ Аксакову и помощникъ въ лицѣ ассесора Мертваго. Неплюевъ, какъ мы уже знаемъ^{c)}, совѣтуетъ съ Аксаковымъ и относительно построенія Оренбурга и совмѣстно съ нимъ составляетъ проектъ о заселеніи города, который и былъ представленъ имъ 7 февраля 1743 г. на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената^{d)}. Но не прошло послѣ того и года, какъ стали обнаруживаться произволъ и злоупотребленія Аксакова.—Понравились ему два писара изъ солдатъ Уфимскаго гарнизона: Олинъ и Кадомцевъ,— и Аксаковъ взялъ ихъ къ себѣ въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію, пересименовавъ Кадомцева въ губернскіе регистраторы, а Олина—въ канцеляристы. Начальникъ полка, въ которомъ Кадомцевъ и Олинъ числились солдатами, довелъ о томъ до свѣдѣнія Военнной Коллегіи, незамедлившей сообщить о поступкѣ Аксакова Сенату. Находя такой поступокъ противозаконнымъ, Сенатъ опредѣлилъ: лишить Кадомцева и Олина ихъ канцелярскихъ чиновъ и возвратить на прежнюю службу въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ, не смотря на указъ Сената и распоряженіе Военной

^{a)} Указы 1742 г. въ Тург. обл. арх., л. 89—91.

^{b)} Смотр. выше стр. 187.

^{c)} Смотр. стр. 184.

^{d)} Тамъ же, стр. 187 и 188.

Коллегии, мѣдлилъ высылкой своихъ излюбленныхъ писарей—чиновниковъ въ гарнизонъ, а послѣднимъ это, понятно, было, какъ говорится, на-руку. Особенно не хотѣлось снова быть солдатомъ Кадомцеву, который успѣль было нажить и деньги и даже купилъ себѣ крѣпостныхъ людей^{a)}. Между тѣмъ ассесоръ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Феодоръ Мертваго 10 октября 1743 года, донесъ въ Сенатъ, что Аксаковъ „въ присутствіи“ вовсе его не слушаетъ, вмѣняя его мнѣніе ни во что, кричать на него и угрожаетъ ему; различные указы и распоряженія правительства сообщаєтъ своему секретарю у себя на дому; завелъ въ своей квартирѣ какую-то тайную канцелярію, въ которую опредѣлилъ прaporщика Демидовыхъ Утянина да омагометанившагося изъ чуваши толмача Уракова и держитъ у себя подъ арестомъ башкирскихъ старшинъ, а за что—онъ (Мертваго) не знаетъ^{b)}. Всльдъ за этой жалобой Мертваго, въ Сенатѣ былъ полученъ новый доносъ на Аксакова. Секретарь Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Семенъ Зубовъ, на которого былъ возложенъ и прокурорскій надзоръ, 25 сентября того же (1743) года доносилъ Сенату, что Аксаковъ взялъ болѣе тысячи казенныхъ денегъ „и всегда береть, а въ указныя мѣста рапортуетъ наличными“; забранные имъ въ жалованье 183 рубльгами и 10 четвертей овса, которыхъ велѣно съ него взыскать, не платить; кроме того, перебралъ болѣе 200 ведеръ казенного вина, не заплативъ за нихъ денегъ; забираетъ въ свою канцелярію невинныхъ и бѣть ихъ; велѣль у счетчика взять деньги и запечатать ихъ канцелярскою печатью; держитъ у себя «плута» переводчика Уракова, который беретъ взятки и «наровитъ» ему; держитъ на гауптвахтѣ и бѣть приказныхъ служителей; канцелярскія дѣла, вопреки указамъ Генеральнаго Регламента, забираетъ въ квартиру, гдѣ также принимаетъ прошенія и сочиняетъ протоколы; полученные изъ Сената указы держитъ у себя; расходуетъ безъ указа казенные деньги на покупку для новокрещенныхъ изъ инородцевъ платья и обуви, на что уже издержалъ болѣе 127 рублей; воровъ изъ инородцевъ не подвергаетъ отвѣтственности по закону, а, окрестивъ, освобождаетъ отъ всякаго наказанія и даже награждаетъ платьемъ и обувью на счетъ казны, безъ всякаго на то разрешенія.—Въ заключеніе всего, Зубовъ проситъ произвести въ квартирѣ Аксакова опись «дѣламъ и письмамъ» и говоритъ: «слезно покорнейше прошу за оними непорядками, до изслѣдованія объ ономъ, менѣ ему не вѣдать, ибо ежели онъ

^{a)} Игнатьевъ. *Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ*, стр. 12. Запрещено покупать крѣпост. крестьянъ людямъ не дворянскаго происхожденія послѣдовало только 24 марта 1746 г. П. С. З. № 9267.

^{b)} Ст. въ Тург. обл. арх. Указы 1744 г., № 17, л. 26—27.

сіе мое представлениe увѣдастъ, а отъ команды его отрѣшень не буду; то онъ по здѣшней власти меня можетъ (отъ чего Боже сохрани!) и до смерти убить какимъ-нибудь случаемъ, или отъ его сильныхъ угрозъ въ безуміи своемъ самъ себя смерти не предалъ-бы".^{a)}

Не смотря на то, что представлениe секретаря Зубова было написано двумя недѣлями раньше жалобы ассессора Мертваго^{b)}, оно получено въ Сенатъ тремя днями позже послѣдней: на доношениi Мертваго по-мѣчено: «получено 12 ноября 1743 г.», а на представлениi Зубова: «получено 1743 г. ноября 16.» — Судя по ходу дѣла, можно предположить, что Мертваго и Зубовъ дѣйствовали сообща и прежде, чѣмъ рѣшились обратиться съ жалобой на Аксакова въ Сенатъ, имѣли между собою по этому дѣлу совѣщеніе. Написавъ свою жалобу на Аксакова, Зубовъ, вѣроятно, прочиталъ ее и Мертваго, а послѣдний, желая предупредить доносъ секретаря, поспѣшилъ на-скоро написанное имъ представлениe отправить въ Сенатъ съ нарочнымъ^{c)}, жалоба же Зубова могла быть послана съ почтой. На солидарность и совмѣстность дѣйствий Зубова и Мертваго указываетъ, между прочимъ, и слѣдующее мѣсто въ доношениi Сенату Зубова: „а товарищъ и я уже отъ его угрозъ въ канцелярію боимся ходить, потому, что при присутствіи ежели что по силь указовъ представишъ; то всегда неподобными словами ругасть и грозить, а и товарища ниодинова уже злобными словами попосилъ” и проч. Аксаковъ, между тѣмъ, не дремалъ и самъ: 20 октября того же (1743) года онъ донесъ Сенату, что въ письмахъ башкирского старшины Шерипа Мрякова найдена черновая челобитная, писанная рукою бывшаго канцеляриста Семена Ветошикова, отрѣшенаго отъ службы за кражу денегъ; что въ этой челобитной рукою секретаря Уфимской Провинціальной Канцеляріи Зубова написано «*почернилъ*», чтобы Шерипу Мрякову быть главнымъ командромъ надъ всѣми старшинами Уфимскаго уѣзда, дать ему офицерскій рангъ и положить опредѣленное жалованье. Донося объ этомъ, Аксаковъ замѣчаетъ, что „все то не согласно съ высочайшими интересами” и сдѣлано Зубовымъ изъ корыстолюбивыхъ побужденій, дабы разорить башкирскій народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ сообщаетъ, что на Зубова подана жалоба во взяткахъ, а если онъ (Аксаковъ) и рекомендовалъ его въ секретари, то сдѣлалъ это потому,

^{a)} Тамъ же, л. 28—33.

^{b)} Представлениe Зубова написано 26 сентября, а жалоба Мертваго 10 октября 1743 г., какъ это видно изъ самыхъ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ Тургайскаго обл. архива. См. Указы 1744 г., № 17, лист. 27 на обор. и л. 32 на обор.

^{c)} На доношениi Мертваго въ концѣ встрѣчается слѣдующая приписка: „Подаль Уфимскаго драгунскаго полка капитенармусъ Алексѣй Жалинъ“.

что Зубовъ послѣ публичнаго наказанія его плетьми при Татищевѣ^{a)}, вѣль себя порядочно, теперь же оказалось, что держать его на этой должности нельзя^{b)}, тѣмъ болѣе, что онъ отвѣтчиковъ не призываетъ къ допросу по три мѣсяца и болѣе, а если послѣдніе сами явятся, то столько же времени ихъ не допрашиваетъ; пошлины по членитнымъ дѣламъ собирается и записи имъ ведетъ неисправно, къ дѣламъ не радивъ и т. п. Пополнивъ свой первый доносъ на Зубова новымъ представлениемъ въ Сенатъ, отъ 31 октября того же года, Аксаковъ приказалъ арестовать Зубова и скованного отправилъ его подъ конвоемъ въ Петербургъ, а имущество его отобралъ и „дворъ“ запечаталъ^{c)}. 12 декабря^{d)} того же года въ Сенатѣ были заслушены жалобы Мертваго, Зубова и оба доношения Аксакова. Сообщая о томъ Неплюеву, Сенатъ приказалъ отправить въ Уфу слѣдователемъ особаго полковника и о результатахъ слѣдствія донести, съ присовокупленіемъ своего мнѣнія; Зубова вѣльно до времени освободить изъ-подъ ареста и отправить къ Неплюеву для допроса, а его имущество, отобранное у него и запечатанное Аксаковыемъ, приказано возвратить ему подъ роспись; прогонные деньги, издержаныя Варыпаевымъ^{e)} и троими солдатами, сопровождавшими Зубова въ Петербургъ^{f)} и обратно въ Уфу, а равно и жалованье, причитающееся за все это время Зубову, вѣльно взыскать, въ пользу потерпѣвшаго, съ Аксакова, такъ-какъ „винъ и явныхъ уликъ противъ Зубова Сенатъ не нашелъ^{g)}“. Нужно замѣтить, что Неплюевъ и раньше всячески старался избѣгать личныхъ пререканій съ Аксаковыемъ, а когда онъ не сходился съ нимъ въ мнѣніяхъ, то представлять дѣло на разсмотрѣніе Сената, который предписывалъ Аксакову: „обовсемъ, кромѣ партікулярныхъ дѣлъ и сбора податей съ башкирь Уфимской провинціи, сноситься съ Неплюевымъ^{h)}“. Получивъ указъ Сената о производствѣ слѣдствія надъ Аксаковыемъ, Неплюевъ назначилъ

^{a)} Аксаковъ приложилъ къ своему доношенню въ Сенатъ отъ 31 октября и копию съ указа 19 февраля 1738 г., о наказаніи плетьми Зубова и о разжалованіи его въ коцѣстѣ.—Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., № 16, л. 38.

^{b)} Тамъ же, л. 36 и 37.

^{c)} Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 36 и 37. Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своей брошюрѣ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковыемъ“ (стр. 12) говоритъ: „неизвѣстно, вслѣдствіе чьихъ доносовъ и жалобъ, Сенатъ велѣлъ арестовать и представить къ себѣ секретари Зубова“ и проч. Изъ приведенныхъ нами данныхъ, заимствованныхъ изъ подлиннаго указа Сената, отъ 22 декабря 1743 г. за № 9560, на имя Неплюева, видно, что не Сенатъ приказалъ арестовать Зубова, а самъ Аксаковъ донесъ на Зубова и арестовалъ его, Сенатъ же напротивъ приказалъ освободить Зубова изъ-подъ ареста.

^{d)} Это видно изъ помѣтки числа на самыхъ подлинникахъ.

^{e)} А не „Ульяновымъ“, какъ значится въ вышепомѣченной брошюрѣ Р. Г. Игнатьева.

^{f)} У Игнатьева сказано невѣрно: „въ Москву“.

^{g)} Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 22—25.

^{h)} Указы 1743 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 10-й л. 42—45. Сравн. тамъ же указъ 30 апреля 1743 г.

слѣдователемъ по этому дѣлу полковника Люткина, занимавшаго временно должность комманданта Ставропольской крѣпости, а самъ обратился въ Сенатъ съ просьбой о дозволеніи ему отправиться въ Москву, на что 18 января 1744 г. и получилъ разрѣшеніе, съ условіемъ вернуться въ Оренбургъ по послѣднему зимнему пути; дѣла же и обязанности по управлѣнію краемъ велѣно ему поручить, на время отсутствія, генерал-майору фонъ-Штокману, назначивъ въ помощь къ нему одного изъ оберъ-офицеровъ, котораго Неплюевъ самъ найдетъ того достойнѣмъ^{а)}. Между тѣмъ Аксаковъ не унимался. Когда въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію былъ присланъ указъ изъ Главнаго Коммиссирата о взысканіи съ Аксакова прогонныхъ денегъ, израсходованныхъ на конвой, сопровождавшій Зубова въ Петербургъ и обратно въ Уфу, Аксаковъ, получивъ этотъ указъ изъ рукъ регистратора Кадомцева, утаилъ его у себя, что онъ обыкновенно дѣлалъ со всякой бумагой, почему — либо непріятной ему. Кадомцевъ, предвидя, что ему рано или поздно предстоитъ возвращеніе изъ привольнаго житья въ гарнизонные солдаты, вдругъ началъ домогаться, чтобы Аксаковъ возвратилъ ему этотъ указъ. Неустранимый и смѣлый до дерзости въ своихъ поступкахъ, Аксаковъ почему-то на этотъ разъ почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и просилъ Кадомцева молчать о передачѣ ему указа; когда же Кадомцевъ оказался непреклоннымъ, Аксаковъ приказалъ запереть его въ одиночную камеру при канцеляріи, строго запретивъ давать ему черниль и бумаги и кого-либо допускать къ нему. Узнавъ, что къ Кадомцеву приходила мать, Аксаковъ распорядился арестовать дежурного капрала. Не смотря однако на всѣ предосторожности со стороны Аксакова, Кадомцевъ и въ одиночной тюрьмѣ ухитрился написать доносъ на Аксакова и передать его чрезъ свою крѣпостную Федосью Иванову ассесору Мертваго, который препроводилъ его къ Неплюеву. Въ своемъ доносѣ Кадомцевъ обвинялъ Аксакова въ многихъ злоупотребленіяхъ власти, въ лихоимствѣ, въ растратѣ казенныхъ суммъ, въ намѣренномъ уничтоженіи многихъ документовъ и дѣлъ и въ утаеніи указа Главнаго Коммиссирата, относительно взысканія съ Аксакова прогонныхъ денегъ. Узнавъ о назначеніи слѣдствія надъ Аксаковымъ, Кадомцевъ просилъ, что если нельзя его отпустить на свободу, то пусть онъ будетъ арестованъ при Слѣдственной Коммиссіи, чтобы Аксаковъ окончательно не погубилъ его. Неплюевъ, получивъ доносъ Кадомцева, поручилъ Слѣдственной Коммиссіи дознаться о всѣхъ вообще дѣйствіяхъ Аксакова.

^{а)} Указъ 18 янв. 1744 г. за № 622. См. Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 39.

Въ архивѣ Турагайскаго Областнаго Правленія, въ числѣ дѣлъ бывшой Оренбургской Губернскай Канцеляріи, хранится: «Дѣло о выкраденныхъ регистраторомъ Иваномъ Кадомцевымъ изъ Уфимской Провинциалной Канцеляріи дѣлахъ, и произведенное слѣдствіе 1744 г.» Это „Дѣло“, на основаніи котораго покойный Р. Г. Игнатьевъ и составилъ свою брошюру: «Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ», — знакомить съ подробностями самого слѣдственнаго процесса, который мы и считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ существенныхъ его чертахъ. Узнавъ о доносе Кадомцева, Аксаковъ немедленно послалъ на него въ Сенатъ жалобу, въ которой писалъ, что Кадомцевъ, неизвѣстно съ какою цѣлію, истребилъ много дѣлъ и документовъ, за что онъ арестовалъ его и приказалъ произвести слѣдствіе. Спустя два мѣсяца^{a)}, Аксаковъ въ томъ же духѣ написалъ о Кадомцевѣ и Неплюеву. Началось слѣдствіе.— Слѣдователи прежде всего постарались собрать необходимыя свѣдѣнія о Кадомцевѣ: когда онъ былъ взятъ Аксаковымъ на службу въ Уфимскую Провинциальную Канцелярію; за что и когда посаженъ въ одиночную тюрьму и какъ изъ нея пересланъ доносъ къ ассессору Мертваго; какимъ образомъ подъяній Гусевъ, у котораго чрезъ отверстіе въ двери арестантской камеры Кадомцевъ просилъ табаку, получилъ отъ него доносъ на Аксакова и доставилъ его домашнимъ Кадомцева и т. д. Позвали и спросили Гусева, который сначала стала отрекаться отъ всякаго пособничества Кадомцеву; но слѣдователи вынудили у него признаніе подъ батогами въ самомъ «присутствіи» канцеляріи; допрошены были и всѣ повытчики и писцы Уфимской Провинциальной Канцеляріи, относительно указа Главнаго Коммиссирата о прогонныхъ деньгахъ, который долженъ быть уплатить Аксаковъ; но всѣ заявили, что никакого коммиссиратскаго указа имъ изъ присутствія или регистратуры въ повытье не передавалось. Въ то же время Аксаковъ, независимо отъ Слѣдственной Коммиссіи, потребовалъ отъ Кадомцева показанія о передачѣ доноса на него къ Мертваго, и потомъ свой допросъ Аксаковъ передалъ Слѣдственной Коммиссіи; такимъ образомъ, вышло какъ бы два слѣдствія по одному и тому же дѣлу. Когда слѣдователь Люткинъ замѣтилъ Аксакову, что онъ не долженъ быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ, и что онъ, Люткинъ, долженъ поступать по сущей правдѣ; то Аксаковъ гневно отвѣталъ ему: „Я подлежу суду Правительствующаго Сената,—и только ему да еще губернатору дамъ отвѣтъ, а не тебѣ и ни твоимъ друзьямъ и похлѣбникамъ: Мертваго и Зубову“.— Вскорѣ послѣ этого, Аксаковъ написалъ письмо Неплюеву, въ которомъ жаловался на притя-

^{a)} Сенату Аксаковъ донесъ 30 марта, а Неплюеву 4 июня 1744 г.

занія со стороны Люткина и набрасывалъ неблаговидную тѣнь на его отношенія къ Мертваго и Зубову. На запросъ Неплюева по этому письму Люткинъ объяснилъ, что онъ никакихъ притязаній въ отношеніи Аксакова не предъявлялъ; что съ Мертваго и Зубовымъ у него отношенія лишь служебныя; что онъ только замѣтилъ Аксакову о его незаконномъ дѣйствіи быть судьей въ томъ дѣлѣ, для котораго назначена особая Коммиссія и въ которомъ самъ Аксаковъ является отвѣтчикомъ. Между тѣмъ разг҃нѣванный Аксаковъ, какъ вице-губернаторъ, распорядился, чтобы Люткину не давали подводъ для отправленія его пакетовъ въ Оренбургъ. Люткинъ, сообщивъ о томъ Неплюеву, сталъ посыпать пакеты на драгунскихъ лошадяхъ Уфимскаго драгунскаго полка до самой границы Уфимской провинціи, а далѣе по Оренбургскому уѣзду, на который не простидалась администра-
тивная власть Аксакова, ихъ отправляли уже на ямскихъ лошадяхъ. Въ то же время Аксаковъ не хотѣлъ возвратить Зубову шпаги и нѣкоторыхъ отобранныхъ у него, во время ареста, бумагъ, запечатанныхъ и хранившихся въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Неплюевъ, узнавъ о томъ чрезъ Люткина, приказалъ Аксакову отдать шпагу и письма Зубову. Аксаковъ не слушался. Люткинъ, донося о томъ Неплюеву, просилъ удалить Аксакова отъ занимаемой имъ должности, по крайней мѣрѣ, на времѣя производства слѣдствія. Послѣ этого Неплюевъ предписалъ Люткину принять отъ Аксакова воеводскія дѣла и быть уфимскимъ воеводой, о чёмъ тогдаже донесъ и Сенату. Аксаковъ не хотѣлъ подчиниться этому распоряженію и, запечатавъ всѣ дѣла, послалъ отъ себя донесеніе въ Сенатъ, а Неплюеву написалъ, что онъ имѣеть очень важное дѣло, о которомъ желалъ бы лично доложить Сенату, и потому просилъ отпустить его въ Петербургъ.—Неплюевъ отвѣтилъ на это строгимъ подтвержденіемъ немедленно сдать воеводскую должность Люткину. Тогда Аксаковъ распечаталъ дѣла и безъ всякой описи отдалъ ихъ Люткину.

Не смотря на отрѣшеніе отъ должности, Аксаковъ жилъ въ казеннѣй вице-губернаторской квартирѣ, близъ Смоленскаго Собора, получая жалованье и разбѣзжая по Уфѣ на шести лошадяхъ съ гайдуками и скороходами; Кадомцевъ же, по-прежнему, содержался въ одиночной камерѣ, а Олинъ и Гусевъ—сидѣли подъ арестомъ въ колодничей палатѣ, или общей арестантской при Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Слѣдователь Люткинъ донесъ военному вѣдомству, что Кадомцевъ и Олинъ не могутъ быть переведены въ Уфимскій гарнизонъ до окончанія надъ ними слѣдствія. Аксаковъ 25 іюня 1744 г. снова обратился къ Неплюеву съ просьбой объ отпускѣ его въ Сенатъ, присовокупивъ: „а теперь (писалъ Аксаковъ)

ковъ) благоволите Ваше Высокопревосходительство дать мнѣ къ моему дому военный караулъ и до Москвы чтобы провожалъ меня конвой, ибо я окруженъ злодьями, которые покушаются на мою жизнь, а канцеляристъ Олинъ, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ, постоянно ходить вокругъ моего дома".^{а)}—Неплюевъ приказалъ приставить къ Аксакову караулъ изъ 6 солдатъ, при особомъ капралѣ. Между тѣмъ изъ Сената полученъ былъ указъ объ удаленіи Аксакова отъ должности, который и былъ объявленъ Аксакову съ роспискою въ его прочтеніи чрезъ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Такимъ образомъ Аксаковъ былъ отстраненъ отъ мѣста и самая должность вице-губернатора въ Уфѣ была уничтожена. Но Аксаковъ не переставалъ своевольничать и послѣ этого. Покуда слѣдователи разбирали дѣла за время управлениія Уфимской провинціей Аксакова, озлобленный бригадиръ зазвалъ къ себѣ двухъ братьевъ Кутуя и Галея Салтанаевыхъ, башкиръ изъ деревни Бураевой Казанской дороги Уфимскаго уѣзда, и приказалъ ихъ арестовать при своей квартирѣ. При содѣствіи своего клиента, переводчика князя Уракова, Аксаковъ старался склонить Салтанаевыхъ на свою сторону, еслибы ихъ спросили слѣдователи объ отношеніи его къ башкирамъ. Пять недѣль просидѣли Салтанаевы подъ арестомъ, подвергаясь нерѣдко побоямъ и наказанію голодомъ, пока Люткинъ не узналъ о томъ и не освободилъ ихъ.—Когда Салтанаевыхъ спросили, за что держали ихъ подъ арестомъ и мучили Аксаковъ и чего домогался отъ нихъ переводчикъ Ураковъ; то Салтанаевы высказали, въ видѣ догадки и предположенія, что, можетъ быть, за то, что имъ извѣстно укрывательство Аксаковымъ въ домѣ Уракова одного важнаго бѣглеца изъ Петербурга, иновѣрца Имагула, о чёмъ они слышали отъ старшины Казанской дороги Мрякова, человѣка честнаго и преданнаго правительству; Мряковъ также говорилъ, что будто-бы у Аксакова хранятся какія-то тайныя бумаги, которая онъ хочетъ послать въ Сенатъ и ко Двору. Слѣдователи догадались, что Салтанаевы, напуганные арестомъ и побоями, боятся говорить все.—Обязавъ Салтанаевыхъ подписькой о невыѣздѣ изъ Уфы, слѣдователи научили ихъ подать на Аксакова жалобу, а сами тотчасъ же послали нарочнаго за Мряковымъ и бросились съ обыскомъ въ квартиру Уракова; но ни его, ни Имагула уже не было: прислуга Уракова объяснила, что князь, вмѣстѣ съ Имагуломъ, уѣхалъ въ Москву. Между тѣмъ явился Мряковъ и подтвердилъ все, сказанное Салтанаевыми, присовокупивъ, что у Аксакова въ домѣ скрыть высочайшій секретный указъ 15 марта 1744 г.: «О имѣніи лучшей предосторож-

^{а)} Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 22.

ности къ охранению вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества какъ башкирскаго народа, такъ и прочихъ». Мряковъ просилъ слѣдователей отправить его къ Неплюеву, которому онъ могъ бы лично передать все, что ему только извѣстно о дѣйствіяхъ Аксакова. Слѣдователи, заинтересованные секретнымъ указомъ 15 марта 1744 года, спросили всѣхъ повѣтчиковъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и всѣ они (11 человѣкъ) показали, что о такомъ секретномъ указѣ они даже и не слыхали. Слѣдователи, донося о томъ Неплюеву, писали, что хотя Аксакову велѣно сдать всѣ дѣла и управление Уфимскою провинціей полковнику Люткину; но Аксаковъ сдалъ только тѣ дѣла, которыхъ были запечатаны имъ въ шкафахъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и притомъ безъ описи, многія же секретныя дѣла, именные высочайшіе и сенатскіе указы утаилъ у себя на дому. Люткинъ жаловался и на то, что ему ничего неизвѣстно о состояніи Уфимской провинціи, и потому онъ не знаетъ, какъ и управлять ею.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „вы на то и слѣдователи: примите мѣры и отберите все отъ Аксакова, а Мряковъ пусть пріѣдетъ ко мнѣ, въ Оренбургъ“⁴⁰). Въ то же самое время Аксаковъ прислалъ Неплюеву четыре пакета на имя Сената и снова просилъ, чтобы ему было позволено выѣхать изъ Уфы въ Москву; вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ писалъ, что конвой, данного ему для безопасности, недостаточно и потому онъ желалъ-бы имѣть при себѣ постоянно еще одного оберъ-офицера изъ Уфимскаго гарнизона. Неплюевъ, отправивъ пакеты Аксакова въ Сенатъ, распорядился, чтобы при Аксаковѣ находился «неотлучно» поручикъ Уфимскаго гарнизона Михайлова, который потомъ и поселился въ квартирѣ Аксакова, сдѣлавшись его домашнимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ адъютанта. Окруживъ себя конвойными, Аксаковъ свободно разѣзжалъ по знакомымъ и принималъ у себя гостей. Слѣдователи все еще не рѣшались идти съ обыскомъ въ квартиру Аксакова, а отправили къ нему канцеляриста Ивана Гурьевъ, вручивъ ему официальную бумагу, въ которой просили Аксакова выдать всѣ дѣла и указы, хранящіеся у него на дому и касающіеся управления Уфимскою провинціей. Аксаковъ не принялъ пакета и выгналъ Гурьева; канцеляристъ, отдавъ „должный реєпектъ Его Высокородію“, почтительно снова спросилъ Аксакова, какое со стороны „Его Высокородія“ послѣдуетъ распоряженіе. „Убирайся къ...!“ закричалъ разсерженый бригадиръ: „я знаю Сенатъ и оренбургскаго губернатора“. Когда же Гурьевъ осмѣ

⁴⁰ Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 25. 810 Н

лился замѣтить, что онъ явился по распоряженію начальства; то Аксаковъ не постыдился употребить и непечатныя выраженія: „Пошелъ...! за это руло бьють“! и т. п. Когда Гурьевъ возвратился съ пакетомъ къ Люткину, послѣдній снова отправилъ его въ квартиру Аксакова, сказавъ: „отдай пакетъ Михайлову, если не принимаетъ самъ Аксаковъ“. — Гурьевъ явился къ Михайлову, который, принявъ пакетъ, понесъ его въ кабинетъ къ Аксакову, откуда скоро вернулся съ пакетомъ въ рукахъ и съ отвѣтомъ, что „Его Высокородіе“ пакета не принимаетъ. — Послѣ этого слѣдователи составили особое постановленіе и, пріобщивъ къ дѣлу, донесли о томъ Неплюеву.

Оставивъ Аксакова до времени въ покой, слѣдователи принялись за канцеляриста Олина, который сначала не хотѣлъ ничего говорить о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Аксакова; но подъ багажемъ и угрозою смертной казни Олинъ заговорилъ другое: онъ обвинялъ Аксакова въ поборахъ съ башкиръ и другихъ инородцевъ, при назначеніи ихъ на работы въ новостроющейся Оренбургъ, и въ утайкѣ многихъ секретныхъ дѣлъ и высочайшихъ указовъ; Олинъ также заявилъ, что гораздо болѣе его знаетъ о дѣйствіяхъ Аксакова канцеляристъ Михаилъ Петровъ; что Аксаковъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Ураковымъ, у котораго скрывается важный бѣглецъ изъ Петербурга; что Ураковъ передалъ Аксакову какіято секретныя письма чрезъ капрала Уфимскаго гарнизона Михаила Усольцева, и что Аксаковъ, какъ ему известно, находится въ секретной перепискѣ съ самимъ генераль-прокуроромъ, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, съ княземъ Черкаскимъ и кабинет-секретаремъ Ея Величества Бахиревымъ; но о чёмъ велась ими переписка, онъ не знаетъ, такъ-какъ Аксаковъ писалъ тѣ письма или собственноручно, или же отдавалъ переписывать ихъ на-бѣлъ канцеляристу Михаилу Петрову. Нужно замѣтить, что Петровъ предъ тѣмъ нѣсколько времени не ходилъ въ канцелярию на службу, а когда слѣдователи пожелали его видѣть и допросить, то оказалось, что и онъ уѣхалъ въ Москву. Обо всемъ, что было сказано Олинымъ, Люткинъ не замедлилъ донести Неплюеву.

Мы замѣтили, что Неплюевъ приказалъ слѣдователямъ прислать къ нему, въ Оренбургъ, башкирскаго старшину Мрякова, который самъ изъявилъ желаніе лично разсказать Неплюеву о дѣйствіяхъ Аксакова. Отправляясь въ Оренбургъ, Мряковъ сообщилъ Люткину слѣдующія свѣдѣнія о бѣгломъ изъ Петербурга татаринѣ Имагулѣ, котораго Аксаковъ скрывалъ въ домѣ Уракова. Имагулъ, по фамиліи Муслюмовъ, былъ ясачный татаринъ изъ деревни Старой-Адистеревой Ногайской дороги Уфимскаго уѣзда, и занимался плотничимъ ремесломъ.

Незадолго до 1735 г. онъ былъ взятъ на службу во флотъ и опредѣленъ плотникомъ на Петербургскую верфь. Когда начался башкирскій бунтъ при Кирилловѣ, Муслюмовъ бѣжалъ на родину; но видя, что башкиры относились къ татарамъ враждебно, Муслюмовъ боялся явиться въ свою деревню и жилъ въ разныхъ мѣстахъ, бывалъ и въ самой Уфѣ, где его поймали и отправили въ Петербургъ, откуда онъ снова бѣжалъ въ Уфу и, съ вѣдома Аксакова, былъ помѣщены въ домѣ Уракова. Братья Салтанаевы: Кутуй и Галей знали объ этомъ, и Аксаковъ неоднократно поручалъ имъ отвозить въ Москву къ разнымъ лицамъ его письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мряковъ показалъ, что Имагулъ Муслюмовъ въ Москву съ Ураковымъ не уѣзжалъ, какъ заявила прислуha послѣдняго, а скрывается въ Башкирии и желаетъ самъ явиться съ повинною. Муслюмовъ дѣйствительно скоро явился вмѣстѣ съ своей женой, и они оба подтвердили показанія Мрякова.—Изъ распросовъ Имагула выяснилось, что Аксаковъ скрывалъ его, въ угодность Уракову, и обѣщалъ исходатайствовать ему (Муслюмову) не только прощеніе, но и освобожденіе отъ службы, въ которую онъ былъ взятъ будто несправедливо^{a)}. Мряковъ, бывшій раньше сторонникомъ Аксакова, зналъ всѣ его дѣла; онъ называлъ по именамъ всѣхъ башкиръ и другихъ инородцевъ, съ которыхъ Аксаковъ бралъ взятки, за освобожденіе ихъ отъ работъ во вновь строившемся Оренбургѣ; многіе изъ поименованныхъ имъ лицъ проживали въ это время въ Казанской губерніи, почему слѣдователи предложили допросить ихъ Казанской Губернской Канцеляріи, а сами приступили къ допросу башкиръ, жившихъ въ Уфимской провинціи. Допрошенные заявили, что Аксаковъ дѣйствительно дѣлалъ большія имъ притѣсненія, по поводу наряда ихъ на работы во вновь строющейся Оренбургѣ. Люткинъ, руководимый такими опытными дѣльцами, какъ Мертваго и Зубова, все болѣе и болѣе освѣщалъ злоупотребленія и произволъ Аксакова: Кадомцевъ, по его настоянію, указалъ, какіе именно документы и дѣла онъ уничтожилъ и сжегъ, по приказанію Аксакова. Въ самую полночь 20 іюля 1744 года, Аксаковъ внезапно явился въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Спросивъ у кошиста Зрякова, дежурившаго въ канцеляріи, чернила, перо и бумагу, Аксаковъ тутъ же написалъ заявленіе, что онъ отстраняетъ Люткина отъ производства слѣдствія, а почему, о томъ донесетъ Неплюеву и Сенату. Утромъ 21 іюля слѣдователи, явившись въ канцелярію и прочитавъ бумагу Аксакова, положили прі-

^{a)} Тамъ же, стр. 30 и 31.

остановить производство слѣдствія до назначенія новаго презуза Слѣдственной Комиссіи.

Прося Неплюева о назначеніи, вмѣсто Люткина, другаго слѣдователя, Аксаковъ обвинялъ его въ неосвидѣтельствованіи дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи; въ недопросѣ секретаря Зубова и канцелярскихъ служителей о бывшихъ въ ихъ рукахъ дѣлахъ; въ непорядочныхъ поступкахъ Люткина при распечатаніи дома Зубова; въ недопросѣ Зубова, по его, Аксакова, на него извѣту, въ томъ, что, при вступленіи въ воеводскую должность, Люткинъ не потребовалъ отъ капитана Демидова, прaporщика Ульянова, князя Уракова и канцеляриста Петрова порученный имъ отъ него, Аксакова, башкирскія дѣла. Въ своемъ донесеніи Неплюеву Аксаковъ говорить и о дѣлѣ бригадира Текелева^{a)}, обвиняя Люткина въ пристрастномъ отношеніи къ Текелеву, и жалуется, что канцеляристъ Гурьевъ, явившійся къ нему, по приказанію Люткина, надѣлалъ ему дерзостей; что ассесоръ Мертваго приходилъ къ нему въ домъ и съ настойчивостію требовалъ выдачи секретныхъ дѣлъ, дѣйствительно имѣющихся у него и запертыхъ въ особомъ сундуке, но что онъ не могъ отдать этихъ дѣлъ потому, что донесъ о нихъ Сенату и ожидаетъ отвѣта, кому Сенатъ прикажетъ передать ихъ. Въ заключеніе всего Аксаковъ опять, уже въ четвертый разъ, просилъ Неплюева отпустить его въ Москву. Неплюевъ, получивъ это донесеніе, уважилъ просьбу Аксакова, но самымъ тонкимъ образомъ. Назначивъ презусомъ Слѣдственной Комиссіи надъ Аксаковымъ генераль-маюра фонъ-Штокмана, Неплюевъ приказалъ Люткину продолжать ревизію дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи за время вице-губернаторства Аксакова, т. е., давать материалъ фонъ-Штокману для слѣдствія надъ Аксаковымъ, который такимъ образомъ, попрежнему, оставался въ рукахъ энергичнаго и, какъ видно, прямаго человѣка, какимъ былъ Люткинъ, старавшійся раскрыть истину. Неплюевъ, какъ искусный политикъ, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ извѣстилъ Аксакова, что просьба его уважена: Люткинъ отъ слѣдствія отстраненъ и, вмѣсто него, назначенъ генераль-майоръ фонъ-Штокманъ; что же касается поездки Аксакова въ Москву, то это исключительно зависитъ отъ Сената, но что онъ готовъ и о томъ ходатайствовать. Не желая возстановлять противъ себя Аксакова, подобно Соймонову, Неплюевъ вовсе не былъ намѣренъ и щадить необузданнаго бригадира; но старался направить дѣло о немъ такъ, чтобы исполнителями его желаній были другіе.

^{a)} См. конецъ настоящей главы.

Генераль-маиръ фонъ-Штокманъ, безъ сомнѣнія, получилъ отъ Неплюева должностная наставленія, какъ ему дѣйствовать. Посылая фонъ-Штокмана на слѣдствіе въ Уфу, Неплюевъ просилъ его кончить дѣло поскорѣе и, кромѣ того, поручилъ ему понаблюсти и за дѣйствіями Люткина и Уфимской Провинціальной Канцеляріи, такъ какъ въ Уфимской провинціи, по заявленію самого же Люткина, была ужасная беззурядица, благодаря злоупотребленіямъ Аксакова. Люткинъ писалъ Неплюеву:

„Я не знаю, надъ чѣмъ управляю: я, воевода, не знаю, сколько у меня жителей, сколько селеній, сколько казенныхъ доходовъ, какія нужды жителей всѣхъ сословій, какія слѣдуетъ взыскать недоимки и на какую сумму; Аксаковъ не сдалъ мнѣ Уфимской провинціи; надъ чѣмъ я—воеводой, самъ не знаю, но какъ я за все въ отчетѣ предъ Царицей и закономъ, то и доношу Вашему Высокопревосходительству“^{a)}.

По прибытии въ Уфу, фонъ-Штокманъ сначала ограничился собраниемъ и группировкой обвинительныхъ пунктовъ противъ Аксакова, при содѣйствіи Люткина, Мертваго и Зубова, не требуя къ допросу самого Аксакова. На требованіе фонъ-Штокмана, предъявленное Аксакову о сдачѣ хранившихся у него секретныхъ дѣлъ хотя бы частю, послѣдній отвѣтилъ, какъ и должно было ожидать, отказомъ. Между тѣмъ злоупотребленія Аксакова все болѣе и болѣе обнаруживались. Допрошено было болѣе 400 башкиръ и другихъ инородцевъ, которые все показали, что Аксаковъ бралъ съ нихъ взятки, чтобы избавить ихъ отъ службы по крѣпостямъ или отъ работы въ строющемся Оренбургѣ, куда слѣдовало послать до 3600 челов. Слѣдователи также узнали, что Аксаковы мъили, по его приказанію, Кадомцевымъ было истреблено 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ; эти дѣла были о казенныхъ постройкахъ, подрядахъ, о продовольствіи войскъ и всего болѣе было уничтожено дѣль о пріобрѣтеніи башкирскихъ земель разными лицами, вслѣдствіе разрѣшенія того указомъ 1736 года; много также было уничтожено дѣль по купчимъ крѣпостямъ, по казеннымъ сборамъ, по городскому хозяйству и торговлѣ; истреблены были и многія дѣла слѣдственныхъ, судныхъ и таможенныхъ. Оказалось, что Аксаковъ бралъ не только деньгами, а и натурой: слѣдователи не могли доискаться, куда дѣвались поставленный съ подряда, заключенного въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, для продовольствія войскъ въ краѣ, 16,321 четв. муки, 1000 четв. крупъ, 718 четв. овса и 508 четв. жита^{b)}. Слѣдователямъ оставалось теперь

^{a)} Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 37 и 38.
^{b)} Тамъ же, стр. 40.

дознать о растратѣ казенныхъ суммъ, по показанію Кадомцева; но, познакомившись съ дѣломъ, они увидали, что если допрашивать всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, то слѣдствіе можетъ затянуться очень на долго; а Неплюевъ желалъ кончить его поскорѣе. Въ это самое время фонъ-Штокманъ, вслѣдствіе распоряженія Неплюева, получилъ указъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, присланный съ канцеляристомъ Башкировымъ. Фонъ-Штокману предписано было немедленно явиться въ Оренбургъ, а слѣдственное дѣло обѣ Аксаковѣ, запечатавъ, отдать канцеляристу Башкирову съ тѣмъ, чтобы дѣло, подъ его отвѣтственностью, хранилось въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, впредь до особаго распоряженія, и чтобы къ нему былъ приставленъ особый „пристойный“ караулъ.—Фонъ-Штокманъ, отѣзжалъ въ Оренбургъ, письменно объяснилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи причину своего отѣзда и сдѣлалъ распоряженіе относительно Аксакова, согласно полученному имъ указу. Выѣхавъ съ тѣмъ фонъ-Штокманъ предписалъ, чтобы канцелярія немедленно распорядилась: 1) арестовать Аксакова въ его квартирѣ и никого къ нему изъ постороннихъ лицъ не допускать; писемъ отъ него, а тѣмъ болѣе официальныхъ бумагъ для отправленія куда-либо запечатанными не принимать, а принимать ихъ не иначе, какъ вскрытыми, и если которыя бумаги или частныя письма могутъ быть отправлены по назначению; то послать ихъ съ нарочными на счетъ Аксакова, впрочемъ, съ особаго каждый разъ разрешенія исправляющаго должностъ воеводы полковника Люткина, что «на его полковничье разсмотрѣніе предоставляется»; 2) Аксакова въ канцелярію не допускать, хотя онъ и просилъ, чтобы ему было позволено присутствовать при ревизіи его дѣлъ, для необходимыхъ, по его мнѣнію, объясненій; 3) дѣла по гарнизонной части, хранившіяся у Аксакова, взять находящемуся въ Уфѣ баталіонному командиру Нижегородскаго полка маюру Чалѣеву и капитану Жукову или же капитану Чемодурову и поручику Скадовскому; имъ же могутъ быть заявляемы всякаго рода претензіи на Аксакова по военной части^{а)}; 4) собранныхъ въ Уфу башкиръ и другихъ инородцевъ, у которыхъ Аксаковъ вымогалъ деньги, куницъ, лисицъ и др. мѣха, допросить и немедленно отпустить по домамъ, такъ-какъ они „проживаютъ въ Уфѣ многое время, оставя свои дома и занятія, и чрезъ то пришли въ крайнее состояніе“; 5) сдѣлать строгій разборъ бѣглыхъ, поселившихся на башкирскихъ земляхъ, и для того послать

^{а)}) Всѣ войска, расположенные въ Уфимской провинціи, находились въ вѣдѣніи Аксакова до преданія его суду.

сыщиковъ и слѣдить за ними самому полковнику Люткину; б) имѣть доброе попеченіе о башкирахъ и другихъ инородцахъ, наблюдая въ управлѣніи ими порядокъ и справедливость, и строго „назирать“, чтобы между башкирами не было никакихъ тайныхъ сбирающъ и попытка къ бунту, „на что они, по шаткости своей, весьма склонны“; если же что-либо подобное окажется— немедленно доносить Оренбургской Губернской Канцелярії, а для прекращенія противозаконныхъ сходокъ посыпать военные команды, ловить виновныхъ и представлять къ суду. Въ заключеніе всего фонъ-Штокманъ сообщилъ канцеляріи, что слѣдствіе объ Аксаковѣ, впрѣдь до особаго распоряженія оренбургскаго губернатора, производимо не будетъ, и потому дѣятельность Слѣдственной Коммиссіи до времени прекращается, а если бы явились новыя обвиненія на Аксакова, то слѣдовать по нимъ не иначе, какъ донеся о томъ предварительно Оренбургской Губернской Канцеляріи и ожидать на то отъ нея указа.

Предъ самымъ отъездомъ фонъ-Штокмана, Аксаковъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его разрѣшить ему свиданіе съ посторонними приходящими къ нему людьми, хотя бы въ присутствіи находившагося при немъ офицера. Фонъ-Штокманъ препроводилъ это письмо, при рапортѣ, къ Неплюеву; Неплюевъ написалъ Аксакову вѣдомое письмо, но просьбы его все-таки не удовлетворилъ, а затѣмъ донесъ Сенату о послѣднемъ своемъ распоряженіи по дѣлу Аксакова. Между тѣмъ Аксаковъ не унывалъ; секретныхъ гарнизонныхъ дѣлъ онъ не отдалъ ни маюру Чалѣеву, ни другимъ офицерамъ Нижегородского полка, явившимся къ нему по распоряженію фонъ-Штокмана; карауль для Аксакова какъ-бы не существовалъ: онъ уѣзжалъ дни на два и на три въ подгородныя русскія и инородческія деревни, а караульный офицеръ и солдаты упорно молчали объ этихъ отлучкахъ Аксакова изъ дому. Наконецъ вѣсть о томъ какъ-то дошла до Люткина, который тайно удостовѣрился въ справедливости слуховъ и даже успѣлъ перехватить письмо къ Аксакову Уракова, написанное на татарскомъ языке; кромѣ того, Люткинъ узналъ, что въ одну изъ такихъ отлучекъ изъ Уфы Аксаковъ взялъ съ собой свою жену^{а)} и оставилъ ее въ имѣніи помѣщика Муравина, близъ Уфы, откуда Аксакова уѣхала въ Москву, а мужъ возвратился домой. Уфимская Провинціальная Канцелярія, донеся о томъ Оренбургской Канцеляріи, препроводила подлинное письмо Уракова и письмо старшины Мрякова объ отъездѣ въ Москву жены

^{а)} П. Д. Аксаковъ былъ женатъ на Матрени Госифовнѣ Селивановой. Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ, т. I, стр. 25.

Аксакова, приложивъ и русскій переводъ этихъ писемъ, изложенныхыхъ на татарскомъ языкѣ. Письмо Уракова было адресовано на имя Мрякова, котораго Ураковъ, по-прежнему, считалъ преданнымъ Аксакову, такъ-какъ раньше, при Соймоновѣ, Мряковъ дѣйствительно былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ «аксаковцев»; но теперь Мряковъ находился въ числѣ противниковъ и обличителей Аксакова.— Воспользовавшись довѣріемъ Уракова, который еще не успѣлъ узнать объ измѣнѣ Аксакову многихъ его сторонниковъ, Мряковъ доставилъ его письмо Люткину.

Ураковъ, между прочимъ, писалъ, что онъ благополучно доѣхалъ до Москвы, и на третій день явился съ письмами Аксакова во Дворецъ, гдѣ имѣлъ счастіе видѣть Ея Императорское Величество и слышать изъ устъ Ея милостивое слово; и что Государыня приказала ему поселиться въ покояхъ ландграфа князя Людвига Гессенъ—Гомбургскаго, а когда Государыня изволила отѣхать въ Троицкую Лавру, то его помѣстили въ придворномъ караульномъ покоѣ, вмѣстѣ съ бывшими тогда въ караулѣ офицерами Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, и что онъ былъ удовольствованъ тамъ разными кушаньями и напитками, а по городу постоянно ходилъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ, о чемъ-де онъ самъ просилъ, опасаясь своихъ враговъ и въ Москвѣ. Въ концѣ своего письма Ураковъ увѣрялъ, что дѣло Аксакова приметъ самый благопріятный оборотъ. Нужно замѣтить, что Слѣдственная Комиссія давно уже сообщила Московской полиції о высылкѣ въ Уфу Уракова и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Аксакова лицъ:— Впрочемъ, полиція напрасно стала бы искать канцеляриста Петрова въ Москвѣ: онъ, какъ оказалось, въ Москву и не ѻздилъ, а скрывался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; когда же узналъ, что Аксаковъ не пропадетъ, онъ явился въ Уфу, и Аксаковъ взялъ его къ себѣ, не выдавая Уфимской Канцеляріи. Завѣренія Уракова не замедлили оправдаться: дѣло Аксакова скоро приняло неожиданный никѣмъ оборотъ. Еще не успѣла доѣхать до Москвы жена Аксакова, Матрена Осиповна, которую онъ могъ послать для личныхъ объясненій съ самой Государыней, какъ Неплюевъ получилъ предписаніе отъ генералъ-фельдмаршала и генераль-фельдцейхмейстера, князя Людвига Гессенъ-Гомбургскаго, который объявлялъ Неплюеву Высочайшую волю, чтобы Аксаковъ немедленно явился въ Москву, для личныхъ объясненій, въ Сенатъ, о чёмъ Сенату также было сообщено. Неплюеву предписывалось выдать Аксакову проthonы и подъемныя деньги по чину; о выѣздѣ же Аксакова изъ Уфы приказано было Уфимскому воеводѣ рапортовать прямо его свѣтлости, князю Гессенъ-Гомбургскому. Вскорѣ полученъ былъ въ Оренбургѣ

и Уфѣ указъ Сената, отъ 4 сентября 1744 года, которымъ повелѣвалось выдать Аксакову прогоны и подъемные деньги и значилось, что онъ вызывается въ Сенатъ, для личныхъ объясненій, по Высочайшей волѣ. Неплюевъ немедленно извѣстилъ о томъ Аксакова чрезъ нарочнаго, и предписалъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи выдать Аксакову прогонныя и подъемные деньги. Аксаковъ торжествовалъ и особой бумагой сообщилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, что все находящіяся у него важные секретныя дѣла онъ беретъ съ собою въ Сенатъ, почему и просилъ дать ему для охраны военный конвой до Казани, а также — отпустить съ нимъ для письмоводства канцеляристовъ Петрова и Олина. Назначивъ Аксакову конвой изъ 8 солдатъ и одного капрала, Уфимская Канцелярія не согласилась на отпускъ съ Аксаковымъ въ Москву Петрова, а потребовала, чтобы Петровъ былъ присланъ въ канцелярію съ имѣющимися у Аксакова важными дѣлами для передачи ихъ маюру Чалѣеву и другимъ лицамъ, согласно предписанію генераль-маюра фонъ-Штокмана; относительно же Олина, находившагося въ тюрьмѣ, канцелярія отвѣтила, что онъ, по указамъ Сената и Военной Комиссіи, долженъ быть возвращенъ, по прежнему, въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ заявилъ, что онъ можетъ сдать только гарнизонныя дѣла, какъ до Сената неотносящіяся. — Канцелярія рада была и этому, — и Аксаковъ передалъ эти дѣла, по описиамъ и въ порядке, маюру Чалѣеву, который, принявъ ихъ, донесъ о томъ Неплюеву и Уфимской канцеляріи.

Въ половинѣ сентября 1744 года Аксаковъ, получивъ 800 р. прогоновъ и подъемныхъ денегъ, выѣхалъ изъ Уфы, какъ знатный вельможа, съ почетнымъ и охраннымъ конвоемъ, съ цѣлой ватагой крѣпостной дворни, съ походной кухней и поварами; на особой фурѣ везли хранившіяся у Аксакова секретныя дѣла, о востребованіи которыхъ такъ усердно, но тщетно хлопотали слѣдователи и Оренбургское начальство. Аксаковъ взялъ съ собою и преданнаго ему канцеляриста Петрова, несмотря на несогласіе на то Уфимской провинціальной канцеляріи. Оренбургская губернская канцелярія написала казанскому, нижегородскому и московскому губернаторамъ, чтобы Аксакову было оказываемо всякое содѣйствіе „въ дачѣ подводъ и квартиры“ и т. п. Пріѣхавъ въ одну татарскую деревню, гдѣ приходилось сѣѣнить лошадей, Аксаковъ остановился въ домѣ старшины ясачныхъ татаръ, Абдулкарима Балтисова, котораго дома въ этотъ разъ не было. Воспользовавшись отсутствіемъ старшины Балтисова, Аксаковъ въ послѣдній разъ захотѣлъ показать себя ходатаемъ и покровителемъ башкиръ, которыхъ такъ безцеремонно обиралъ во время своего вице-губернаторства въ Уфѣ. Онъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ торжественно

объявилъ, чтобы въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда онъ будетъ возвращаться въ Уфу, были собраны изъ всѣхъ деревень, подвѣдомственныхъ Балтисову, представители и главари домовъ, для объявленія имъ милости Государыни о снятіи съ нихъ ясака, или податей. Народъ былъ въ невыразимой радости; довѣрчивые и довольные татары провожали Аксакова всевозможными пожеланіями счастія, благополучія и скораго возвращенія его въ Уфу. Аксаковъ уѣхалъ.—Народъ, собранный предъ домомъ Балтисова, еще не успѣлъ разойтись, какъ прискакалъ старшина Балтисовъ, бывшій по дѣламъ службы въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему деревень. Узнавъ о причинѣ сходки, Балтисовъ приказалъ всѣмъ разойтись по дѣмамъ и ждать царской милости, а самъ тотчасъ же отправилъ рапортъ о случившемся въ Уфимскую канцелярію, которая препроводила его въ Оренбургскую губернскую канцелярію, оставивъ у себя копію съ рапорта Балтисова за удостовѣренiemъ секретаря Зубова и канцеляриста Андрея Панаева. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ рапортомъ, отъ 18 сентября 1744 г., Уфимская канцелярія сообщила Оренбургской губернской канцеляріи, что Аксаковъ, отѣзжая изъ Уфы, взялъ съ собою *самоволично* важныя секретныя дѣла и канцеляриста Петрова; что Аксакову на прогоны и подъемъ выдано 800 рублей, а начета на немъ, какъ открылось при ревизіи, было 2614 руб. $64\frac{1}{4}$ к., въ томъ числѣ 44 р. 64 к.—въ Главный Комміssиріать за прогоны секретаря Зубова, самъ же Зубовъ подалъ прошеніе въ канцелярію о возвратѣ ему 124 руб. $23\frac{1}{4}$ коп., такъ какъ онъ, Зубовъ, *ѣхалъ* на свой счетъ *по одинъ*, а съ офицеромъ и конвойными. Когда же Уфимская канцелярія стала требовать съ Аксакова эти деньги, то Аксаковъ заявилъ положительно, что онъ платить не желаетъ. Но теперь Оренбургская губернская канцелярія на всѣ донесенія объ Аксаковѣ отвѣчала молчаніемъ, вѣроятно, ожидая, какъ относится къ нему въ Сенатѣ.

Въ то время, какъ Аксаковъ *ѣхалъ* въ Москву, съ надеждой на друзей и покровителей, Олинъ и Кадомцевъ сидѣли подъ арестомъ; слѣдственное дѣло хранилось въ Уфимской канцеляріи за карауломъ солдатъ, подъ отвѣтственностью канцеляриста Башкирова, а неутомимый Люткинъ, при содѣйствіи Мертваго и Зубова, продолжалъ рыться въ дѣлахъ, отыскивая новыя обвиненія противъ Аксакова. Наконецъ слѣдователи нашли одну весьма важную вину за Аксаковымъ, о которой они раньше не знали: оказалось, что Аксаковъ не исполнилъ Высочайшаго манифеста о сложеніи штрафовъ и недоимокъ, по случаю восшествія на престолъ Государыни Елизаветы Петровны, взыскивая деньги, конечно, въ свою пользу. Пшло новое донесеніе въ Оренбургъ, но отвѣта и на него не послѣдовало. Преступленіе Аксакова, его произволъ и взятки съ населенія Уфимской про-

винціи, кражи казенныхъ денегъ и уничтоженіе многихъ важныхъ дѣлъ и денежныхъ документовъ не подлежали никакому сомнѣнію; но въ Петербургѣ его берегли и всячески старались оборонить отъ заслуженного имъ наказанія. Взятки, казнокрадство, произволъ и самодурство были въ понятіяхъ тогдашняго служилаго класса явленіями столь обыкновенными и обыденными, что они казались обстоятельствомъ менѣе чѣмъ второстепеннымъ въ дѣлѣ Аксакова; но нельзя было сказать того-же объ уничтоженіи Аксаковыемъ 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ,— вотъ отъ ответственности въ этомъ-то и старались особенно избавить Аксакова его патроны. Такая заботливость о виновномъ Аксаковѣ со стороны его сильныхъ друзей невольно рождаетъ вопросы: не были ли его защитники сами прикованны къ этому дѣлу?— Не съ ихъ ли вѣдома были уничтожены Аксаковыемъ многія судныя дѣла, денежные документы, дѣла по купчимъ крѣпостямъ, по подрядамъ, торговымъ и таможеннымъ, дѣла по пріобрѣтенію башкирскихъ земель и др.?— Какъ бы то ни было, только суть дѣла отъ Государыни была скрыта и самое дѣло, представленное ей совершенно въ иномъ видѣ, вслѣдно было предать забвенію, а Аксакова считать только уволеннымъ отъ службы. Неплюевъ получилъ указъ о прекращеніи дѣла и объ увольненіи Аксакова отъ службы, а канцеляристъ Петровъ, по распоряженію Сената, возвратился въ Уфу съ дѣлами, увѣзенными Аксаковыемъ, и въ февралѣ 1745 года сдалъ ихъ, по описямъ въ цѣлости и порядкѣ, въ Уфимскую провинціальную канцелярію. Дѣло объ Аксаковѣ было освобождено отъ караула и увѣзено Башкировымъ въ Оренбургъ, гдѣ было распечатано и сдано въ архивъ. Кадомцевъ и Олинъ были возвращены въ Уфимскій гарнизонъ съувѣдомленіемъ командира о томъ, что дѣло о нихъ прекращено, по указу Сената, вслѣдствіе Высочайшей воли. Существуетъ преданіе, что самъ Аксаковъ, въ избѣжаніе ответственности, былъ оглашенъ сумасшедшими и такимъ жалкимъ, заслуживающимъ состраданія существомъ, что великодушная и милосердная Государыня Елизавета Петровна пожалѣла и помиловала Аксакова. Извѣстно, что въ то время шуты и шутихи еще не вышли изъ моды, а про Аксакова сказали Государынѣ, что „онъ и въ безуміи своемъ пропохъ, безвреденъ, шутливъ, милъ и остроуменъ“^{a)}. Аксаковъ поселился въ Москвѣ, гдѣ тогда много жило подобныхъ ему людей, „огорченныхъ по службѣ“, и прослылъ за шута. Нужно замѣтить, что Аксаковъ не щадилъ въ своихъ шуткахъ и людей сильныхъ и знатныхъ, а шутки его были таковы, что кололи, какъ говорится, „не въ бровь, а

^{a)} Игнатьевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковыемъ“, стр. 56.

прямо въ глазъ; "морщились вельможи отъ его шутокъ, но прощали чловѣку, огорченному по службѣ и притомъ же полусумасшедшему. Извѣстный заводовладѣлець И. Б. Твердыщевъ, встрѣчавшій Аксакова нѣдѣло въ бытность свою въ Москвѣ, писалъ о немъ, 10 декабря 1750 г., владѣльцу Верхнеисетскаго завода Турчининову слѣдующее: „Аксаковъ, что на Уфѣ обрѣтался, въ Москвѣ проживая, дурь, шутовство на себя напустилъ, паче молвить—юродствуетъ; какъ начнетъ шутить—нѣту никому спуска: все, подъ видомъ шутовства, на-прямки, какая бы ни была персона, мужская или женская, такъ-таки на-прямки, кто бы какого высокаго ранга ни былъ; да шуту, да безумцу, да юроду все прощаемо, такъ оно и съ Аксаковымъ. Онъ же Аксаковъ въ дерзновеніи своемъ, подъ видомъ шутовства, во очію прямо его сіятельству, такой высокой персонѣ, встрѣти его, сказалъ: „здоровеньки-ли сіятельный?—маленький-де воръ Аксаковъ челомъ бываетъ большому вору, вашему, то есть, сіятельству.“—И ничего: такая первая, такая высокая осо-ба только смѣху далась; другаго бы всякаго за такія прородрости (онъ же Аксаковъ другія многія рѣчи про другихъ говорилъ), за вся сія въ Стуколовъ монастырѣ^{a)} отсылаютъ,—только не Аксакова. Вижу я Аксакова почасту: карета диковинная, раскрашенная и размалеванная шу-товски, висящая на желѣзныхъ цѣпяхъ, чтобы тѣ цѣпи побольше грома дѣлали, а кучера въ шутовскихъ балахонахъ, а лошади разношерстныя—какая чалая, какая вороная, какая иная. Да сказываютъ, онъ же Аксаковъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, на потѣху Москви, ъздилъ по люднымъ улицамъ, поставилъ большую лодку на колеса, и на этой лодкѣ самъ сидѣлъ, да еще посадилъ музыкантовъ; а онъ самъ Аксаковъ сидѣлъ въ разно-поломъ кафтанѣ: одна пола красная, а другая желтая, а на головѣ кал-пакъ, какъ у китайцевъ рисуютъ. Такъ-то ъздилъ Аксаковъ, а все отъ притворства и хитрости. Не любить онъ больно, кто свиститъ: на того Аксаковъ бросается ругаться, даже драться и раздѣ, будучи у обѣдни, выходя изъ церкви, засыпалъ, что кто-то засвисталъ, такъ онъ, Аксаковъ—то, разсвирепѣлъ, что и шпагу вынулъ, да только виноватаго не нашелъ, а то-бы, пожалуй, пырнулъ"^{b)}.

Это письмо, найденное покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ въ 1870 г. въ архивѣ Верхнеисетскаго завода^{c)} Пермской губерніи, бросаетъ нѣко-торый свѣтъ на поведеніе Аксакова въ Уфѣ и на его жизнь въ отставкѣ.

^{a)} Такъ называли москвичи Тайную Капеллярю.

^{b)} Р. Г. Игнатьевъ. Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ, стр. 59—61.

^{c)} А не Нижнеисетскаго, какъ напечатано въ Уф. Губ. Вѣд. за 1873 г. № 49 что ввело и меня въ ошибку. См. „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 312.

Аксаковъ, поощряемый другими, изъ корыстныхъ разсчетовъ, къ взяткамъ съ башкиръ и произволу надъ ними, попалъ подъ судъ, можетъ быть, за интересы тѣхъ, которыхъ называлъ, прикрываясь шутовствомъ, „*богатыми ворами*,“ не боясь попасть въ руки палача Тайной Канцелярии, Осипа Стуколкова. Аксакова спасли его сильные друзья, оберегая себя; но Аксакову, конечно, не того хотѣлось: онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ за свои услуги сильнымъ лицамъ на повышеніе по службѣ и награды; обманувшись въ своихъ расчетахъ, онъ озлобился и, оглашенный сумасшедшімъ, подъ видомъ шутовства и юродства, вымѣщалъ свою злобу надъ сильными вельможами Ѳдкими остротами и бранью. Но въ то время, какъ Аксаковъ проживалъ на свободѣ и шутовствомъ вымѣщалъ злобу на другихъ, дѣлу по обвиненію имъ бывшихъ командировъ Оренбургскаго края былъ данъ ходъ. 20 Ноября 1745 г. состоялся именный указъ объ учрежденіи при Высочайшемъ дворѣ комиссіи, для изслѣдованія беспорядковъ и злоупотребленій бывшихъ командировъ надъ башкирцами, съ назначеніемъ въ эту комиссію дѣйствительнаго тайного советника и генерал-прокурора, князя Никиты Трубецкаго, тайного советника князя Алексея Голицына, бригадира Ивана Глѣбова, капитанъ-командора Артемія Толбухина и статскаго советника Василия Демидова.^{a)} Въ тотъ же день данъ былъ членамъ этой комиссіи другой указъ, отъ имени Ея Величества, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть доношеніе бывшаго уфимскаго вице-губернатора Аксакова о противозоконныхъ поступкахъ и притѣспеніяхъ башкирскому народу, со стороны бывшихъ надъ нимъ командировъ.^{b)} — Но дѣло, видимо, затянулось: указомъ 1 марта 1748 г. Императрица Елизавета требовала ускорить окончаніемъ дѣла, по представленіямъ Аксакова, и донести ей о дѣйствіяхъ учрежденной въ 1745 году слѣдственной по башкирскимъ дѣламъ комиссіи^{c)}. Между тѣмъ Аксакову, вѣроятно, наскучило юродствовать, и онъ сталъ искать себѣ какого-либо занятія, которое, благодаря его связямъ, скоро и нашлось: ему поручили разобрать кабинетныя дѣла, со временъ Петра Великаго, и старыя дѣла с.-петербургской крѣпости, и составить имъ опись при содѣйствіи советника Ивана Тауберта^{d)}. — 16 августа 1760 г. Аксаковъ именнымъ указомъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе советники^{e)}, а съ 14 ноября 1761 г. онъ былъ определенъ членомъ эксп

^{a)} Барановъ. Описям. сен. арх., т. 3, № 9491 (С. А. 73, 79, 80).

^{b)} Тамъ же № 9492 (С. А. 81; 1).

^{c)} Тамъ же № 9741 (С. А. 81; 3).

^{d)} Тамъ же № 11133 (С. А. 91; 148).

^{e)} Тамъ же № 11664 (С. А. 94; 72).

педицио колодникахъ, продолжая заниматься разборомъ порученныхъ ему архивныхъ дѣлъ до 1768 г.^{a)}.

Одновременно съ дѣломъ Аксакова Неплюевъ поручилъ Люткину произвести дознаніе и о дѣйствіяхъ бригадира Тевкелева, по случаю возмущенія его крестьянъ.—Мы отчасти уже говорили о Тевкелевѣ въ VI-й главѣ настоящей монографіи, где было указано на его роль въ присоединеніи къ Россіи Малой Киргизь-Кайсацкой орды^{b)}. За свои труды Тевкелевъ былъ награжденъ чиномъ бригадира, землями и крестьянами въ Уфимской провинціи, а впослѣдствіи дослужился и до генеральского чина. Опиралась на свое значеніе въ краѣ и увлекаемый примѣромъ другихъ, Тевкелевъ такъ же, какъ и Аксаковъ, не прочь былъ эксплуатировать инородческое населеніе въ краѣ, въ свою пользу, допуская иногда незаконные поборы, взятки и злоупотребленія относительно башкиръ и другихъ инородцевъ Оренбургской губерніи; но произволъ Тевкелева особенно былъ чувствителенъ для его крѣпостныхъ крестьянъ. Наконецъ дѣло дошло до открытаго восстанія, которое нельзя было скрыть отъ правительства. Ясачные татары деревень Болтасовой и Мордвинкиной, принадлежавшихъ Тевкелеву, захотѣли вовсе отложитьться отъ своего владѣльца. Съ этой цѣлію, некоторые изъ нихъ, оставивъ свои жилища, поселились на рѣчкѣ Селеушѣ въ глухомъ лѣсу, откуда дѣлали воровскія нападенія на прочія деревни Тевкелева и разоряли ихъ, угрожая жизни и самого Тевкелева. Уфимская Провинціальная Канцелярія, по жалобѣ Тевкелева, предписала недовольнымъ изъ его крестьянъ, чтобы они возвратились въ свои domы и явились для допроса въ Уфу, но татары не слушались. Тогда отправлена была къ нимъ на винтеръ-квартиры военная команда, подъ начальствомъ прапорщика Казанского полка Тихомирова,—татары оказали сопротивленіе. Въ то же время на рѣчку Селеушъ былъ командированъ изъ Казани поручикъ Измайлова, состоявший у розыскныхъ дѣлъ, который и захватилъ большую часть татаръ, скрывавшихся въ глухомъ лѣсу, убѣжавшіе же отъ него тридцать человѣкъ были переловлены командою Тихомирова; впрочемъ, трое татаръ успѣли скрыться въ лѣсной чащѣ, въ числѣ ихъ былъ и предводитель партии недовольныхъ Хабибулла^{c)}.

Неплюевъ, опасаясь усиленія мятежа и ответственности, донесъ о томъ 31 августа 1744 г. Сенату и просилъ, чтобы ему дана была ин-

^{a)} Руммель и Голубцовъ. Род. Сборн. двор. фамил. т. 1, 25.

^{b)} См. выше стр. 137.

^{c)} Указъ Сената отъ 22 января 1744 г., за № 188 въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 40 и 42.

струкція „какимъ образомъ съ тѣми противниками ему поступить“ на будущее время. Прошло четыре мѣсяца, а отвѣта на запросъ Неплюева не было. Принявъ возможныя мѣры предосторожности къ охраненію имѣній Тевкелева, Неплюевъ 29 декабря того же года снова писалъ въ Сенатъ о возмущеніи крестьянъ въ деревняхъ Болтасовой и Мордвинкиной, присовокупивъ на этотъ разъ, что крестьянинъ деревни Мордвинкиной Елдашъ Ишимбаевъ, во время проѣзда изъ Уфы въ Москву бригадира Аксакова, выѣжалъ къ послѣднему на дорогу и объявилъ, что у нихъ имѣется указъ, данный ихъ предкамъ Девлику и Бахтиару отъ Московскихъ великихъ государей, и татарское письмо; что этимъ указомъ воспрещено мурзамъ имѣть у себя ихъ въ крестьянствѣ, а изъ письма видно, что ихъ предки „припустили пришлыхъ людей къ владѣнію своей вотчинной землей, со взятиемъ себѣ оброку, кой-де указъ и татарское письмо остались въ рукахъ у бригадира Аксакова“. — Елдашъ Ишимбаевъ былъ допрошенъ о томъ въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, куда онъ былъ доставленъ поймавшимъ и арестовавшимъ его однимъ башкирскимъ старшиной. Сенатъ на этотъ разъ не замедлилъ отвѣтить Неплюеву: 1) вызвать въ Уфу для допроса въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи крестьянъ изъ деревень Болтасовой и Мордвинкиной, „кои отъ крестьянства бригадиру Тевкелеву отрицаются“; 2) дознать о виновныхъ, кои не допустили прaporщика Тихомирова съ его командой на винтъ-квартиры; 3) съ противниками этого распоряженія поступать, какъ съ злодѣями; 4) употребить всѣ мѣры къ отысканію и поимкѣ „атамана“ недовольныхъ Хабивуллы и его товарищей^{a)}. Получивъ этотъ указъ, Неплюевъ 23 февраля того же года написалъ въ Сенатъ, что дѣло о бригадирѣ Тевкелевѣ съ его крестьянами не можетъ быть производимо до получения изъ Сената показаній Аксакова, относительно его разговора съ Ишимбаевымъ. — Между тѣмъ Сенатъ еще 15 февраля вызывалъ Аксакова въ присутствіе и взялъ отъ него росписку, что онъ никакого указа и письма отъ Ишимбаева не получалъ, о чёмъ было сообщено Неплюеву 1 апрѣля 1745 г.^{b)}, а 4 мая того же года Неплюевъ «накрѣпко» подтвердилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, чтобы дѣло о Тевкелевѣ съ его крестьянами, какъ можно, скорѣе было кончено.

Дѣло о Тевкелевѣ могло еще болѣе обнаружить злоупотребленія Аксакова, который дѣлилъ съ Тевкелевымъ незаконные поборы и взятки съ башкиръ, татаръ и др. инородцевъ Уфимской провинціи; но слѣдователи,

^{a)} См. въ Тург. област. архивѣ. Указы 1744 г. по описи № 18, л. 40—45.

^{b)} Тамъ же, л. 114—115.

имѣя, вѣроятно, въ виду благопріятный исходъ дѣла Аксакова, нашли Тевкелева невиннымъ въ взводимыхъ на него проступкахъ и въ этомъ смыслѣ донесли Оренбургской Губернскай Канцеляріи. Неплюевъ утвердилъ рѣшеніе Слѣдственной Комиссіи и представилъ дѣло въ Сенатъ, который и согласился съ его заключеніемъ^{a)}. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ нашелъ въ Тевкелевѣ полезнаго себѣ помощника по управлению краемъ, и поручалъ ему, на время своихъ отлучекъ въ Москву и Петербургъ, главное управление Оренбургской губерніей^{b)}. Съ удалениемъ изъ Уфы Аксакова, Неплюеву предстояло много хлопотъ и трудовъ по устройству Уфимской провинціи, деморализованной Аксаковымъ. Что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи мудрый администраторъ, увидимъ дальше, а теперь перейдемъ къ изложению событий среди Яицкаго войска, которое очень многимъ было обязано Неплюеву, цѣнившему его боевые способности и хорошо понимавшему его важное значеніе для Оренбургскаго края въ стратегическомъ отношеніи.

^{a)} Игнатьевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковыи“, стр. 35 и 55.
^{a)} Въ дѣлахъ „Секретной Экспедиціи“, хранящихся въ архивѣ Турагайскаго обл. правленія, имются, между прочимъ, „Указы Походной Экспедиціи“, относящіеся къ 1751—1753 годамъ, когда Неплюевъ жилъ въ С.-Петербургѣ, а Тевкелеву было поручено непосредственное управление Оренбургскимъ краемъ. „Указы Походной Экспедиціи“, переплетенные въ три довольно большихъ фоліанта, составляютъ 493 полулиста, или 986 стр. текста. Въ составъ этихъ материаловъ входитъ и переписка Неплюева съ Тевкелевымъ по разнымъ вопросамъ, касающимся Оренбургскаго края.

міонником болоту єО та співон азака, якд виправдані півночі
“”, аздаджан
ут мінэттудено оте овдя піллютєн йоте таң тиқаадо аныкт
сілд виправдані лаңац, таңшы аздад айнада ғаротаңаң
ең, фаси же анатудаң и потенція тұннастұра и азиншынан ғана
—ең оғаның да жаңа азака и сілдесінің ніниң аза
—ең оғаның да жаңа азака и сілдесінің ніниң аза

ГЛАВА IX.

Образование Оренбургской губернии и ее первоначальный составъ.—Внутрен-
нее состояніе Яицкаго казачьаго войска до подчиненія его Неплюеву.

Жон ах азака болотаңаң да ойтсан боладасы да сілдесінің
білдесінде болниң таң-тавт „Не можемъ сего принять: понеже войско
ишауло въ казаки полотомъ Яицкое поселилось на Яикѣ изъ вольныхъ людейъ“!
Сілдесінің азака и отаң калыпта „Живите, братцы, пока Москва не узнала“!
—жадаң азака да штох „Яицкие казаки“.

Главное управление Оренбургскимъ краемъ при Кирилловѣ называлось
«Извѣстною», а потомъ «Оренбургскою Экспедиціей», при Татищевѣ же
и Урусовѣ—«Оренбургскою Коммиссіей» Въ 1744 году Неплюевъ, на-
ходясь въ Москвѣ, вошелъ въ Сенатъ съ представлениемъ о переименовании
Оренбургской Коммиссіи въ *Оренбургскую губернию*, и Сенатъ согласился
съ мнѣніемъ Неплюева. Въ инструкції, данной Неплюеву, были означены
границы и кругъ дѣятельности губернаторской власти; въ ней, между про-
чимъ, говорилось: „быть въ Оренбургѣ губерніи и именоваться Оренбургская
губернія и въ ней—губернаторомъ тайному совѣтнику Неплюеву, а въ оной
губерніи вѣдомымъ быть всѣмъ тамошнимъ по той Оренбургской Коммиссіи
вновь построеннымъ и кои нынѣ строятся крѣпостямъ, опредѣленнымъ въ
нихъ регулярнымъ и нерегулярнымъ войскамъ и прочимъ поселившимся лю-
дямъ, которымъ указами позволено, да той губерніи подъ вѣдомствомъ со-
стоять, попрежнему, Исетской провинціи и съ за-уральскими башкирами; да
нынѣ вновь въ вѣдомство той губерніи подчинить Уфимскую провинцію, со
всѣми башкирскими дѣлами, такимъ порядкомъ, какъ и въ прочихъ губер-
ніяхъ провинціи приписаны, и въ вышеписанныя Уфимскую и Исетскую про-
винціи опредѣлять воеводъ и ихъ товарищѣ по разсмотрѣнію сенатскому,
какъ и въ прочія провинціи оные опредѣляются, и состоять имъ подъ
указами Оренбургской губерніи, а особо той Уфимской провинціи и въ
ней вице-губернатору не быть, также и Оренбургской Коммиссіи дѣламъ
вѣдомымъ быть въ той же губерніи, а особливою Коммиссію не имено-
ваться; ему же губернатору вѣдать и Киргизъ-Кайсацкій народъ и та-

мошнія пограничныя дѣла, какъ понынѣ въ Оренбургской Комиссіи находятся,^{“а”}

Такимъ образомъ изъ этой инструкціи видно, что оренбургскій губернаторъ долженъ быть вѣдать башкиръ, киргизъ, пограничныя дѣла, всѣ линіи виѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей и редутовъ въ краѣ, провинціи Исетскую и Уфимскую, а потомъ вскорѣ въ его же вѣдомство поступили Ставропольскіе крещеные калмыки и Яицкое казачье войско. Раньше, когда еще не существовало Оренбургской губерніи, всѣ, составлявшія ее потомъ части: Самара, Уфа, Яицкій городокъ и др. были приписаны частію къ Казанской, частію къ Астраханской губерніи; къ послѣдней былъ приписанъ и Яицкій городокъ^{б)}. Такъ-какъ Яицкое казачье войско занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи колонизаціи и охраны Оренбургскаго края до Неплюева и при немъ, то мы считаемъ совершенно умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей, хотя въ общихъ чертахъ^{с)}, съ внутреннимъ состояніемъ и устройствомъ Яицкаго войска до подчиненія его оренбургскому губернатору, а потомъ уже перейдемъ и къ мѣроприятіямъ Неплюева, по отношенію къ Яицкимъ казакамъ, которыхъ онъ цѣнилъ, какъ «легкій, полезный и весьма надежный *къ оборонѣ корпусъ*».

Яицкіе казаки происходятъ отъ Донскихъ, которые сами первоначально образовались отъ Азовскихъ около половины XVI вѣка^{д)}. Начало организаціи Яицкаго (нынѣ Уральскаго) войска, на основаніи историческихъ данныхъ^{е)}, мы относимъ къ концу XVI в., именно къ послѣднімъ годамъ царствованія Иоанна Грознаго (1584); о службѣ же Яицкихъ казаковъ въ первый разъ упоминается въ актахъ подъ 1591 годомъ, когда астраханскимъ воеводамъ князю Ситцкому и Пушкину повѣлено было отправить войско противъ „царскаго непослушника“ Шахмала; тогда же было приказано взять въ походъ 500 Яицкихъ казаковъ^{ж)}. Въ началѣ числа Яицкихъ казаковъ не превышало 40 человѣкъ; затѣмъ

^{а)} П. С. З., т. XII, № 8900.

^{б)} Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 354.—По духовнымъ дѣламъ Оренб. край находился въ вѣдѣніи Сибири и внутреннихъ смежныхъ губерній: такъ нынѣшніе уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій до конца XVIII в. (1799 г.), когда была открыта Оренб. епархія, состояли подъ вѣдомствомъ Тобольскихъ архиепреевъ, а выиѣшняя Уфимская епархія, отдѣлена отъ Оренбургской только въ 1865 году, и прочіе уѣзды Оренбургской губерніи были причислены то къ Вятской, то къ Казанской епархіи. См. Пам. Каз. Оренб. губ. 1870 г., V, 14.

^{с)} Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: „*Яицкое войско до появленія Пугачева*“, напечат. въ „Русск. Арх.“ за 1879 г. кв. 1, 2, 3.

^{д)} Н. М. Карапзинъ. И. Г. Росс. т. VIII, стр. 86, 180 и 181. Мордовцевъ Д. невѣрно относитъ выдѣленіе Яицкаго войска изъ Донскаго къ XV ст. См. въ От. Зап. 1868 г. апрѣль, стр. 450.

^{е)} Которымъ мы приводимъ въ своеемъ изслѣдованіи: „*Яицкое войско до появленія Пугачева*“.

^{ж)} Акты Истор. I, № 230.

эта горсть смѣлыхъ людей постепенно умножалась бѣглыми изъ русскихъ и инородцевъ, которымъ плохо жилось на Руси или по причинѣ ихъ широкаго и разгульного характера, или по бѣдности и вслѣдствіе притѣсненія воеводъ и другихъ властей, а потомъ и вслѣдствіе гоненій, направленныхъ противъ ревнителей старины и „старой“ вѣры. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ христіанинъ и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, Янцкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и отличались нѣкоторою даже вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Янцъ и селились между ними, съ общаго войскового согласія; плѣнныхъ же они обыкновенно старались обращать въ христіанство^{a)}. Закаливъ себя въ борьбѣ съ природою и врагами, Янцкіе казаки требовали, чтобы и всякий, желавшій поступить въ ихъ общину и сдѣлаться казакомъ, былъ смѣлымъ, дѣятельнымъ и предпримчивымъ; „увальней“ и лѣнтиевъ они, учили труду да уму-разуму“, а если „наука въ толкъ не шла“, то выгоняли такихъ воинъ изъ своей общины. По выражению самихъ уральцевъ, на берега привольнаго Янца шелъ „народъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый,—народъ съ амбиціей, который искалъ вольностей, простора, независимости“. — Дѣйствительно, Янцкое войско является въ исторіи смѣлымъ, храбрымъ, предпримчивымъ и ловкимъ, но въ то же время стойкимъ въ своихъ стремленіяхъ и обычаяхъ до упорства, особенно когда задѣвались ихъ старинныя права и привилегіи.

Главное мѣсто первоначального поселенія Янцкихъ казаковъ было не тамъ, гдѣ нынѣшній Уральскъ, а верстахъ въ трехъ отъ верхняго Кошевского устья по теченію р. Янца^{b)}, на мѣстѣ остатковъ такъ называемаго *Голубаго Городища*. Внослѣдствіи казакамъ не понравилась эта мѣстность, и они переселились къ Краснымъ Кирсановскимъ ярамъ, нѣсколько ниже Орѣшной луки, гдѣ теперь находится Кирсановскій форпостъ, отстоящій на 85 в. отъ Уральска по направлению къ Оренбургу. Частныя столкновенія съ кочевниками и нѣкоторыя климатическія невыгоды этой мѣстности заставили казаковъ покинуть и Кирсановскіе яры: въ половинѣ XVII в.^{c)} городъ былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ находится и теперь, т. е. къ устью р. Чагана, впадающей съ правой стороны въ Ураль и принимающей въ себѣ р. Деркуль; слѣдовательно, настоящій Уральскъ существуетъ около 250 лѣтъ.

^{a)} Уральск. Вѣд. 1869 г., № 23, стр. 11.

^{b)} Кн. Больш. Чертеж. Изд. 1838 г., Спб. стр. 69.

^{c)} См. показанія казака Матвѣя Томачкова полковнику Захарову. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 20, стр. 6, столб. I.

Главнейшимъ источникомъ продовольствія Яицкаго казачества, безъ сомнѣнія, издавна служилъ Яикъ, который тогда особенно былъ богатъ рыбью и который Яицкіе казаки такъ удачно назвали въ своихъ пѣсняхъ «*золотымъ донышкомъ со серебряной покрышечкой*». Кромѣ того, занявъ огромныя луговыя и степныя пространства по Яику, казаки безъ особеннаго труда, но съ большимъ успѣхомъ, могли заниматься и скотоводствомъ, которое и доселѣ, послѣ рыболовства, составляется у нихъ весьма важную и выгодную статью народнаго богатства. Но, находясь вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, казаки не всегда имѣли возможность вымѣнивать на рыбу, икру и кѣль — хлѣбъ, одежду и т. п. необходимые для жизни предметы. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они, помимо торговли и мѣны, пополняли грабежомъ и разбоемъ въ аулахъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, киргизовъ и калмыковъ, а также на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, что у нихъ называлось «*промышломъ*», въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Изъ доношенія Неплюева въ Военную Коллегію видно, что Яицкіе казаки, „отбивъ нападеніе на ихъ городокъ татаръ Золотой Орды, послѣ долго еще жили независимо отъ Московскаго государства; наконецъ, собрався, учинили совѣтъ и послали отъ себя двухъ человѣкъ: одного русскаго, а другаго татарина, блаженныя памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу, чтобы они приняты были подъ власть его Царскаго Величества, служить ему Великому Государю и его наследникамъ, и по тому ихъ прошенію дана была имъ на р. Яикѣ съ существами при ней рѣки и притоки и со всякими угодьями, отъ вершины той рѣки до устья, его Великаго Государя жалованная грамота, чтобы имъ на этой рѣкѣ жить и владѣть, и ему Великому Государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми; та же грамота въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время, сгорѣла, а изъ котораго приказа дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнить^{a)}). Между тѣмъ раньше, равно какъ и позже^{b)}, Яицкіе казаки относили выдачу этой грамоты то къ царствованію Алексѣя Михайловича^{c)}, то ко времени сына его Феодора Алексѣевича, то къ правленію

^{a)} См. въ чернов. бумагахъ И. И. Желѣзнова по описи его бумагъ № 3, л. 3 на оборотѣ.

^{b)} Напр. въ февралѣ 1770 г., когда Яицкое войско просило императрицу Екатерину II освободить его отъ легионной службы. Уральск. Вѣд. 1869 г., № 30 и 33.

^{c)} Въ выпискѣ изъ Оренбургской Секретной Комиссіи. (См. Чт. Моск. Общ. истор. и древн. 1859 г., кн. 3), говорится, что Яицкіе казаки, въ числѣ 500 челов., избрали мѣсто нынѣшнаго поселенія, принесли повинную царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго и получили владѣнную грамоту, а также крестъ и бороду, причемъ положено было выдавать имъ по четверти муки и по полфунту свининѣ и пороху на каждого въ годъ.

царевны Софіи. Такъ въ декабрѣ 1720 г., члены боярства къ Петру Великому отъ Яицкаго войска, прося возстановленія своихъ правъ на р. Янъ, говорили, что прежняя грамота, которая была выдана войску „въ прошлыхъ годѣхъ, чemu будеъ лѣтъ съ сорокъ“^{a)}, сгорѣла и что башкиры, калмыки и самаряне, узнавъ о томъ „чинять войску изневажество немалое“ и имъ, казакамъ, „противиться стало не по чуму“.

Такимъ образомъ Яицкое войско не могло съ точностью определить ни времени, ни мѣста выдачи ему „владѣнной“ на р. Янъ грамоты; ни къ чemu положительному не привели справки и въ архивахъ тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находились Яицкіе казаки.

Основывалась на грамотѣ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой говорится о прежнихъ службахъ Яицкаго войска со временемъ царя Михаила, мы склонны думать, что „владѣнная“ была выдана Яицкимъ казакамъ при царѣ Михаилѣ; тогда же, вѣроятно, казаки признали надъ собою и власть Московскаго государя, такъ какъ въ 1629 г. они уже участвуютъ въ войнѣ съ крымскими татарами, подъ начальствомъ князя Солнцева—Засѣкина и Благова. Такое мнѣніе тѣмъ большее имѣть значеніе, что Московское правительство, не зная еще богатства Яицкой территоріи ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, не имѣло и повода къ тому, чтобы отказать казакамъ въ просимой ими грамотѣ на владѣніе всѣмъ Яномъ, при томъ же оно само было еще не въ состояніи обезопасить восточную окраину отъ соседнихъ кочевниковъ, да и не сознавало еще всей важности ея для государства въ торговомъ и политическомъ отношеніи^{b)}.

Верховья р. Яика, правда, еще раньше принадлежали башкирцамъ и, въ царствованіе Иоанна Грознаго, были утверждены за ними особою грамотою^{c)}; но это не могло стѣснить Московского правительства въ выдаче жалованной грамоты Яицкому войску, которое особенно дорожило южною половиной рѣки^{d)}. Правительство, какъ известно, впослѣдствіи селило здѣсь разныхъ людей, не справляясь, кому принадлежать эти земли.—Этотъ-то приливъ населенія, если только онъ не былъ въ интересахъ

^{a)} Слѣдов. въ 1680 г. См. самую членитную въ „Р. Архивѣ“ 1879 г., кн. I, стр. 414—416.

^{b)} Н. А. Фирсовъ. Ипородч. насел. прежн. Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 318.

^{c)} См. копію съ этой грамоты у Рябинина (Уральское казачье войско, ч. II. примѣніе I). Изъ этой грамоты видно, что башкирцамъ пожалованы были многія изъ тѣхъ земель, на которыхъ предъявляли свои права Яицкіе казаки. Впрочемъ, Рябининъ сомнѣвается въ подлинности этой грамоты, хотя и бездоказательно. См. у него стр. 17 въ I ч.

^{d)} Н. А. Фирсовъ: „Ипородческое населеніе прежнаго Казанскаго царства“ и проч., стр. 318.

самихъ казаковъ, равно какъ и захватъ соѣдними поселенцами казачьихъ угодій, естественно могъ возбудить въ Яицкихъ казакахъ желаніе, чтобы Московскіе цари, вступая на престолъ, подтверждали особыми грамотами владѣльческія права Лицкаго войска, дарованныя ему первоначально царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ. Вслѣдствіе такого стремленія къ гаран-
тії своихъ природныхъ богатствъ, Яицкое войско могло получать „вла-
дѣнія“ подтверждительныя, подобно Донскому^{a)}, и при Алексѣѣ Михай-
ловичѣ, и при его сыне Феодорѣ, и въ правленіе Софии, пожарь же,
бывшій въ концѣ XVII ст. и уничтожившій Войсковую Избу, гдѣ хранилась
„владѣнія“, заставилъ Яицкое войско въ 1720 году просить таковую
же грамоту и у Петра Великаго, дабы „всякому изневажеству было почему
противиться“. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается, по всей вѣроят-
ности, причина, а равно и разгадка того разнорѣчія, на которое мы указали
выше, относительно времени получения Яицкимъ войскомъ „владѣній“,
или жалованной казакамъ грамоты на рѣку Янкъ.—Признавъ добровольно
надъ собою власть Московскаго Государя, Яицкое войско почти цѣлое
столѣтіе находилось въ весьма слабой зависимости отъ Московскаго пра-
вительства, которое, вслѣдствіе своихъ еще неокрѣпшихъ силъ, не могло
принять дѣятельнаго участія въ казачьихъ распорядкахъ. Казаки, по-преж-
нему, ходили на свои «промышлѣ», въ соѣдніе аулы и смежныя русскія
селенія, принимая дѣятельное участіе и въ бунтахъ, бывшихъ на Руси.

Когда же сыномъ Янка-Горыныча случалось попадать въ тиски къ
царскимъ воеводамъ и войскамъ, они приносили повинную, раскаявались,
слѣдуя пословицѣ: „повинную-де голову не сѣкуть, не рубятъ“, и выражали
готовность заслужить свои вины предъ Великимъ Государемъ, учав-
ствуя въ походахъ и войнахъ Россіи, предпринимаемыхъ ѿю въ разное
время. Впервые Московское правительство познакомилось поближе съ Яиц-
кимъ войскомъ въ Смутное время^{b)}, когда Яицкіе казаки, бывшиe на сто-
ронѣ воровскихъ людей, дали у себя пріютъ Маринѣ Минишекъ и ея
послѣднему наперстнику Ивану Заруцкому^{c)}, который старался возму-
тить противъ Москвы весь При-Каспійскій край, заставляя присягать сыну
Маринѣ, рожденному отъ Тушинскаго вора. Марина Минишекъ и За-
руцкій укрывались отъ царскихъ стрѣльцевъ на Медвѣжьемъ островѣ,

^{a)} Такъ, 10 марта 1746 года, Императрица Елизавета Петровна пожаловала Донскому войску грамоту въ замѣнѣ той, которая сгорѣла вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Грамотою Елизаветы подтверждалась прежняя, данная ея отцомъ, за вѣроность Донскихъ казаковъ, оказанную ими во время астраханского бунта 1705 г. (См. въ Отеч. Зап. 1868 г., № 10) „Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны“ Ешевскаго, ст. 3, стр. 24.

^{b)} Акты арх. экспед. III, № 74 и 170.

^{c)} Акты истор. III, 257.

гдѣ 24 июня 1614 г. и были найдены; Заруцкій и сынъ Марина были преданы позорной казни, а сама Марина умерла въ темницѣ; главный казачій атаманъ Баловень былъ всхваченъ и повѣшенъ, другое бунтовщики разосланы по тюрьмамъ^{a)}. Впрочемъ, Янцкіе казаки и послѣ этого не переставали беспокоить Московское государство: они грабили не только русскихъ, но и персидскихъ подданныхъ, особенно же разнудз达尔 неудержимую склонность къ наживѣ въ Янцкихъ казакахъ бунтъ Разина^{b)}. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что положеніе казацкой самостоятельной общины въ Русскомъ государствѣ, въ составѣ котораго она теперь входила, должно было измѣниться, а вмѣсть съ тѣмъ долженъ былъ подвергнуться перемѣнамъ общественный и экономический, быть казаковъ. Центральная власть пріобрѣтала все больше силы и устойчивости и не желала дальше мириться съ такими порядками этой общины, которые, игнорируя ея указанія и стремленія, служили въ ущербъ общему государственному строю. Въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ казачьими землями, стали утверждаться царскіе воеводы и служилые люди, которые требовали отъ казаковъ безусловного повиновенія царской власти. Усмиривъ Разинскій бунтъ, въ которомъ участвовали и Янцкіе казаки, Московское правительство стало сильно и на нижнемъ Янкѣ. Въ 1670 году оно подчинило Янцкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на вѣшнюю службу^{c)}. Во внутреннемъ, такъ сказать, домашнемъ своемъ распорядкѣ и устройствѣ Янцкое войско представляло родъ республики или вѣрнѣ—характеръ древне-вѣчеваго устройства. Всѣ члены общины были равны между собою; всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и следовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу и значеніе обычаго права. Внутреннее домашнее правленіе у казаковъ было выборное, какъ и въ Донскомъ войскѣ, которому старались подражать и Янцкіе казаки. Существуетъ даже указаніе на то, что Янцкіе казаки не имѣли права „вершить большихъ дѣлъ“, безъ вѣдома Донскаго войска^{d)}.

^{a)} Медвѣжій островъ на р. Янкѣ (Уралѣ), нѣсколько выше Кулагиной крѣпости. На ландкартѣ 1745 г., составленной геодезистомъ Чичаговымъ, выше Кулагиной крѣпости означено „Маринкино Городище“; противъ него-то и находился Медвѣжій островъ. Ср. Акт. Истор. т. III, № 32, подъ 1614 г.

^{b)} Уральцы особенно не любятъ, когда ихъ называютъ „Разини дѣти“, или „Разино отродье“. См. соч. И. И. Желѣзнова: Уральцы, т. I, стр. 66. Первое изданіе.

^{c)} О походахъ Янцкихъ казаковъ на вѣшнюю службу будетъ сказано далѣе въ главѣ XII.

^{d)} В. Г. Дружинъ.—Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Спб. 1889 г., стр. 34. См. пр. 102: „И въ государственномъ Посольскомъ приказѣ... войсковой атаманъ Фроль Минаевъ допрашиванъ, и въ распросѣ сказалъ: Янцкіе де казаки издавна Донскому войску въ послушаніи и обо всякихъ дѣлахъ менѣ себѣ пересыка имѣютъ и болишихъ дѣлъ безъ всякоихъ правъ у себѣ не вѣршатъ, а присылаютъ къ нимъ на Донъ“ Разсир. рѣчи 10 января 1690 года. Донск. Дѣл., св. XVIII, 1689 г., № 21, л. 66.

Главу общинъ, войскового атамана, равно какъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, Яицкіе казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ своей среды и давали имъ власть производить судъ и расправу надъ собой, ио въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ общинъ—не болѣе. Дѣла обыкновенныя, ежедневныя, напр. ссоры, различная тяжбы и т. п. разбирались и решались атаманомъ и его помощниками, войсковыми старшинами; дѣла же важные, касавшіяся интересовъ всего общества, или дѣла уголовныя обсуждались и решались большинствомъ голосовъ въ Войсковомъ Кругу, имѣвшемъ характеръ Славянского Вѣче, гдѣ каждый казакъ имѣлъ право голоса. Наканунѣ собранія Круга, одинъ изъ приближенныхъ къ атаману лицъ^a), одѣтый въ раскошное платье^b), съ жезломъ въ рукахъ, на богато убранной лошади разѣжалъ по городу и, остававляясь на каждомъ перекресткѣ, громко взывалъ къ народу: «Послушайте, атаманы и все Донско-Яицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни дарового, ни купленного: заутра—Кругу быть». Извѣщенные своимъ герольдомъ и предупрежденные на счетъ чарки зелена вина, казаки, съ трезвыми и непохмѣльными головами, въ назначенный день должны были собраться на площадь къ Войской Избѣ.

Когда казаки всѣ были въ сборѣ, изъ Войской Избы выходилъ атаманъ, въ сопровождении старшинъ, походныхъ атамановъ и осауловъ. Вотъ атаманъ вступаетъ въ средину периль^c, ограничивающихъ Кругъ, снимаетъ съ себя шапку, его помощники дѣлаютъ то же; атаманъ кладеть къ ногамъ насѣку, или булавку—знакъ атамскаго достоинства,—низко кланяется во всѣ стороны и начинаетъ говорить казакамъ о дѣлѣ, для котораго они собраны. Изложивъ дѣло, онъ, спустя некоторое время, спрашивалъ: «любо ли вамъ это, атаманы-молодцы, или не любо?»—Казаки отвѣчали: „любо“! или „не любо“!—Въ случаѣ же, когда голоса раз-

^{a)} Замѣнявшій нынѣшняго адъютанта, или чиновника особыхъ порученій.

^{b)} Яицкіе казаки, по разсказамъ стариковъ, одѣвались такъ: бешметъ бирюзового, пунцоваго, малиноваго или желтаго цвета,—преимущественно изъ сукна или шелковой материи; кругомъ низкаго воротника и по борту—галуны; на бешметѣ надѣвался суконный малиновый или синій каftанъ съ очень низкимъ воротникомъ, который оставался незастегнутымъ и шелъ до половины груди открытымъ, такъ что бешметъ было видно; съ половины груди шли прорѣхи, куда продѣвались руки, а самые рукава закладывались назадъ и завязывались шнурками или тесьмами; воротникъ каftана, бортъ и прорѣхи подъ мышками обшивались широкимъ или узкимъ галуномъ, смотря по чину: у старшинъ широкимъ, у низшихъ чиновъ—узкимъ. Поверхъ бешмета надѣвалась азиатская сабля, а на портупею накладывался кушакъ, украшенный серебромъ или каменьями; тутъ же привѣшивались принадлежности огнестрѣльного оружія: сумка для пуль, сумка для пороха и др. Галуны на каftанѣ нашивались и сзади по пивамъ, начиная отъ плечъ, и шли по всей талиѣ. Шаровары были широкіе и завертывались въ сапоги; шапка была въ родѣ уланской, потомъ стали дѣлать ее высокою съ закругленными ушами. См. въ чернов. бумагахъ И. И. Желѣзнова, по описи № 18, стр. 79. Ср. его: „Уральцы“, часть 2, стр. 19 (Первое изданіе).

^{c)} Въ городахъ мѣсто собранія Круга обносилось перильами, а когда Кругъ собирался въ полѣ, то нерѣдко толпа народа сама составляла изъ себя цѣнь на подобіе крута, какъ бы вмѣсто периль, которыхъ не было.

дѣлялись, атаманъ подавалъ знакъ разойтись — и казаки немедленно расходились на двѣ части; затѣмъ смотря, по большинству казаковъ въ той или другой партии, рѣшеніе Круга приводилось въ исполненіе. Но чѣмъ много-люднѣе становилось войско, тѣмъ труднѣе было вершить дѣла подобнымъ образомъ. „Понятно, что при такихъ собраніяхъ (замѣчаетъ г. Анучинъ) порядокъ не всегда могъ быть соблюденъ; не рѣдко случалось, что недовольные старшинами казаки бросались на нихъ и стаскивали съ рундука Войсковой Избы, и тутъ же выбирали новыхъ старшинъ и даже атамановъ, по своей волѣ, отставляли, что у нихъ продолжалось до 1723 г.^{а)} Сроковъ службы у Яицкихъ казаковъ не было: если выбранный начальникъ хорошо и честно исполнялъ свои обязанности, съ народной точки зрењія, то сохранялъ за собою возложенную на него должность долгое время, а иногда и всю жизнь, пользовался въ то же время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и материальнымъ обеспечениемъ со стороны народа. Но если кто изъ выборныхъ чиновъ, хотя бы то былъ и самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, то казаки сами лишали его власти и обращали въ прежнее состояніе,— и тогда бывшій начальникъ, котораго прежде боялась и уважала община, исходилъ въ разрядъ обыкновенныхъ казаковъ. Такимъ образомъ Яицкое войско всѣхъ необходимыхъ для него начальниковъ выбирало изъ своей же среды, а потомъ, когда они становились для него ненужными, а тѣмъ болѣе вредными, поглощало въ себя же. Такой порядокъ вещей, по замѣчанію И. И. Желѣзнова, былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ,— былъ, что называется, по душѣ имъ.

Московскіе государи являются въ исторіи собираителями Русской земли; на долю же имперіи, созданной Петромъ Великимъ, выпала другая задача — сплотить различныя части Русского государства въ стройное цѣлое и подчинить ихъ общей системѣ управления. Петръ не желалъ, чтобы какая-либо изъ частей государства была совершенно независима въ своихъ дѣйствіяхъ отъ центральной власти, и относилась къ общему строю государства враждено или дружелюбно, руководясь исключительно своими личными выгодами, взлядами и убѣжденіями. Между тѣмъ до Петра Великаго Яицкое войско, какъ мы видѣли, жило и дѣйствовало именно такимъ образомъ, преслѣдуя лишь свои выгоды, иногда даже въ ущербъ выгодамъ общественнымъ и государственнымъ. Проницательный взоръ Преобразователя Россіи проникъ и на берега быстраго Яика. Петръ обратилъ осо-

^{а)} Съ 1685 г. по 1723 г., т. е. въ теченіе 37 лѣтъ, казаки смѣнили 12 атамановъ, — вотъ ихъ имена: Семенъ Прокофьевъ, Иванъ Бѣлоусовъ, Яковъ Васильевъ, Осипъ Бѣлоусовъ, Варѳоломей Сергѣевъ, Феодоръ Семениковъ, Иванъ Щербаковъ, Григорій Меркурьевъ, Иванъ Бородинъ, Феодоръ Араповъ, М. Мироновъ, Иванъ Ивановъ. См. „Происшествія на Яицѣ въ 1772 г.“ въ журналѣ „Современникъ“ 1864 г., № 4.

бенное внимание на Яицкое войско съ Булавинскаго возмущенія и измѣны Мазепы. Въ 1623 году Яицкое войско, равно какъ и Донское, подчинено было вѣдомству Посольскаго Приказа^a). Съ 1680 г. и до учрежденія въ 1711 г. Сената Яицкое войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа^b); но это подчиненіе казаковъ ограничивалось, по большей части, только командировками ихъ на внутреннюю и вѣтшнюю службу. Съ учрежденіемъ Сената, Яицкие казаки вскорѣ перешли въ его вѣдомство, въ которомъ состояли до 24 декабря 1719 года, когда завѣдываніе ими было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 10 марта 1721 года Яицкое войско поступило въ вѣдомство Военной Коллегіи^c). Независимо отъ этого, Яицкие казаки по сыскнымъ дѣламъ, по взаимнымъ доносамъ ихъ другъ на друга и вообще по дѣламъ уголовнымъ, неподлежавшимъ обсужденію въ Войсковомъ Кругу, были подчинены астраханскому тубернатору, и въ Астрахани производились надъ ними первоначальные розыски, а до того—въ Казани, когда же доносы соединялся съ государственнымъ „словомъ“, тогда какъ доносчики, такъ и всѣ оговоренные имъ лица отсылались въ Москву, гдѣ ихъ и допрашивали. Указъ о подчиненіи Яицкаго войска вѣдомству астраханскаго губернатора состоялся 22 декабря 1720 г.^d); затѣмъ въ 1744 г. оно было подчинено оренбургскому губернатору; въ 1782 г. Уральское войско по земскимъ дѣламъ было отчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому^e), а въ началѣ настоящаго столѣтія оно снова было подчинено оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго и находилось до самаго уничтоженія оренбургскаго генералъ-губернаторства^f).

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войску полагали, что переводъ его изъ вѣдѣнія коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи былъ главною причиной возмущенія казаковъ,— такого мнѣнія держались, между прочимъ, поэтъ А. С. Пушкинъ, Рябининъ и Анучинъ. Они говорятъ, что Яицкие казаки, опасаясь за свою свободу, взбунтовались, зажгли Яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ киргизскія степи, но къ этому времени подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись Яицкихъ казаковъ и усмирить ихъ. Но такое мнѣніе не имѣетъ за себя достаточныхъ оснований и скорѣе принадлежитъ къ области догадокъ.

^{a)} Броневскій. Истор. Донского войска, ч. 1, гл. III.

^{b)} П. С. Зак., № 3616.

^{c)} Тамъ же, №№ 3472 и 3750.

^{d)} П. С. Зак., № 3694.

^{e)} Уральск. Вѣд. 1869 г., № 33 Ср. черновые бумаги И. И. Желѣзнова, по описи № 68.

^{f)} Послѣднимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Н. А. Крыжановскій, относившійся съ особынными уваженіемъ къ дѣятельности Неплюева, какъ и одинъ изъ его предшественниковъ, графъ Сухтеленъ, вѣчно незабвенный для Оренбургскаго края.

Нужно замѣтить, что нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и мѣждоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до прїезда на Яикъ полковника Захарова, къ казакамъ являются фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностью и взятками кладутъ первыя семена раздора среди Яицкихъ казаковъ. Появленіе же фискаловъ и сыщиковъ, или сльдователей, на берегахъ быстраго Яика объясняется внутренними беспорядками, возникшими среди самихъ казаковъ, независимо отъ посторонняго вліянія. Сюда относится, между прочимъ, донось или, какъ значится въ дѣлѣ, «извѣстъ» яицкаго казака Ив. Карташева на войскового атамана Григорія Меркурьевъ, который первый изъ яицкихъ атамановъ назначенъ быть въ войсковые атаманы по царскому указу, а потомъ сдѣлался и пожизненнымъ атаманомъ, пока не лишился этого мѣста за разныя злоупотребленія. „Извѣстъ“ Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиной внутренняго разстройства, упадка и преобразованія Яицкаго войска послѣ Петра Великаго.

Сущность доноса Карташева состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его сторонники не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю А. Д. Меншикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной партии совѣтовали имъ это сдѣлать, сторонники Меркурьева грозили „перебить ихъ смертью“ и отобрать у нихъ имущество; что Меркурьевъ, взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 руб., при содѣйствіи казака Феодора Силишникова, приказалъ всѣхъ бѣглыхъ людей, являющихся на Яикъ, принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣжалось прежде. Въ январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ приказалъ „побивать до смерти всѣхъ, кто похвалится щать въ Казань или другіе города о чёмъ бить чоломъ Государю“. Карташевъ заявилъ также, что Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ о дозвolenіи оставить бѣглыхъ на Яикѣ, а осенью 1717 года онъ, Меркурьевъ, отпустилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ татаръ, но какъ зовутъ тѣхъ татаръ и съ какою цѣлію они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, пѣтъ-ли у нихъ какого злага и умысла и согласия съ хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «мы-де найдемъ и другую воду»^{a)}

^{a)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 40, стр. 5.

и т. п. Вследствіе этого доноса, въ 1718 году изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, который долженъ былъ взять и привести съ собою атамана Меркурьева, а также его сторонниковъ и противниковъ. Наумовъ, по прибытии въ Яицкій городокъ, взялъ съ казаковъ 200 руб. деньгами „да харчемъ и питьемъ на 60 руб. и 10 алтынъ“ и возвратился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ и другими причастными къ дѣлу казаками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели въ числѣ 37 человѣкъ были сданы Наумовымъ въ повытѣ подьячemu Феодору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ „нападкою“ 200 р. деньгами „да харчемъ и одеждю на 100 р., кромѣ 20 р., полученныхъ имъ съ казака Перфилья Никифорова“. Вскорѣ Феодора Сухарева смѣнилъ его братъ, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки принуждены были отдать едвали не послѣдніе 10 р.^{a)}. Въ мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани въ Яицкій городокъ поручикъ Егоръ Кротковъ для „розысковъ“, по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 апреля съ тою же цѣлію явились на Яикъ: фискалъ Михаилъ Путиловъ, самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подьячихъ: Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, приказчикъ помѣщика Никифора Макарова да отъ казанского архіерея священникъ Семенъ и нѣкоторые другие. Сыщики и слѣдователи распоряжались на Яикѣ беззотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни казаковъ. Кротковъ прожилъ на Яикѣ три мѣсяца; за это время содержаніе Слѣдственной Комиссіи, во главѣ которой стоялъ Кротковъ, обошлось Яицкому войску въ 1500 р.^{b)}, кромѣ 260 р., данныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчей шубы въ 20 р. и двухъ кумачей, взятыхъ съ казаковъ самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, пріѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 г. съ указомъ о крестьянахъ князя Меньшикова, а въ 1718 г. сопровождавшимъ въ Яицкій городокъ поручика Наумова. Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ еще только начинался! При этомъ нужно замѣтить, что всѣ лица, являвшіяся съ цѣлію розыска на Яикъ, получали содержаніе, освѣщеніе и отопленіе отъ казаковъ же. Всѣ расходы подобнаго рода должны были записываться на счетъ виновныхъ, для взысканія съ нихъ впослѣдствіи, но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные, сколько невинные. Между тѣмъ поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою при

^{a)} Тамъ же, № 47, стр. 7.^{b)} Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г., кн. I, стр. 405—406) въ моей статьѣ: „Яицкое войско до появления Пугачева“.

своивъ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, по возвращеніи въ Казань, представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую губернскую канцелярію, которая препроводила его, вмѣстѣ съ извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманомъ Меркурьевымъ и другими подсудимыми, въ Преображенскій Приказъ, куда казаки прибыли 28 августа 1720 г., по ихъ вскорѣ отправили въ Астрахань, а отсюда колодниковъ снова возвратили въ Яицкій городокъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова. Въ то же время Астраханская губернская канцелярія предписала комманданту г. Сизрана, маюру Воейкову, отправиться на Яикъ для новыхъ розысковъ, при помощи Кустова^{a)}). Такимъ образомъ Карташевъ заткаль ту сѣть, въ которой очутились потомъ многие изъ Яицкихъ казаковъ. Чтобы выпутаться изъ этой сѣти, казаки должны были платить деньгами, „харчемъ“ и одеждой разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, явившимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву и Петербургъ. Дѣло по извѣту Карташева еще болѣе осложнилось доносомъ казаковъ Ивана Елисѣева и Аѳанасія Назарова на казака Феодора Рукавишникова, который стоялъ во главѣ недовольныхъ дѣйствіями слѣдователей и сыщиковъ^{b)}, явившихся на Яикъ. Феодоръ Рукавишниковъ отличался замѣчательной энергией, здравой русской смѣткой и преданностью Яицкому войску. Происходя изъ сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ предшественникомъ извѣстнаго впослѣдствіи своей неукротимостью и способностями Хлопушки, одного изъ сподвижниковъ Пугачева. Рукавишниковъ (онъ-же и Крашенинниковъ)^{c)} скоро пріобрѣлъ сильное влияніе на казаковъ, которые не разъ отправляли его атаманомъ въ зимовой станицѣ отъ войска въ Петербургъ, и, благодаря этому, безграмотный Рукавишниковъ узналъ всякія нужные вещи и все подходы, а впослѣдствіи сдѣлался лично извѣстенъ и Петру Великому. Яицкое войско всегда покорно и послушно относилось къ нему, уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная смѣта прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ пользовался такимъ авторитетомъ въ войсکѣ, что и въ его отсутствіе, по однімъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы предавали смертной казни

^{a)} Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 47, стр. 5.

^{b)} Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“. (Р. Арх. 1879 г., кн. I, стр. 410 и далѣе).

^{c)} Яицкие казаки, желая скрыть бѣглыхъ, измѣняли иногда имя и фамилию бѣжалыхъ къ нимъ людей, конечно, съ согласія послѣднихъ; поэтому Феодоръ Рукавишниковъ, какъ бѣжалый, съ каторги, можетъ быть, и носилъ еще другую фамилию Крашенинникова. Соч. Пушкина, изд. 1859 г., т. VI, стр. 207.

тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ Рукавишниковъ почему-либо считалъ вредными для войска. Понятно, что, при такомъ значеніи Рукавишникова среди Яицкаго войска, бунтъ казаковъ, если-бы онъ дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ Пушкинъ, а за нимъ повторяли и другіе, извѣстенъ былъ бы и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ небольшаго Яицкаго городка. Рукавишниковъ, избранный атаманомъ зимовой станицы по осени 1720 г., отправился въ Петербургъ, взявши съ собою челобитную отъ Яицкаго войска, къ которой вмѣсто войскового атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска (2600 рядовыхъ казаковъ) подписался священникъ Алексѣевскія Церкви^{a)} Іоанъ Клементьевъ. Въ этой челобитной, помѣченной 8-мъ октября 1720 г., войско Яицкое просило Государя о подтверждѣніи за нимъ правъ на р. Яикъ и о выдачѣ новой «владѣнной» грамоты, вмѣсто сгорѣвшей, дабы имѣть законное основаніе противиться тому «изневажеству» которое причиняли казакамъ „градскіе самарскіе жители, башкиры, калмыки и киргизы“^{b)}.— Петръ Великій, въ награду за службу Яицкаго войска, подтвердилъ прежнія его привилегіи^{c)}. Рукавишникову, какъ и всему войску, хотѣлось, чтобы дѣла по „извѣтамъ“ казаковъ были переведены въ Петербургъ; они скорѣе были готовы заплатить за производство слѣдствія въ Петербургъ и въ одинъ разъ, чѣмъ кормить цѣлую комиссію слѣдователей, прїѣзжавшихъ въ ихъ городокъ и, кромѣ того, давать взятки въ Казани, Астрахани, Самарѣ и Сызранѣ подъячимъ и сыщикамъ. Казаки тѣмъ болѣе расчитывали на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, что въ милостивцахъ у нихъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имѣли знакомы, а обычные презенты съ рыбью и икрой въ зимнее время могли пособить этому дѣлу. Но гораздо труднѣе было расположить къ себѣ Военную Коллегію, въ вѣдѣніе которой было передано Яицкое войско въ мартѣ 1721 года. Не жалуя казацкаго самоуправленія, Военная Коллегія стремилась преобразовать внутренній строй Яицкаго войска и сдѣлать изъ казаковъ постоянную военную силу, на которую-бы можно было всегда положиться. Съ помощью этой силы, Военная Коллегія надѣялась всѣ отдельныя части государства ввести въ общую систему государственного управления; уничтожить всякое отдельное право, нарушающее пре-

^{a)} Церковь во имя Св. Алексія, Митрополита Московскаго, теперь уже отдельно не существуетъ, а вошла, какъ придѣль, въ составъ Казанской единовѣрческой церкви. См. о ней подробности въ моихъ статьяхъ: 1) „Первая церковь въ Уральскомъ войске“; и 2) „Сводникъ о православныхъ и единовѣрческихъ церквяхъ въ Уральскомъ войске“, напечатанныхъ въ Оренб. Епарх. Вѣдом., за 1878 годъ.

^{b)} См. Челобитную въ „Русск. Архивѣ“ (1879 г., кн. I, стр. 414—416) и въ „Уральск. Вѣдом.“ за 1869 г., № 33.

^{c)} Чт. Общ. Истор. и Др. Росс. 1859 г., т. 3, стр. 108.

имущества верховной власти, чтобы слить все отдельные общины въ одну массу вѣрноподданныхъ Государю, — вотъ задача, которую желала решить Военная Коллегія и на осуществление которой направлены были всѣ ея усилия въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но Янцкіе казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, несогласныхъ съ ихъ нравами и обычаями, не хотѣли уступить желанію Военной Коллегіи. Съ ироніей, исполненной грусти, казаки часто повторяли другъ другу: „живите, братцы, пока Москва не узнала“! Между тѣмъ, Военная Коллегія, преслѣдуя свои цѣли, начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, казавшимися на первый взглядъ незначительными, мелкими, въ сущности же прямо клонившимися къ ограничению казацкаго самоуправлѣнія. Казаки хотя и протестовали, но въ то же время инстинктивно чувствовали, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ современемъ рушиться. Всякій разъ, протестуя противъ какихъ-либо нововведеній, казаки прямо и ясно говорили: „Не можно сего принять, понеже войско Янцкое поселилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей“! Или: «Не можно сему быть, понеже войску Янцкому даровано отъ Царя Михаила Феодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ несредиму состоять». Случалось, что иногда казаки на требованія Военной Коллегіи отвѣчали и уклончиво: «Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!» Или съ энергией заявляли: «Терпнть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное» и т. п., — все въ томъ же духѣ^{a)}.

Главнымъ, существеннымъ побужденіемъ къ подобного рода протестамъ у Янцкаго войска было желаніе: не слѣдовать никакимъ, хотя бы въ сущности и мелочнымъ, указаніямъ Военной Коллегіи, дабы «впередъ ей не было повадно». — Изъ этого уже видно, на сколь Янцкіе казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельного члена общины и какъ страшились вмѣшательства въ ихъ старинныя права центральной власти. Не смотря на это, Янцкіе казаки скоро должны были сознаться, что «Москва ихъ узнала». — Янцкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикѣ былъ присланъ для розыска кто-либо „изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыхъ державы Государя“.

Вслѣдствіе этого, 30 июня 1721 г. Военная Коллегія положила отправить на Яикъ полковника Ергольского, приготовивъ ему и особую

^{a)} См. въ черновыхъ бумагахъ покойнаго И. И. Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

инструкцію; но поездка его на Яикъ почему-то не состоялась, какъ и предполагавшаяся командировка туда же полковника Ив. Вас. Болтина. Наконецъ, 7 сентября 1722 г. рѣшено было отправить въ Яицкій городокъ, для производства слѣдствія, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ „заполошныхъ“ (сверхкомплектныхъ) казаковъ маюра Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова^{a)}. Всѣ бумаги, касавшіяся дѣла Карташева, были посланы изъ Военной Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабининомъ, который долженъ былъ отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія слѣдствія; Тарабинину были подчинены и казанскіе подъячіе. Захарову была дана особая инструкція, въ силу которой онъ обязывался: 1) предъ отѣздомъ изъ Казани на Яикъ, въ присутствіи губернатора, принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискалъ Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то, не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствія представить экстрактъ въ Военную Коллегію; 4) въ случаѣ же ихъ упорства и запирательства „пытать накрѣпко“, особенно фискала Путилова, если будутъ явныя улики; 5) тѣхъ, которые и послѣ пытки не сознаются, взять на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи въ Яицкій городокъ, не приступая еще къ производству слѣдствія, атамана, старшинъ и рядовыхъ казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствія по „извѣту“ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если понадобится, „пытать накрѣпко“; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногороднихъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) произвести перепись казаковъ; 10) составить именные списки ихъ и прислать въ Военную Коллегію „за свою рукою“; 11) запретить казакамъ приемъ бѣглыхъ, подъ опасеніемъ смертной казни; 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ Военную Коллегію и оставаться на Яикѣ до получения особаго указа; 13) уведомить Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ Военной Коллегіи 300 р. „держать съ запискою и росписками именно“; бумагу,

^{a)} Уральск. Вѣд. 1869 г., № 45, и 1870 г., № 44. Коробовъ раньше сопровождалъ извѣтчика Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

чернила, свѣчи и дрова братъ въ Казани отъ губернатора, а на Яикъ изъ Войсковой Избы; 15) на отправлѣніе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ опредѣленное число лошадей; 16) квартиры на Яикъ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объяснивъ послѣднимъ, что всѣ расходы, необходимые для этого, будутъ взысканы съ виновныхъ. Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, данной Захарову, которая заканчивается слѣдующими словами: „въ прочемъ во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ Военной Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не нарова, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда“^{a)}.

Въ то же время Военная Коллегія отправила на Яикъ „послушную“ грамоту, въ которой старалась уяснить и доказать Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую велѣно сдѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается, по прежнему, только на 600 человѣкъ; если же окажется, что въ действительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно дѣйствительному числу Яицкаго войска.—Далѣе Военная Коллегія ставитъ на видъ войску и то обстоятельство, что розыскъ по „извѣту“ Карташева приказано произвести Захарову, вслѣдствіе чебоитья самого же Яицкаго войска: „Понеже Его Императорскому Величеству вѣдомо училось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губорніи Яицкому войску многая обида и разореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердіемъ всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣль; и ежели онъ, Карташевъ, явится винентъ, велѣно его на Яикъ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ немъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали вѣрность, и ежели коихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобы такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до прїѣзда къ немъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сю грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланаго къ нему офицера немедленно. И какъ вамъ ся Наша Императорскаго

^{a)} Инструкція подписана княземъ Александромъ Меньшиковымъ, Лейфортомъ и еще троими лицами, фамиліи которыхъ трудно разобрать.

Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардія Нашего Семеновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ пріѣдутъ, и вамъ-бы, атаману и казакамъ, быть имъ во всемъ послушными безъ всякаго прекословія^{а)}.

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, донося Военнай Коллегії о получениі грамоты, между прочимъ, писалъ: „Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось, а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человѣкъ покажеть и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ не извѣстны“^{б)}. Въ мартѣ 1723 года, Захаровъ отправился изъ Казани на Яикъ при одной ротѣ во 127 чел. драгунъ и другой—пѣхоты, состоявшей изъ 182 чел., кроме девяти чел. денщиковыхъ, изъ которыхъ шестеро состояли при Захаровѣ и трое—при Протасовѣ. По прибытіи въ Яицкій городокъ, Захаровъ немедленно приступилъ къ слѣдствію: виновные были наказаны, а Григорій Меркурьевъ, изъ-за которого началось дѣло по извѣстку Карташева, въ томъ же году высочайшею грамотою былъ утвержденъ въ должности войскового атамана. Такъ кончился розыскъ по „извѣстку“ Карташева, стоившій большихъ материальныхъ затратъ для Яицкаго войска и многочисленныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ некоторымъ пришлось поплатиться имуществомъ и казацкою вольностью, а другимъ—отправиться въ отдаленную Сибирь^{с)}, главный же доносчикъ Карташевъ, по всей вѣроятности, былъ казненъ смертю: будь онъ живъ, онъ снова-бы заявилъ о своемъ существованіи, между тѣмъ съ этого времени слухъ о немъ положительно запаль. Въ сентябрѣ того же (1723) года Захаровъ приступилъ къ переписи казаковъ. Согласно данной ему инструкції, онъ приказалъ наклеить въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города особые листы, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы „Яицкіе казаки у переписи въ сказкахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки“. Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именные списки казаковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступить къ дѣлу, какъ уже болѣе 200 казаковъ бѣжали да 88 человѣкъ умерли, во время самой переписи. Всего по переписи Захарова въ Яицкомъ войскѣ оказалось 5771 казакъ и 353 пришлыхъ людей изъ другихъ мѣстъ, которые живутъ своими домами, всего же (казаковъ и пришлыхъ) 6124 чел. муж. пола. Захаровъ раздѣлилъ все войско на сотни и де-

^{а)} Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 423.

^{б)} Уральск. Вѣд. 1870 г., № 48.

^{с)} Опредѣл. В. Коллегії отъ 23 марта 1725 г.

сятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 руб. на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осьминѣ хлѣба на каждого казака^{a)}. Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ что казаки покушались даже убить его; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркурьева, Захаровъ остался цѣлъ и невредимъ, за что Меркурьевъ, вопреки желанію войсковыхъ атаманомъ и получилъ въ награду портретъ Государыни, золотой ковшъ, саблю и сто рублей денегъ^{b)}. Казаки, конечно, сильно были недовольны Меркурьевымъ и всячески старались вредить ему, чтобы такъ или иначе лишить его атаманского достоинства и власти.

Въ 1730 г. обличителемъ атамана Меркурьева является казакъ Денисъ Гузиковъ, который показалъ, что Меркурьевъ изъ-за взяточъ принимаетъ бѣглыхъ людей и опредѣляетъ ихъ на службу въ крѣпость Св. Креста^{c)}. Сначала Гузиковъ былъ допрашиваемъ въ Казани, а оттуда былъ отправленъ въ Москву, при особомъ доношеніи въ Сенатъ и въ Военную Коллегію. Въ февралѣ 1731 года Гузиковъ сказалъ за собою государево „слово и дѣло“ по второму пункту обѣ измѣнъ Яицкаго атамана Григорія Меркурьева, который „сочиняетъ отъ всего Яицкаго войска бунтъ“. Сенатъ, допросивъ Гузикова, нашелъ его же виновнымъ, и потому Военная Коллегія распорядилась отправить словосказателя въ Преображенскій Приказъ, гдѣ Гузиковъ, согласно резолюціи Сената, былъ „битъ кнутомъ“^{d)}. Въ то же время Военная Коллегія потребовала отъ Яицкаго войска объясненія по доносу Гузикова. Казаки, собравшись въ Кругъ, прігласили Меркурьева и потребовали отъ него объясненія по „извѣтѣ“ Гузикова. Меркурьевъ обѣщался представить войску подробное изложеніе дѣла, но просилъ на нѣкоторое время отструочки, — это было въ маѣ 1731 года. Прошло три мѣсяца, а Меркурьевъ и не думалъ даннаго имъ обѣщанія приводить въ исполненіе, изыскивая, вѣроятно, всевозможныя средства къ своему оправданію. Въ половинѣ августа Яицкое войско получило подтвержденіе изъ В. Коллегіи по дѣлу Гузикова съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Меркурьевъ, узнавъ о томъ, ви-

^{a)} Всего служилыхъ казаковъ было 3196 чел., включая сюда и атамана.

^{b)} Уральск. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

^{c)} Крѣпость Св. Креста была заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 сентября 1722 г. во время Персидскаго похода, на томъ мѣстѣ, где р. Аграганъ отдѣляется отъ р. Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Название свое крѣпость могла получить оттого, что Греки называли эту мѣстность „Ставрополь“, окрестные же татары называютъ эту крѣпость Хуль (или Кауль), что значитъ также крестъ. См. Голикова, т. IX.

^{d)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 37.

дѣлъ, что болѣе медлить было нельзя и заявилъ, что обѣщанное объясненіе по доносу Гузикова онъ представить войску въ самоть непродолжительномъ времени. Наконецъ 26 сентября того-же года казаки собрались въ Кругъ, чтобы выслушать оправданіе своего атамана. Меркурьевъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: „Когда отправлялись отъ насъ войска Яицкаго въ Низовы^{а)} корпусъ на службу, и тогда приходили ко мнѣ пришлые люди съ нашими казаками и объявляли себя донскими (казаками) и поляками, башкирцами, финскими и мордовскими новокрещены, а иные объявляли, что-де были они при переписи на Яикѣ господина полковника Захарова, въ томъ числѣ было и пришлыхъ малое число татарь и калмыкъ, которые самовольно обѣщались Ея Императорскому Величеству вѣрно служить.—И я по ихъ сказкамъ таковыхъ въ Низовый корпусъ служить идти казаковъ за себя, для малолюдства своего, посыпать въ службу въ пятисотное число въ дополнику велѣлъ; и, по нашему обыкновенію, оные на питье и денегъ по малому дѣлу, по отѣзгѣ своемъ, за честь давали“^{в)}. Гузиковъ также обвинялъ Меркурьева въ томъ, что „онъ, атаманъ Меркурьевъ, когда отправляется въ Москву изъ войска казаковъ для члобитъя о жалованьи и въ станицахъ на ярмарки изъ войска отпускаетъ такихъ, кто ему дачу даетъ рублей по семи и по десяти, о чемъ вѣдѣаетъ атаманъ Алексей Калмыковъ и все Яицкое войско; да онай же атаманъ отправляетъ изъ войска казаковъ по указамъ на службу и, въ то число, онъ, атаманъ, изо взятоокъ же рядовыхъ казаковъ производить въ чины, а кто взятоокъ не даетъ, тѣхъ посыпаетъ въ рядовые“^{с)}. Въ опроверженіе этого, Меркурьевъ заявилъ въ Кругу слѣдующее: „Такоже, когда отправляются отъ насъ войска Яицкаго въ Москву зимою и легкія станицы, и оная ко мнѣ рыбью и мясомъ приносили за честь на питье и денегъ за честь давали же, а на ярмарки которыхъ посыпаются, съ оныхъ не бирывалъ“. Такимъ образомъ Меркурьевъ, не отрицая самого факта, что онъ бралъ съ казаковъ деньги, мясо и рыбу, старался оправдать себя тѣмъ, что ему казаки и пришлые люди „давали за честь“, добровольно, по установленнemu въ войскѣ обычю, а „ненападкою“, не вымогательствомъ и силу. Яицкое войско, выслушавъ показанія своего атамана, пожелало ихъ провѣрить и съ этою

^{а)}) Службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ называлась ихъ служба на Кавказъ вообще и, въ частности, служба въ крѣпости Св. Креста. Яицкіе казаки начали службу въ Низовомъ корпусѣ съ 1724 г. и продолжали ее до Кучукъ-Кайнаржійскаго мира (1774), что совпадаетъ съ усмиреніемъ Пугачевскаго бунта. См. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37, замѣч. на стр. 6. Ср. Истор. Россіи С. М. Соловьевъ, т. XVIII, стр. 45 и 50.

^{в)}) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37. См. Русск. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 430.

^{с)}) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 37.

цѣлію, собравшись 10 октября въ Кругъ, пригласило старшину Алексея Калмыкова, на котораго сослался Гузиковъ, какъ на свидѣтеля взятокъ Меркуриева. Калмыковъ показалъ, что Меркуриевъ дѣйствительно включилъ въ Низовый корпусъ нѣсколько человѣкъ „изъ пришлыхъ на Яикъ людей“, и что онъ, Калмыковъ, „получилъ письмо отъ походнаго атамана Михаила Купреянова, смѣнившаго его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ и реестръ пришлыхъ на Яикъ бѣглыхъ людей, которыхъ Меркуриевъ „отправилъ съ нимъ, Купреяновымъ, изо взятковъ“. Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реестра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человѣкъ, съ коихъ Меркуриевъ взялъ 310 рублей, полагая отъ 4 до 7 рублей на каждого. На основаніи показаній Меркуриева и Калмыкова, Яицкое войско составило отвѣтъ на запросъ Военной Коллегіи и препроводило его съ особой депутацией, состоявшей изъ десяти человѣкъ^{а)}. Вручивъ депутатамъ копію съ письменнаго объясненія Меркуриева и съ „именного списка“ (реестра бѣглыхъ) Купреянова, войско, между прочимъ, доносило Военной Коллегіи: „какъ онъ войсковой атаманъ Меркуриевъ пришлыхъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посыпалъ въ службу въ Низовый корпусъ изо взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско отъ него неизвѣстны.—Нынѣ онъ, по прибытии своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Шелкинымъ, который отправленъ нынѣшияго 1731 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Низовый корпусъ на смѣну атамана Купреянова, безъ нашего старшинского совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришлыхъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидѣть подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бываются въ Москву зимовья и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ беруть взятки, несмотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужитъ“.

Далѣе въ доношениі войска говорится о командировкахъ и службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 г. Командировки Яицкихъ казаковъ на Кавказъ, какъ видно, были не рѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ не легка: изъ тысячи человѣкъ, отправившихся въ 1724 г. съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось 748 человѣкъ, а 252 „побиты и померли“, да изъ пришедшихъ около ста человѣкъ «осрамъли и померли-же»; изъ 500 человѣкъ, коман-

^{a)} Депутатами были избраны: станичный атаманъ Василий Андреевъ, войсковой старшина Петър Гавриловъ, есауль Силантий Матвьевъ и семь рядовыхъ казаковъ.

дированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турыбринѣ, возвратилось 310 человѣкъ, а 190 были или убиты или померли. Въ то самое время, какъ Яицкое войско отправило свой отвѣтъ въ Военную Коллегію, Григорій Меркурьевъ находился въ Петербургѣ. Депутація выѣхала изъ Яицкаго городка во второй половинѣ октября мѣсяца 1731 г., а 25 ноября того же года Меркурьевъ явился въ Военную Коллегію и подалъ прошеніе^{a)} на Высочайшее имя. Указавъ въ своемъ прошеніи на заслуги отца и свои собственныя, Меркурьевъ довольно основательно опровергаетъ обвиненія, взвѣденныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того, что казаки дѣйствительно „за честь“, а „ненападкой“ дарили Меркурьева рыбой, мясомъ и деньгами. Между тѣмъ, Военная Коллегія, получивъ изъ рукъ депутатовъ доношеніе Яицкаго войска, распорядилась произвести слѣдствіе по этому дѣлу чрезъ генералъ-маіора Еропкина, которому было предписано спросить всѣхъ „обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ, кто изъ нихъ пришли и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовый корпусъ съ общаго-ль войскового совѣта наряжены и отправлены и, при томъ отправленіи, войсковой атаманъ за что съ кого взятки брали или они въ почесть ему приносили“. Еропкинъ отвѣтилъ, что походный атаманъ Яицкаго войска Купреиновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинъ Калмыкову, отправился вмѣстѣ съ командою въ Яицкій городокъ еще до получения указа Военной Коллегіи, а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ казаковъ, которые и были допрошены, согласно указу Военной Коллегіи. Донося объ этомъ, Еропкинъ отправилъ въ Военную Коллегію самыя показанія атамана Щелкина, равно какъ и отвѣты казаковъ его команды^{b)}.

Изъ слѣдствія, произведенаго Еропкинымъ, оказалось, что въ командѣ Щелкина „пришли изъ Яицъ разныхъ чиновъ людей, послѣ переписи полковника Захарова, было 33 человѣка, а именно: 8 человѣковъ дворцовыхъ крестьянъ, 4 монастырскихъ и 6 помѣщичьихъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 8 человѣкъ изъ чувашъ, мордвы и черемисъ и 5 человѣкъ разныхъ націй“. Всѣ эти лица, какъ доносилъ Еропкинъ, при допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войскового атамана Григорія Меркурьева, за что давали ему „въ взятокъ“ рубля по четыро и больше, а всего дали 251 р. 50 к. Когда Военная Коллегія сообщила объ

^{a)} См. его въ Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 432—434. Кн. Каз. пов. 8, стр. 436.

^{b)} См. въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова (по описи его бумагъ № 51), копію съ указа В. Коллегіи 2 апрѣля 1734 г., измѣнч. изъ архив. В. Колл., кн. 8-я Казачьяго Повѣтства, стр. 567. Слич. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 5.

этомъ Меркуриеву, то послѣдній заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взяточъ съ нихъ не биралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній въ «почесть», а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ быглыхъ, то произошло безъ его вѣдома, такъ-какъ казаки, нанявшиѣ ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова^a), если же онъ не навелъ справокъ о времени ихъ прихода на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и недознанія своего» и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству вину. Результатомъ этого было слѣдующее распоряженіе Военной Коллегіи: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщиковъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести съ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ Военную Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдаткіе дѣти, шведы^b и татары записаны въ казаки и дѣйствительно служить, тѣмъ, по силѣ 1722 указа, „быть на Яикѣ“. Далѣе въ пункты третьемъ своего распоряженія Военная Коллегія замѣчаетъ, что такъ-какъ Меркуриевъ не сознался въ приверстываніи быглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то „довѣло еще потому слѣдованіе продолжать, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ подлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочного съ командою, ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска оного старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ Низовомъ корпусѣ тысяча человѣкъ, а остальные непрестанно обращаются противъ каракалпаковъ и киргизъ-кайсаковъ и неуспокоенныя калмыкъ въ партияхъ: того ради по нынѣшнимъ коньюктурамъ (обстоятельствамъ) можетъ оное слѣдованіе оставлено, а войсковаго атамана Меркуриева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущенна быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 году, увѣдавъ о зломъ намѣреніи некоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ

^a) Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли на-всегда оставаться въ предѣлахъ его территории.

^b) Эти шведы-финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ „Свейскихъ походовъ“, въ которыхъ принимали участіе Яицкіе казаки. Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣются походы 1701, 1703, 1704 и 1707 годовъ; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. Уральск. Вѣд., 1869 г., № 39, стр. 6 и 7.

его явился правый; а впредь пришлыхъ принимать имъ на Яикъ отнюдь не велѣть, подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришлыхъ принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ Военной Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредь невѣдѣніемъ не отговаривались, и, сверхъ того, послать на Яикъ о непріемѣ тамъ бѣглыхъ подтверждительную грамоту^{а)}. Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу на разсмотрѣніе въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи, — и Сенатъ постановилъ: „быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію^{б)}.

Атаманъ Григорій Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, охотно принималъ бѣглыхъ и за деньги версталъ ихъ въ казаки, что и было доказано на слѣдствіи по доносу казака Гузикова. Считая приемъ бѣглыхъ людей издавна установленнымъ обычаемъ на Яикѣ, Меркурьевъ, вѣроятно, и не предполагалъ, чтобы сами же казаки стали обвинять его въ этомъ, и казаки, конечно, не сдѣлали бы того, если бы они не видѣли въ Меркурьевѣ сторонника Правительства и, въ частности, Военной Коллегіи, стремившейся ограничить произволъ и самостоятельность Лицкаго войска. Но Меркурьевъ, какъ мы видѣли, благодаря своей изворотливости, опыта и расположению къ нему Военной Коллегіи, остался на своемъ посту, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣсѣлую указапію на его злоупотребленія. Дальнѣйшія события на Яикѣ доказали, что неудачный исходъ дѣла по «извѣстку» на Меркурьева казака Дениса Гузикова не могъ заглушить въ казакахъ желанія удалить Меркурьева съ занимаемаго имъ мѣста войскового атамана. Мы знаемъ, что одно уже назначение Меркурьева въ войсковые атаманы оттолкнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева раздули эту ненависть войска къ своему атаману, а отмѣченный неудачный исходъ борьбы окончательно вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло, сталъ еще болѣе и сильнѣе злоупотреблять своею властью, надѣясь на расположение къ нему Военной Коллегіи и покровительство, оказываемое ему Правительствомъ. При такомъ положеніи дѣла, нельзя было расчитывать на спокойствіе внутри войска: озлобленіе противъ Меркурьева сдѣжалось почти всеобщимъ.

Въ ноябрѣ 1737 года Военная Коллегія получила новую жалобу на Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея Меркурьевыхъ. На

^{а)} Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.
^{б)} Тамъ же. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 435 и 436.

этот разъ жалоба была подана почти отъ всего войска: старшины, сотники, десятники и 2700 довѣренныхъ рядовыхъ казаковъ^{a)} жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую станицу „не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и дѣлаетъ съ своими единомышленниками, по своимъ легкомысленнымъ прихотямъ, и отписки посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ войска, должно“. Далѣе изъ жалобы видно, что въ ноябрѣ 1737 г. Меркурьевъ сообщилъ В. Н. Татищеву, „яко-бы среди войска Лицкаго имѣется «замѣшаніе», причемъ Меркурьевъ представилъ Татищеву и реестръ тѣхъ казаковъ, которые смыло и открыто заявляли въ Кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско опровергаетъ въ своей жалобѣ ложность этого доноса, ссылась на иного-родныхъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Лицкій городокъ, и замѣчаетъ: „у насъ можетъ всякий казакъ о дѣлѣ своемъ говорить, что намъ войску отъ Государственной Военной Коллегіи не запрещается“.—Казаки не ограничились жалобой на одного атамана,—на этотъ разъ они не пощадили и его сыновей, равно какъ и тѣхъ лицъ, которыхъ почему-либо пользовались довѣріемъ и расположениемъ Меркурьева. Такъ казаки жаловались, что Иванъ Меркурьевъ, въ отсутствіе своего отца, выкосилъ всѣ сѣнико покосы, вопреки указамъ Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловить подъ учугомъ рыбу; собираясь силою съ каждого казака по 35 коп., ссылаясь на то, что войско задолжало его отцу 900 рублей; городскіе вѣсы самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за 160 руб., въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ атамана Меркурьева, есаулъ Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часоваго, оберегавшаго учугъ, причемъ ему помогалъ въ этомъ «смертномъ бою» деньщикъ его брата (Ивана) Феодоръ Шумихинъ^{b)}. Вмѣсть съ тѣмъ войско жаловалось на Турыбрина, который, отправляясь въ 1737 г. походнымъ атаманомъ въ Низовый корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю на каждого казака, а выдалъ по 60 к., остальные же деньги удержалъ у себя. Когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употребилъ удержанія имъ 200 рублей, то „Турыбинъ, скажа съ рундука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе“.

Междуди тѣмъ, противная партія,—партія Меркурьева, не смотря

^{a)} См. въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова (по описи № 22). Извлеченіе изъ книг. Казач. Повѣт. № 33, стр. 258.

^{b)} Третій сынъ Г. Меркурьева, Илья Меркурьевъ, по смерти своего отца, былъ войсковымъ атаманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще въ 1732 г. былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана хивинца Абзаса и бухарца Джабора. См. въ чернов. бумагахъ И. И. Желѣзнова (по описи № 31) выписку изъ книжн. Казач. повѣт. № 9, стр. 386.

на свою малочисленность, не оставила вышеприведенной жалобы безъ возраженія. На сторонѣ Меркуриева оказалось 88 старшинъ^{a)}, которые 10 декабря того же 1737 года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на Высочайшее имя. Старшины указывали въ своемъ прошении на тѣ беспорядки, которые происходятъ, при обсужденіи дѣлъ, въ Войсковомъ Кругу; главнымъ виновникомъ всѣхъ неурядицъ въ войскахъ, агитаторомъ народной партии старшины выставили старшину же Ивана Логинова: „а нынѣ въ войскахъ Яицкомъ“, — говорится въ прошении, — „совѣтники Ивана Логинова Михайло Кукловъ, Аѳанасій Черноноговъ и Иванъ Торшиловъ съ товарищи учинили не малое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе“. Упоминаемыи здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ Григорья Меркуриева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, «жалованыя патреты и сабля снята»^{b)}, а что самъ Меркуриевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, нелюбившая Меркуриева, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, ликовала и еще смѣлѣ и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ Кругу постоянно слышался шумъ, крикъ, о повиновеніи атаману и старшинамъ не могло быть и рѣчи. Старшины жаловались Императрицы, что «въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакого присутствія производить стало невозможно»; вместо отцовъ, стали являться въ Кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣлъ стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, «между собою стало чиниться смертное убийство»^{c)}. Старшины, сторонники Меркуриева, составили реестръ «такихъ самовольниковъ» и отправили его въ Военную Коллегію съ Григориемъ Меркуриевымъ, который поспѣшилъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи четырехъ депутатовъ изъ старшинъ приверженной къ нему партіи: Якова Матвеева, Тимоѳея Кириллова, Василія Севрюгина и Ивана Григорьева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 января 1738 года, а 4 марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копіи съ доношенія Яицкаго войска, на имя маіора Казанского гарнизона Алексина, находившагося въ Яицкомъ городкѣ съ сентябрь 1737 года, для разбора войсковыхъ несогласій и умиротворенія враждующихъ сторонъ. Алексину было предписано немедленно произвести слѣдствіе, согласно указамъ и данной инструкціи, такъ, чтобы въ мартѣ же

^{a)} Имена и фамилии всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи къ прошенію. См. чернов. б.м. I. И. Желѣзнова, № 22, стр. 23—26.

^{b)} Смотр. выше стр. 237.

^{c)} Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г. кн. I, стр. 440), — въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

мѣсяцъ того же года дѣло могло быть представлено на разсмотрѣніе въ Военную Колледжю. Въ случаѣ надобности, Алексину велѣно обращаться за помощью и совѣтами къ начальнику Оренбургской Экспедиціи, В. Н. Татищеву, которому также было о томъ сообщено особымъ указомъ, а казакамъ, подъ угрозою жесточайшаго наказанія, строго воспрещалось „чинить безчинный крикъ и драки“, во время слѣдствія „о продерзкихъ пропступкахъ“.

Предписавъ маюру Алексину произвести слѣдствіе, Военная Колледжя приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьевъ отъ должности атамана и поручить ее временно другому, кого избереть само войско. Казаки, собравшись въ Кругъ, избрали въ атаманы „волынными и согласными голосами“ Андрея Карпова, сторонника народной партіи. Но Меркурьевъ употребилъ всѣ усилия къ тому, чтобы устранить выбранаго атамана отъ дѣла: онъ убѣдилъ Татищева въ политической неблагонадежности Карпова, который былъ арестованъ и отправленъ къ Татищеву въ Самару, а вместо него былъ назначенъ станичный атаманъ Прытковъ, человѣкъ вполнѣ преданный Меркурьеву; онъ, арестовавъ Карпова и старшину Семена Землянушинова, приказалъ заковать ихъ въ кандалы и подъ конвоемъ отправить въ Самару. Послѣ этого, дѣла Меркурьеву пошли лучше и обвиненія, взвѣдимыя на него казаками, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то обстоятельство, что счастная часть велась у казаковъ на словахъ или на лоскутахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подъ вліяніемъ интригъ Меркурьевы и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ партіи: одни были за Меркурьеву, другие стояли за Логинова. Наконецъ Алексинъ представилъ въ Военную Колледжю экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи по этому дѣлу, а Военная Колледжя, при особомъ мнѣніи, передала его въ Верховный Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта, представленного Алексинымъ, видно, что Меркурьевъ обвинялся: 1) въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья 12355 рублей; 2) что не хотѣлъ давать никакого отчета въ расходованіи сборныхъ войсковыхъ суммъ; 3) что изъ положенного на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логиновъ, запѣвало противной Меркурьеву партіи, обвинялся: 1) въ томъ, что не могъ основательно доказать введенаго имъ на Меркурьеву обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 годъ; 2) отрекся отъ своего показанія, будто Меркурьевъ не отдалъ 200 казакамъ, командированнымъ въ Оренбургъ, 700 р.; 3) что Меркурьевъ удержалъ около 450 р.

у 250 казаковъ, бывшихъ въ Низовомъ корпусѣ, и отказался дать о томъ отчетъ, когда его потребовали въ войсковой судъ; 4) въ томъ, что у казака Погребишина удержанъ жалованье и, кромъ того, 4 р., взятые имъ у Погребишина на сбереженіе. Указавъ на эти обвинительные пункты, Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурьева лишить чина и взыскать съ него удержаннаго у казаковъ деньги 12355 рублей; съ старшины Логинова удержаннаго имъ деньги также взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе Военной Коллегіи, 24 августа 1740 года состоялся именной высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Понеже оное между ними (казаками) несогласіе чрезъ много времени продолжается и съ обѣихъ сторонъ по слѣдствію вины явились, отчего прочимъ казакамъ не малая обида и убытокъ причинены и дабы впредь такихъ обидъ тамошніе командиры^{а)} не чинили и надлежащихъ на раздачу казакамъ денегъ не удерживали и ими не корыстовались и по своимъ прихотямъ казаковъ обижать не могли, и казаки-бѣ въ такомъ случаѣ на своихъ атамановъ судъ и управу сыскать могли, того ради указали мы учинить слѣдующее: 1) атамана Меркурьева, за учиненный имъ казакамъ обиды, атаманства лишить, а за службы отца его, тако-жъ и его показанныя извѣстныя вѣрности, отъ взысканія вышеупомянутой положенной на него, по мнѣнію Военной Коллегіи, суммы освободить; а Логиновъ, хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежитъ штрафу, однако-жъ чиненный отъ Меркурьева Яицкому войску обиды чрезъ него открылись, и для того и его Логинова отъ штрафа освободить же и все то дѣло оставить и уничтожить. И чтобы между ними памятозлобія, а отъ того впредь вражды быть не могло, того ради обоихъ ихъ съ Яика вывестъ и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и именоваться имъ обоими тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить, старшинами^{б)}“. Далѣе въ указѣ говорится о томъ, чтобы впредь назначеніе атамана было предоставлено Высочайшей волѣ, Яицкое же войско обязывалось избирать на эту должность трехъ кандидатовъ „изъ заслуженныхъ, богоугодливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ людей“; обиженнымъ предоставлялось право являться съ жалобою въ Военную Коллегію; но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то поступать съ ними по всей строгости законовъ. Кромѣ того, указъ предписывается также ввести въ войскѣ приходо-расходная книга за шнуромъ и войсковою печатью, а Военной Коллегіи поручено собрать свѣдѣнія о Яицкихъ казакахъ и составить

^{а)} Кабинетъ, видимо, былъ недоволенъ и дѣйствіями Татищева, державшаго сторону Меркурьева.

^{б)} П. С. Зак., т. XI, стр. 226—227, № 8215.

новый проектъ объ управлениі войскомъ. Но демократическая воля въ Яицкомъ войскѣ до того была сильна, что они, попрежнему, не хотѣли слѣдоватъ указаніямъ Военной Коллегіи, и продолжали вести неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства^{a)}. Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: Яицкіе казаки продолжали слѣдоватъ старымъ обычаямъ, а по восшествіи на престолъ, 24 ноября 1741 г., Елизаветы Петровны, всѣ указы и постановленія предшествовавшаго правительства Брауншвейгской фамиліи были уничтожены или объявлены недѣйствительными. Такимъ образомъ прежнее устройство Яицкаго войска, ко времени вступленія въ управлениѣ Оренбургскимъ краемъ Неплюева, оставалось въ полной своей силѣ.

^{a)} Щаповъ. Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

ГЛАВА X.

ГЛАВА X.

Набѣги и грабежи кочевниковъ.—Укрѣпленіе Нижне-лицкой линіи.—Проектъ Татищева о заселеніи Нижне-лицкой линіи и отношение къ нему Неплюева.—Укрѣпленіе этой линіи при Неплюевѣ и основаніе на ней казачьихъ форпостовъ.—Гурьевъ — городокъ и поселеніе при немъ казаковъ.—Илецкая станица и мыры Неплюева къ ея укрѣпленію и безопасности.—Казачьи передовые посты за Лицомъ.—Результаты стратегической деятельности Неплюева.—

Начало сибирской линії крѣпостей и редутовъ.

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славного Яикушки
Костиами бѣлыми казачьими усыпны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючими слезами материнскими поливаны“

(Изъ писни Уральскихъ казаковъ).

Со времени подчиненія Яицкаго казачьяго войска въдомству оренбургскаго губернатора, начинается и укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи.— До Неплюева по нижнему теченью рѣки Яика, начиная отъ Разсыпной крѣпости и до Гурьевы—городка, на протяженіи болѣе 600 верстъ, были только два укрѣпленія: Яицкій—городокъ, или нынѣшній Уральскъ, и Гурьевъ—городокъ, находившійся на самомъ устьѣ Яика.— Такая беззащитность Нижне-яицкой линіи отъ сосѣднихъ кочевниковъ давала киргизамъ полную возможность свободно переходить на правую сторону рѣки, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежи и угонъ скота у самихъ Яицкихъ казаковъ и у кочевавшихъ по рѣкамъ Яику и Волгѣ калмыковъ. Киргизы сторожили казаковъ не только на лѣвой, такъ называемой, Бухарской сторонѣ Урала, но и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, по дорогамъ въ Самару и Сызрань. Въ 1713 году партия каракалпаковъ и киргизовъ, въ числѣ 800 человѣкъ, напала на возвращавшихся изъ Сызрана съ хлѣбомъ казаковъ, изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ и увезены въ степь. Подобное же несчастіе случилось въ 1725 году и съ казаками, которые везли изъ Самары хлѣбъ^{а)}.

^{а)} Уральск. Ведом. 1869 г., № 30.

Въ 1723 году шайка киргизъ и каракалпаковъ, состоявшая изъ 300 человѣкъ, явилась подъ самый Яицкій городокъ; захватила въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнала нѣсколько головъ скота.—Въ погоню за ворами отправились 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Тимофеева, но киргизы и сообщники ихъ, каракалпаки, успѣли скрыться въ свои улусы и погоня вернулась ни съ чѣмъ. На обратномъ пути въ Яицкій городокъ, отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой толпой киргизъ, состоявшей изъ 300 человѣкъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой; но казаки были разбиты и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ къ киргизамъ, что, между прочимъ, видно изъ доношенія въ Военную Коллегію яицкаго казака Михаила Бородина, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданного киргизами въ Хиву, откуда послѣ выкупилъ его прикащикъ казака Ивана Сидорова Лобика, татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтараста рублей^{а)}. Изъ архивныхъ бумагъ XVII в. видно, что у Яицкихъ казаковъ на рѣкѣ Утвѣ, а также и за Утвою, побоища съ киргизами бывали не рѣдко.

Воспоминаніе объ утвинскихъ побоищахъ Яицкихъ казаковъ съ киргизами доселѣ сохранилось въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ Уральскаго казачьяго войска; особенною популярностію пользуется на Уралѣ слѣдующая пѣсня, отличающаяся плавнымъ, заунывнымъ напѣвомъ:

„Какъ за славною за рѣкой тдо отъцато онъ азъ и
втато! За Утвою, оиник бекдѣо айтъ ли ятвѣозон
аменочотъ онъ: віноградъ ватъ отъ азитатасъ
за зоракъ. „Да распахана тамъ пашня біарыкъ салдаозъ
—охъ ѿфотохъ, ахинъ ахъ Яровая. то онодово азомыла ватъ аспидъ
ялофъвънъ—ижодъ. Пашня пахана не плугомъ, и зоракъ за зоракъ
амоноюто геножа пашни. Не сохюо, пашнилъ—ижодъ. иныъ это и
ахъ оинодениа пашни. А распахана та пашня—этотъ отъцато и Яицкое
га содорекъ садогудъ. Яровая итѣдо, азомыла пистайдынъ кіапидотъ
ахшайжинъ туръ тдъ. Мурзъ киргизскихъ да хивинскихъ
Копіями; иинено и гимнате, аздодает Ібрасля
—пашни та пашни и Выборонена та пашня. ииното этото оиноденото
иебиномъ змоу ахъ Яровая оиновъ ческото тдотъ бѣгъ үзенъ оюпъ
Лишь копытами киргизскихъ“

^{а)} Уральскія Вѣдомости за 1869 г., № 32. Слич. въ „Русск. Архивѣ“ за 1879 г. (кн. 2, стр. 388, примѣчаніе 1) мое исследованіе: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

—окъ ООС азъ вашъ И засѣяна не житомъ, сициа изъшъ ѳдот 1851 г.
ахъдтии сицъ ии вътъхъ Не пшеницей,
—кто имъши не оно? А засѣяна та пашня сиакъеи вълту и сиоизъ
засоюни Т сицъ якоиаи азъ, азъхъиаи ООС азъ
иоэ ая коатыцъ Удалыхъ нашихъ казаковъ панчесу и манжъи он
йиди В ая итуп амнтии Головами.
Добрый молодецъ засѣяль,
Самъ уѣхаль.
Ты рости, моль, моя пашня,
Зеленѣйся,
На поливочку ужъ ты, моль, объ синайи виси
ташланци отъ линии Не надѣйся!
Кто полѣть тебѣ? — Развѣ что сицъ сиаси
—ди В у отъ онки я Съ неба дождикъ, кое ти! — Ноуди стаюатъ
итца го приходи Иль источить горьки слезы
Мать родна!“^{a)}

Рѣка Утва, о которой здѣсь говорится, находится въ киргизской степи и впадаетъ въ Ураль съ лѣвой стороны между Илецкимъ городкомъ и Уральскомъ; протяженіе ея около 300 верстъ; берега поросли тальникомъ и камышемъ. Киргизы думаютъ, что въ Утвѣ есть золотой камень, но открыто обѣ этомъ не говорятъ изъ опасенія, что русскіе сами поселятся на Утвѣ осѣдлою жизнью и овладѣютъ ея богатствомъ. Кстати замѣтимъ, что Утва дѣйствительно удобна для поселенія: по сторонамъ ея — прекрасные луга, а въ самой рѣкѣ довольно рыбы ^{b)}.

Нерѣдко Яицкіе казаки терпѣли непріятности и отъ кочевавшихъ близъ Урала калмыковъ, особенно отъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ улусахъ хана Черендундуга, владѣльца Доржи—Назарова и его сына Лобжи.—Калмыки особенно донимали казаковъ отгономъ лошадей и рогатаго скота.—Въ 1735 г. Яицкіе казаки, выведенные изъ терпѣнія набѣгами калмыковъ, обратились съ слѣдующею жалобою въ Военную Коллегію: „Сего 735 году подѣгаются подъ насть нижайшихъ казачий городокъ, лѣтнимъ и осеннимъ временемъ, воровскіе калмыки и отгоняютъ конные и скотинные табуны многократно, а именно: въ нынѣшнюю весну 735 году отогнали коннаго табуна съ пять сотъ лошадей

^{a)} См. пѣсни Уральскихъ казаковъ, записанныя М. И. Иваннимъ, въ Отч. Зап. 1848 г., № 4, Смѣсь, стр. 142. Замѣчательно, что Утвинскія побоища представляются въ образѣ жизни земледѣльческой, какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „Черна земля подъ копытами, костями она была засѣяна, а кровью полита; тучою озыдаша по Русской земли“.

^{b)} Изъ черновыхъ бумагъ И. И. Желѣзова.

да коровъяго скота до четыреста коровъ; да еще, которые калмыки сидять на низъ по рѣкѣ Яику, рыбною ловлею нась обижаютъ и казаковъ нашихъ, которые отпускаются отъ нась за звѣревою охотою и за рыбною ловлею, воровскіе калмыки таковыхъ казаковъ нашихъ грабятъ и на смерть побиваютъ и разоряютъ безъ остатку, а безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами *военного промысла* чинить не имѣмъ. Того ради Государственную Военную Коллегію мы всенижайше войскомъ Яицкимъ просимъ, дабы милостивымъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было надъ оными воровскими калмыками чинить намъ *военный промыслъ*, понеже мы нижайше отъ такого калмыцкаго воровства пришли въ крайнюю скучность и разореніе^{a)}. Военная Коллегія 16 февраля 1736 г. спрашивала Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, „можналь онымъ казакамъ позволить противъ показанныхъ воровскихъ калмыковъ воинскимъ обычаемъ отпоръ чинить“, а 9 марта того же года получила слѣдующій отвѣтъ: „Во время на Яицкій городокъ и казаковъ воровскихъ калмыкъ нападенія, Яицкимъ казакамъ отпоръ отъ себя чинить и оныхъ воровъ побивать и ловить можно, чтобы, вида то, и другіе калмыки такого воровства не чинили и отъ того унялись; а чтобы въ отмщеніе обидъ надъ калмыцкими улусы (какъ войско Яицкое проситъ) чинить имъ надъ оными калмыки *военный промыслъ*, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ аппробовать не можетъ, и какъ Военная Коллегія разсудить изволить, что отъ такого позволенія можетъ произойти между ними явная война; а надлежитъ войску Яицкому обѣ обидахъ своихъ, какія имъ калмыки сдѣлаютъ, писать къ астраханскому губернатору и къ полковнику Беклемишеву, съ явными о томъ доказательствы, а они, губернаторъ и полковникъ Беклемишевъ, калмыцкимъ владѣльцамъ о томъ представлять и сatisфакцій требовать указы имѣютъ, а нынѣ къ нимъ, въ подтвержденіе прежнихъ, указы посланы будутъ“.

Охраняя свою жизнь и имущество, Яицкіе казаки, по самому своему положенію, какъ пограничная военная сила, должны были защищать и другихъ поселенцевъ обширнаго Оренбургскаго края, входившихъ въ составъ Московскаго государства. Въ 1736 г. и въ началѣ 1737 г. киргизы, напавъ на Волжскихъ калмыковъ, многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ; въ 1738 г. повторилось то же, при чёмъ были захвачены въ плѣнъ и русскіе^{b)}. Въ 1739 г. пострадали отъ киргизовъ рыболовы на Каспійскомъ

^{a)} Прошеніе писано 25 ноября 1735 г. и послано статаманомъ зимовой станицы Никитою Трифоновымъ. См. бумаги I. И. Желѣзнова, по описи № 19. Извлечен. изъ книгъ Казачьаго Повытья, № 9, стр. 115.

^{b)} Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ, ч. II, стр. 127 и 131.

морѣ^{a)}; вслѣдъ за тѣмъ улусы калмыцкаго владѣльца Баи должны были выдержать нападеніе 2700 киргизовъ^{b)}; въ томъ же году на калмыковъ напали каракалпаки въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ^{c)}, а киргизы, оставивъ на время въ покой калмыковъ, грабившихъ въ свою очередь русскія селенія близъ Саратова^{d)}, продолжали беспокоить Илецкихъ казаковъ и башкиръ^{e)} и, увлекая за собою послѣднихъ, снова обращались къ грабежу русскихъ селеній, какъ это, напримѣръ, было въ 1740 г.^{f)}, или же уговаривали скотъ у Яицкихъ казаковъ, а иногда захватывали въ пленъ и самихъ владѣльцевъ скота. Но особенно много привелось вынести горя отъ киргизъ пограничнымъ русскимъ селеніямъ въ 1743 г., когда толпы киргизъ, заключавшія въ себѣ по тысячѣ и по двѣ человѣкѣ, нападали на русскихъ и увлекали за собою все, что только не могло спастись отъ нихъ или быть истреблено ими^{g)}. Главнымъ подстрекателемъ киргизовъ въ это время былъ Абуль-Хайръ ханъ, который желалъ, чтобы его сынъ Хаджи-Ахметъ, бывшій аманатомъ въ Россіи, былъ возвращенъ къ отцу и замѣненъ его побочнымъ сыномъ Чингизомъ; но русское правительство отказалось ему въ этомъ и тѣмъ самымъ еще больше усилило ненависть Абуль-Хайра противъ русскихъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь напр. Яикѣ (Уралѣ) въ прежнее время далеко была не безопасна и требовала постоянной, неусыпной бдительности и осторожности какъ пограничного начальства, такъ и самихъ казаковъ. Отмѣченные нами хищнические набѣги кочевниковъ служатъ фактическимъ доказательствомъ того, что у Яицкихъ казаковъ, помимо внутреннихъ, не мало было и вѣнчихъ враговъ, съ которыми приходилось вести не только оборонительную, но иногда и наступательную борьбу, при чёмъ, безспорно, достаточно было пролиты казачьей крови; не даромъ же поютъ и доселѣ Уральскимъ казакамъ:

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючымъ слезами материнскими поливаны“.

^{a)} Грамота Воен. Колл. отъ 16 янв. 1739 г. Изъ черн. бумагъ И. И. Жельзнова № 6. Ср. Уральск. В. Вѣд. 1868 г. № 23, стр. 5.

^{b)} Указъ Татищева 30 апр. 1739 г., за № 2123.

^{c)} Грамота Воен. Колл. 25 мая 1739 г., за № 132.

^{d)} Указъ Оренб. канцел. 25 мая за № 4211.

^{e)} Грамота Воен. Кол. 31 мая 1739 г., за № 184. Ср. указъ отъ 9 сент. 1739 г.

^{f)} Указъ Урусова 24 янв. 1740 г.

^{g)} Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ и степей, ч. II, стр. 158.

Или: „Гдѣ кость лежитъ,—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась,—
Тамъ вязель сплелась;
Гдѣ слеза пала,—
Тамъ озеро стало“.

Въ этихъ родныхъ звукахъ для Уральскихъ казаковъ мы видимъ выраженіе печального прошлаго, исторически вѣрнаго положенія оберегателей русскихъ границъ на востокѣ; эта пѣсня—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ.

Яицкіе казаки, какъ пограничная военная сила, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги киргизовъ, каракалпаковъ, калмыковъ и башкиръ на русскія селенія, а также не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній. Кромѣ постоянной службы внутри Яицкаго городка, имъ не рѣдко приходилось снаряжать особья команды или отряды и на линію: такъ въ 1739 году они должны были защищать башкиръ Ногайской дороги отъ киргизовъ, при чмъ ими было убито 10 чел., 50 чел. взято въ плѣнъ и отбито до 1000 лошадей^{a)}. Въ 1740 году былъ командированъ новый отрядъ Яицкихъ казаковъ, подъ командою атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородина, на низъ Яика «за воровскими киргизз-кайсаками»; а въ слѣдующемъ году тотъ же Бородинъ отправленъ былъ на нижнюю дистанцію «за прошедшиими на волжскихъ калмыкъ» киргизами^{b)}. Бывали даже такія тяжелыя времена, когда недоставало силъ у однихъ Яицкихъ казаковъ, для защиты края отъ кочевниковъ и требовалась помощь со стороны ихъ старшихъ братьевъ—Донскихъ казаковъ или драгунскихъ ротъ: такъ вслѣдствіе предписанія кн. Урусова, отъ 23 окт. 1739 г., была командинирована рота драгунъ Астраханскаго гарнизона, чтобы удержать киргизовъ отъ нападенія на калмыковъ. Все это, при отсутствіи должныхъ укрѣплений по линіи, осложняло обязанности Яицкихъ казаковъ и увеличивало ихъ ответственность за спокойствіе края. Поэтому правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы сберечь лучшія военные силы края, тѣмъ болѣе, что число Яицкихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, простиравлось до трехъ съ небольшимъ тысячъ человѣкъ. Имѣя въ виду малочисленность казаковъ и сознавая трудность обороны линіи отъ

^{a)} Указъ Оренб. канцеляріи 11 сент. 1739 г. за № 4463.

^{b)} Приговоръ Яицкаго войска о выборѣ въ атамана Андрея Бородина. Изъ черн. бумагъ И. И. Желѣзнова, по описи № 1.

кочевниковъ, В. Н. Татищевъ подалъ проектъ о поселеніи по р. Яику, съ цѣллю его обороны, ниже Яицкаго городка, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытиемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ Татищева былъ утвержденъ Петербургскимъ Кабинетомъ 21 января 1739 года, но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе его нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе. Между тѣмъ Яицкое войско, опасаясь, что новые поселенцы нанесутъ ему ущербъ въ рыболовствѣ, а также желая удержать за собою и нижнее теченіе рѣки, подало просьбу, въ которой обязывалось построить близъ урошищъ Калмыкова и Кулагина яра двѣ крѣпости и охранять какъ ихъ, такъ и всю линію до Гурьевского-городка своими силами, прося лишь одного, чтобы на этомъ пространствѣ не заводили предполагаемаго поселенія драгунъ и дворянъ, уволили войско отъ внѣшнихъ командировокъ и отворили бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга по осьми саженъ съ каждого.

Надобно замѣтить, что на четыре версты ниже нынѣшняго Гурьева, на мѣстѣ, называемомъ Брандвахтою, былъ устроенъ казенный учугъ, или перебой изъ бревенъ поперегъ всей рѣки; этотъ учугъ былъ сдѣланъ рыбопромышленниками, которымъ были отданы въ аренду гурьевскіе рыбные промыслы. Первоначально въ этомъ учугѣ съ обѣихъ сторонъ его были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8 саженъ; но вслѣдствіи, вѣроятно, откупщиками ворота эти были заперты, такъ-что рыба изъ моря могла проходить въ Уралъ только его боковыми устьями — рукавами, которыхъ въ то время было довольно и нѣкоторые изъ нихъ были очень глубоки. Къ этому-то учугу, а не къ уральскому, существующему и теперь, относятся разсказы о необыкновенномъ изобилии рыбы въ то время. По преданію, сохранившемуся среди казаковъ, рыба такъ напирала на учугъ, что ее должны были разгонять пушечными выстрелами^{a)}. Эти учуги, какъ увидимъ, сдѣлялись потомъ причиной частыхъ и большихъ споровъ иссоръ, весьма затруднительныхъ для начальства, при разбирательствѣ дѣлъ между Яицкими казаками и астраханскими рыбопромышленниками. Казаки весьма недовольны были уже и тѣмъ, что гурьевскіе учуги были заперты, особенно когда боковая устья рѣки мелѣли, по случаю малой прибыли воды въ Уралѣ; теперь же, когда правительство было намѣreno перевести на берега Урала самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ, казаки особенно пріуныли. — На сколь было непріятно для нихъ это предположенное поселеніе драгунъ и дворянъ,

^{a)} Данилевскій. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи. Спб. 1860 г., т. III (Уральское рыболовство), стр. 28.

можно судить изъ того, что въ своей просьбѣ они, между прочимъ, говорятъ: „Отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣмъ, и службу отправляемъ, вовсе уничтожаются: ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка за тѣмъ, что всегда будетъ пужена, проходить уже не можетъ, и отъ одного оружейного выстрѣла или огнища, или же кто не вѣремя одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ“^a). — „Нелѣпость словъ этихъ“, — замѣчаетъ Данилевскій, — „очевидна: если такое препятствіе, какъ гурьевскій учугъ, не могло задержать прохода рыбы въ Ураль и она доходила до Яицкаго городка въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству самихъ же казаковъ, они отъ рыболовства «все свое пропитаніе имѣли»; то какимъ же образомъ могла остановить ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ поимка одной рыбы въ какое бы ни было время года или одинъ оружейный выстрѣлъ?! Все это, разумѣется, были не болѣе, какъ выдумки и довольно простоватныя, чтобы только отклонить предположенное поселеніе дворянъ и драгунъ и въ нихъ-то кроется, вѣроятно, начало той мысли, составляющей и до сихъ поръ коренное убѣжденіе большей части уральцевъ, что не только всякое судоходство, но даже всякий малый шумъ или огонь на берегу Урала пугаетъ рыбу“^b.

Не предрѣшая вопроса о томъ, что было бы лучше для края, — приведеніе ли въ исполненіе проекта Татищева или удовлетвореніе просьбы Яицкаго войска, — мы изложимъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла при Неплюевѣ, которому Яицкіе казаки обязаны очень многимъ, какъ увидимъ дальше. Неплюевъ представилъ въ 1743 году въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ указывается на то, что предположенное заселеніе по нижнему теченію Яика дворянъ и драгунъ совершенно разорило бы казаковъ, тогда какъ, по его выражению, такой-де «сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно». Ссылаясь на просьбу Яицкаго войска, Неплюевъ находилъ выгоднымъ удовлетворить желаніе войска по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) тогда не потребуется отъ казны особыхъ расходовъ на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ; 2) при осуществленіи проекта Татищева, на содержаніе драгунскаго полка и другихъ поселенцевъ необходимо было бы расходовать большія

^{a)} Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. II, стр. 28—29. Слич. П. С. Зок., т. X, стр. 788—789.

^{b)} Данилевскій. Исторіи состоянія рыболовства въ Россіи, ч. III, стр. 29. Какъ известно, по всему теченію Урала до сихъ поръ неѣть ни судоходства, ни пароходства; попытка же братьевъ Ванюшиныхъ завести пароходное сообщеніе Оренбурга съ Уральскомъ кончилась неудачно.

суммы казенныхъ денегъ, тогда какъ въ способѣ, предлагаемомъ отъ войска, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и при томъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ оттого пріести свою службою и больше пользы государству; 3) Казанскій драгунскій полкъ, самарскіе и алексѣевскіе дворянѣ могутъ быть съ выгодою употреблены на службу при Оренбургской Комиссіи; 4) тѣхъ трудностей, которыхъ можно было бы опасаться, при поселеніи Казанскаго полка, въ доставленіи провіанта, фуража и полковой амуниціи, тогда не будетъ; 5) разработка турьевскихъ учуговъ и улучшеніе рыболовства усилять промышленность и торговлю, а слѣдовательно, 6) принесутъ казнѣ чистый барышъ, посредствомъ умноженія $\frac{1}{10}$ части рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызранѣ, чрезъ которые обыкновенно возили рыбу во внутренніе города Россіи^{a)}. Это мнѣніе Неплюева энергично поддерживала и Военная Коллегія. Между тѣмъ, Неплюевъ написалъ и къ Татищеву, какъ главному виновнику этого проекта, стараясь доказать и ему непрактичность его плановъ. Татищевъ, принимая въ соображеніе доводы Неплюева и незначительность выгода^{b)}, получаемыхъ казною отъ турьевскаго учуга, не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но предложилъ отдать турьевскій учугъ Яицкому войску вместо жалованья, предоставивъ ему право сломать учугъ или оставить его въ свою пользу, что впослѣдствіи и подало казакамъ поводъ къ просьбѣ объ отдачѣ имъ турьевскаго учуга на откупъ, какъ увидимъ дальше, въ главѣ о промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Такимъ образомъ, благодаря доводамъ Неплюева, Яицкое войско осталось полнымъ хозяиномъ на своей родной и кровной землѣ: Императрица Елизавета Петровна отмѣнила резолюцію Кабинета, состоявшуюся еще 21 января 1739 года, и особою грамотою 23 апреля 1743 г., данною на имя войскового атамана и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отверненіемъ турьевскаго учуга на 8 сажень съ каждой стороны, для прохода рыбы изъ моря вверхъ по Яику, „дабы чрезъ то казаки въ службы Ея Величества являлись исправны“. Казакамъ позволено было селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ избранныхъ ими пунктахъ, именно около урочищъ Калмыкова яра и Кулагина яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пятисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежу-

^{a)} Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. I, стр. 35. Сравн. ч. II, въ прилож. стр. 29—30, X. Слич. П. С. З. т. XII, № 8620.

^{b)} Въ два года, съ 1740—1742 г., доходъ этотъ составилъ 5037 р. 66 к., слѣдовательно, годовой доходъ отъ турьевскихъ учуговъ равнялся 2519 р. 16 к.

точныхъ пунктахъ «основаться фундаментальными жилищами» и своими разъездами между обѣими крѣпостями и, начиная отъ нихъ, въ одну сторону до Янцкаго городка, а въ другую до Гурьевы—охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки калмыковъ и киргизъ. Слѣдствіемъ этого было основаніе и устройство двухъ крѣпостей: Калмыковской и Кулагиной^{a)}, положившихъ въ свою очередь начало форпостамъ Нижне-янцкой линіи и образовавшихъ цѣльную укрѣпленную поселеній, передовые посты или казачьи пикеты которыхъ находились на лѣвой сторонѣ Янка.

Укрѣпляя Нижне-янцкую линію и стараясь обезопасить ее отъ кочевниковъ, Неплюевъ всегда старался дѣйствовать согласно съ мнѣніемъ, желаніями и доводами самихъ казаковъ, которымъ лучше была известна мѣстность по р. Янку и правы сосѣднихъ кочевниковъ-барантачей^{b)}. Такъ, когда полковникъ Пальчиковъ, при особомъ рапортѣ, сообщилъ Оренбургской канцеляріи мнѣніе Янцкаго войска относительно того, что особенно нуждается въ наплучшемъ укрѣпленіи и наибольшемъ числѣ казаковъ мѣстность около и ниже Индерскихъ горъ; то Неплюевъ отвѣчалъ: „означеннное ваше мнѣніе по разсмотрѣніи, для показанныхъ отъ васъ обстоятельствъ, здѣсь апробируется“^{c)}. Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ: такъ какъ, по наблюденіямъ казаковъ, киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Янка, особенно въ лѣтнее время, около Индерскихъ горъ и ниже ихъ къ Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья рѣки по льду; то Пальчиковъ доносилъ, что Янцкое войско считаетъ необходимымъ увеличить комплектъ сторожевыхъ казаковъ въ той части линіи, которая находится между Индерскими горами и Гурьевыми, представляя притомъ, что „если тѣ форпости поставить до Гурьева въ семи мѣстахъ, команду по сту человѣкъ поровну; то видится весьма можетъ быть неудобно; къ тому же, ежели по ровной дистанціи по сту верстъ тѣ команды поставить, то въ проѣздѣ чрезъ Янкъ воровъ никакого препятствія быть не можетъ, ибо-де тѣ команды чрезъ сто, или хотя въ срединѣ чрезъ пятьдесятъ верстъ, скоро поспѣшить не могутъ“^{d)}. Неплюевъ, согласившись съ мнѣніемъ войска, предписалъ, чтобы, какъ только будутъ назначены опредѣленные пункты для форпостовъ, войско немедленно указало ихъ кондуктору Куликову, который долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстность каждого изъ нихъ въ отношеніи удобства, составить

^{a)} Кулагина крѣпость наход. во 120 в., а Калмыкова въ 200 в. отъ Гурьева.

^{b)} Баранта—набѣгъ, грабежъ, особенно изъ мести.

^{c)} Указъ 19 марта 1746 г. См. у Рябинина ч. II, стр. 11 и 12. Прилож. VI (а не IV, какъ означено въ „Р. Архивѣ“ 1879 г. кн. II, стр. 395).

^{d)} Тамъ же, стр. 12.

ландкарту и учинить реєстръ поверстнаго ихъ разстоянія.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Яика имѣлись караулы и „въ степь подъ єзды“, желая черезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ велѣно было устроить на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ „малки высокіе“ и обязать ихъ камышемъ или другою какою сухою травой. При появлѣніи хищническихъ шаекъ, если онѣ только были довольно значительны числомъ, малки эти зажигали одинъ за другимъ и въ нѣсколько часовъ давали знать всей линейной стражѣ о приближавшемся нападеніи киргизовъ. Форпости, заключавши въ себѣ не менѣе ста человѣкъ, должны были имѣть по одной пушкѣ и какое-либо укрѣпленіе, а въ двѣ крѣпости Неплюевъ приказалъ дать по двѣ пушки со всѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія сильнаго отряда, можно было безопасно и съ большимъ успѣхомъ вести оборону. Казакамъ приказано: „всякое стараніе имѣть быть доброконнымъ, а во время нужды о дву-конь, ибо киргизы на воровство всегда поднимаются не менѣе, какъ о дву или о трехъ-конь,—такъ безъ доброконныхъ лошадей надъ ними учинить и ничего невозможнога“^{a)}). Съвернѣе Яикскаго городка, гдѣ также нерѣдко появлялись киргизы, Неплюевъ приказалъ до самаго Илецкаго городка въ удобныхъ мѣстахъ сдѣлать зимовки, учредить и содержать при нихъ постоянный караулъ зимой и лѣтомъ. Мѣста для такихъ зимовокъ и карауловъ должны были указать сами казаки, а кондуктору Кулікову велѣно описать тѣ мѣста, измѣрить ихъ взаимное разстояніе и составить имъ ландкарту.—Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впослѣдствіи такъ называемыя реданки^{b)} и трети, расположенные по правому^{c)} и лѣвому^{d)} берегу Урала. На реданкахъ и третяхъ въ прежнее время всегда находилось нѣсколько казаковъ изъ линейной стражи, какъ передовой караулъ; они-то и зажигали малки, въ случаѣ нападенія киргизовъ. Вслѣдствіе этихъ распоряженій со стороны Неплюева возникла слѣдующая цѣпь форпостовъ, существующихъ доселѣ: Сарайчиковъ^{e)}, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополовой, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ^{f)}, Харькинъ, Красный Яръ, Котельный, Антоновъ, Каинские Орѣшки (нынѣ Каленовскій), Сахарный, Моргеневъ, Сундаевъ, Кожаха-

^{a)} Тамъ же, стр. 13.

^{b)} Реданка строилась на половинѣ разстоянія отъ одного форпоста до другого, а треть — между реданкой и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки наход. по трети, или третному пикету.

^{c)} Отъ Бударинскаго форпоста до Гурьевска городка на протяженіи 400 вереть.

^{d)} Отъ Бударинскаго форпоста вверхъ по Яику до Илецкихъ дачъ.

^{e)} На мѣстѣ развалинъ стариннаго городка Сарайчика.

^{f)} Кошъ-Яикъ противъ Индерскихъ горъ, въ 555 верстахъ отъ Оренбурга.

ровъ, Бударинъ, Кошъ-Яикъ^{a)}, Чаганскій^{b)} и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся городками^{c)}. Во всѣхъ поименованныхъ форпостахъ казаки постоянно обязаны были содержать два полка въ полномъ комплектѣ, при чмъ число всѣхъ казаковъ, вмѣстѣ съ старшинами, должно было равняться 1016 чел. Впослѣдствіи пѣкоторые изъ форпостовъ были обращены въ крѣпости, такъ на «картиѣ Нижнѣй Яицкой дистанції» Красильникова, составленной въ 1755 году, форпосты: Баксаевъ, Тополовой, Сахарный, Кошъ-Яикъ, противъ Индерскихъ горъ, и Сарайчиковскій показаны и названы крѣпостями^{d)}, хотя Рычковъ въ своей „Топографіи Оренб. губ.“ оставилъ за ними первоначальное название форпостовъ^{e)}.

Въ то самое время, какъ заселялась и укрѣплялась Нижнеяицкая линія, на самомъ южномъ краю ея, въ Гурьевъ-городкѣ, потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона; поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія киргизовъ, обойдя яицкіе форпосты моремъ, напала на русскія селенія и калмыковъ, кочевавшихъ по лѣвому берегу Волги и произвела «великое разореніе». Въ предотвращеніе подобныхъ несчастій на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и астраханскому губернатору, д. камергеру Брылкину, войти во взаимное соглашеніе, относительно обсужденія мѣръ предосторожности отъ набѣговъ киргизъ. Неплюевъ и Брылкинъ, обсудивъ сообща этотъ вопросъ, нашли необходимымъ увеличить Гурьевскій гарнизонъ сотней казаковъ; но они расходились въ мнѣніи касательно источника, изъ котораго могла бы быть скомплектована эта сотня. Неплюевъ, за малолюдствомъ Яицкихъ казаковъ, предлагалъ сформировать эту сотню изъ Волжскихъ казаковъ внутренней Царицинской линіи, а Брылкинъ, ссылаясь на малочисленность послѣднихъ, находилъ болѣе удобнымъ переселить въ Гурьевъ сто семей изъ Донскихъ казаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ оба эти мнѣнія, въ промеморіи Военнай Коллегіи сообщила, что она вполнѣ раздѣляетъ въ принципѣ мнѣніе Неплюева и Брылкина объ увеличеніи Гурьевскаго гарнизона, состоящаго изъ 120 чел. солдатъ, сотней конныхъ казаковъ и притомъ находить необходимымъ

^{a)} Противъ озера Граизаго, въ 326 верстахъ отъ Оренбурга.

^{b)} Форпосты поименованы здѣсь въ восход. порядкѣ, начиная отъ Гурьева къ Яицкому городку (Уральску). Смотр. въ приложеніи № 25.

^{c)} Кулагинскій—городокъ наход. между Зеленымъ Колкомъ и Гребенщиковымъ форпостами, а Калмыковскій—городокъ между Котельнымъ и Антоновскимъ форпостами.

^{d)} См. Оренб. губ. съ прилежащими къ ней мѣстами по „Ландкартамъ“ Красильникова и „Топографіи“ П. И. Рычкова, 1755 г. Изд. Оренб. Отд. Импер. Геогр. Общ. Оренбургъ 1880 г., карта 10.

^{e)} Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г. Оренб., стр. 295.

укрѣпить слободу, въ которой поселятся казаки, «*обнеся острогомъ или другимъ какимъ укрѣплениемъ*». Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не нашла возможнымъ принять мнѣнія Неплюева и Брылкина, относительно источника скомплектованія сотни казаковъ. Мнѣніе Неплюева не было принято потому, что съ выселеніемъ въ Гурьевъ сотни Волжскихъ казаковъ ослабилось бы положеніе Саратова, Димитровска, Чернаго Яра и другихъ волжскихъ городовъ. Что же касается до выселенія Донскихъ казаковъ, предложенного Брылкинымъ; то, по мнѣнію той же Коллегіи, на Донскихъ казакахъ должна была лежать обязанность охраненія границъ отъ Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ, при томъ же изъ Донцевъ,—говорится въ промеморіи,—бывають частыя командировки къ Персидскимъ границамъ и въ другіе дальние походы. Отрицая такимъ образомъ оба мнѣнія, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ спрашивала Военную Коллегію: не пайдеть ли она возможнымъ и болѣе удобнымъ выселить въ Гурьевъ Дубовскихъ казаковъ, или, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, изъ Яицкаго войска. Военная Коллегія положила спросить о томъ Яицкое войско. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ препроводила 23-го сентября того же года указъ, изъ котораго видно, что 30 мая и 22 июня 1747 г. Брылкинъ представлялъ, что въ 1746 году имъ было командировано въ Гурьевъ Красноярскихъ и Астраханскихъ казаковъ 50 чел., а вмѣсто ихъ на форпости были употреблены Донскіе казаки. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ приказала Брылкину Донскихъ казаковъ отпустить, а Неплюеву было предписано, до окончательного рѣшенія этого вопроса, содержать въ Гурьевѣ въ зимнее время 50 чел. изъ Яицкаго войска по-перемѣнно и нѣсколько человѣкъ изъ Астраханскихъ городскихъ казаковъ, о чёмъ было сообщено и Брылкину, если только ему „тамошняя коньюнктура (обстоятельство) дозволить“^{а)}. Такимъ образомъ, сверхъ 1016 чел., расположенныхъ на форпостахъ по нижнему течению Яика, начиная отъ Яицкаго городка, Яицкое войско должно было каждую зиму, впредь до новаго указа, посыпать въ Гурьевъ 50 челов. да въ новоучрежденный форпостъ близъ Илецкаго городка—20 чел., итого 1086 чел. Но дѣло о поселеніи при Гурьевѣ казаковъ этимъ не окончилось.

Брылкинъ, въ отвѣтъ на опредѣленіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, полученное имъ 11 ноября 1747 г., сообщилъ въ Военную Коллегію 18 ч. того же ноября мѣсяца, что онъ, въ силу указа Коллегіи Ино-

^{а)} См. Указы 1747 г. въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 19, лист. 163 и 164. Здѣсь находитъ подлинный указъ Колл. И. Д. за № 466, за подписью графа Алексея Бестужева-Рюмина, гр. Михаила Воронцова, переводч. Александра Турчанинова и подканцеляриста (рукою котораго указъ и писанъ) Петра Попова.

стороннихъ Дѣлъ, отъ 23 сент. 1747 г., полученного имъ 14 октября, несмотря на недостатокъ въ Астрахани казаковъ, опредѣлилъ отправить въ Гурьевъ изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ казаковъ 25 чел. подъ команду гурьевского комманданта, поручика Боборыкина, который долженъ былъ дать имъ наставлениія, „какъ развѣзды чинить и во время прихода киргизъ-кайсаковъ поступать“. Брылкинъ при этомъ увѣдомилъ также Военную Коллегію и о томъ, что онъ писалъ Неплюеву, дабы послѣдній въ опредѣленный срокъ отправилъ въ Гурьевъ 50 человѣкъ „добропонныхъ и оружейныхъ казаковъ, при одномъ старшинѣ и съ надлежащимъ на зимніе мѣсяцы, пока они тамъ пробудутъ, провіантомъ, а на лошадей—овсомъ“. 9 февраля слѣдующаго 1748 г. Военная Коллегія донесла Сенату, что она находить возможнымъ на первый разъ поселить въ Гурьевъ 70 человѣкъ, назначивъ для того изъ Саратовскихъ и Дмитріевскихъ казаковъ 20 челов., изъ Царицинскихъ и Черноярскихъ—15 челов., изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ—15 челов. и изъ Волжскихъ, или Дубовскихъ—20 челов., а недостающее число до ста посыпать съ перемѣною изъ Яицкаго войска.—При этой сотнѣ, по мнѣнію Военной Коллегіи, должно быть одному сотнику, двумъ урядникамъ, одному хорунжему и двумъ капраламъ; жалованье имъ полагалось производить наравнѣ съ Астраханскими казаками, а именно: сотнику 12 р. деньгами, муки и овса по 12 четвертей; хорунжему 10 р. и по 10 четвертей муки и овса; урядникамъ по 9 р., муки по 5 четв., овса по 8 четвертей; капраламъ по 8 руб., муки по 4 ч., овса по 7 четв.; рядовымъ по 8 руб., муки по 3 ч. и овса по 6 четв. Сверхъ того, по примѣру переселенныхъ съ Дона на Волгу казаковъ, положено было выдать на каждую казачью семью по 12 р. на постройку домовъ, также по 6 ч. муки и по 3 четв. овса и крупу для ихъ содержанія. На это представлѣніе Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 15 февр. 1748 г., отвѣчала, что она считаетъ невозможнымъ поселить въ Гурьевъ означенныхъ казаковъ, такъ какъ по справкѣ въ Военную Коллегію оказалось, что въ Астраханской губерніи числится только 500 казаковъ^{a)} и тѣ всѣ заняты: при калмыцкихъ дѣлахъ^{b)} 200 челов.^{c)}, при соляныхъ дѣлахъ 150 челов., остальные 150 челов. содержать почту и карауль при Силистренскомъ Ахтубинскомъ городкѣ:

^{a)} Которые были распределены такъ: въ Саратовѣ 200 ч., въ Дмитріевскѣ—50, въ Царицѣ—100, въ Черномъ Яру—100 и въ Красномъ Яру—50. Въ книгѣ Н. Попова: „Татищевъ и его время“ (стр. 647) показаны цифры нѣсколько болѣшія.

^{b)} Копія съ указовъ Верх. Тайн. Сов. 1727 г. и Каб. министровъ 1739 г. въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54.

^{c)} Саратовскихъ 100, Дмитріевскихъ 25, Царицинскихъ 45 и Черноярскихъ 30 человѣкъ.

отправляютъ подводы, употребляются въ конвояхъ, разъѣздахъ и другихъ посыпкахъ. Въ Астрахани казаковъ изъ новокрещенныхъ калмыковъ и русскихъ оказалось 219 человѣкъ, изъ нихъ 97 конныхъ и 122 пѣшихъ: 40 человѣкъ находилось при Гурьевѣ для кошения сѣна и сторожевыхъ разъѣздовъ, 100 челов. были на форпостахъ за Краснымъ Яромъ, а остальные 79 чел. отправлялись въ конвояхъ къ Кизляру и въ Черный Яръ. Что же касается Волжскихъ казаковъ, или Дубовскихъ, то ихъ числилось 1157 человѣкъ^{a)}. Вслѣдствіе такого мнѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатъ приказалъ: „При Калмыцкихъ дѣлахъ въ Астрахани, въ командѣ полковника Спицина, быть казакамъ, по силѣ указовъ 1727 и 1739 годовъ, 200 челов. съ перемѣнною погодно, какъ то въ 1742 г. опредѣлилъ бывшій астраханскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, а при подполковнику Чемодурову^{b)} опредѣлить 150 человѣкъ изъ оставшихся за назначеніемъ въ команду Спицина, также изъ Царинскихъ, Красноярскихъ, Черноярскихъ и Димитріевскихъ казаковъ, а чего недостанетъ, пополнить изъ Волжскихъ казаковъ атамана Переидского „доброконныхъ, непрестарѣлыхъ и немалолѣтнихъ“. Въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ, велѣно было употребить къ оборонѣ извѣстную часть изъ числа казаковъ, состоявшихъ при подполковнику Чемодурову^{c)}, о чёмъ Сенатъ и препроводилъ указы въ В. Коллегію, Чемодурову и въ Астраханскую губернскую канцелярію 9 января 1748 года^{d)}.

Военная Коллегія, какъ видно, сильно отстаивала мнѣніе Неплюева, что изъ Яицкаго войска не слѣдовало бы брать еще 100 казаковъ, для службы въ Гурьевѣ, представляя, между прочимъ, въ основаніе и тотъ фактъ, что „Яицкіе казаки во всегдашнихъ въ разныя мѣста раскомандированіяхъ обращаются и два городка собою содержать, такожъ и для поисковъ за непріятелями во всегдашнія партіи употребляются и предъ другими, по необходимости, весьма службою отягощающы бываютъ, однакожъ онуя добропорядочно и ревностно отправляютъ“. Пригласивъ въ присутствіе совѣтника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Бакунина^{e)}, Воен. Коллегія, согласно мнѣнію послѣдняго, постановила взять для поселенія при Гурьевѣ 19 человѣкъ изъ Астраханскихъ казаковъ, 15—изъ Царинскихъ и Черноярскихъ, 10—изъ Краснаго Яра, 4—изъ Саратова и 2—изъ Димитріевска, всего 50 человѣкъ.

^{a)} См. „Татищевъ и его время“ Н. Попова, стр. 640 и слѣд.

^{b)} Чемодурову было поручено заготовленіе соли изъ Элтонскаго озера для Саратовскаго и Димитріевскаго соляныхъ магазиновъ.

^{c)} П. С. З. т. XIII, №№ 9594; 9725; 9729.

^{d)} См. промеморію В. Колл. 20 мая 1748 г.

^{e)} П. С. З. т. XIII, № 9640.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ должна была войти въ сношеніе съ упомянутыми городами и довести о результатахъ до свѣдѣнія Военнй Коллегіи. Между тѣмъ изъ Сената послѣдовалъ указъ, въ которомъ было сказано: „Когда при Гурьевѣ-городкѣ поселится изъ Яицкихъ казаковъ сто семей, или, сверхъ учрежденной для форпостовъ тысячной команды, войско будетъ содержать при самомъ Гурьевѣ по 100 чл. доброконныхъ и оружныхъ, опредѣлено будетъ, сверхъ уже положенного жалованья^{a)}, отпускать на содержаніе этихъ 100 чл. по 2000 р. въ годъ^{b)}. Штатсъ-контора должна была выдать эти деньги въ распоряженіе Военнй Коллегіи, а Неплюеву было предписано, чтобы онъ представилъ въ Военную Коллегію свѣдѣнія относительно того, сколько должно находиться при этой сотнѣ чиновъ и какіе слѣдуетъ опредѣлить оклады жалованья какъ чинамъ, такъ и простымъ казакамъ. Штатсъ-контора обратилась въ Военную Коллегію съ запросомъ, съ какого времени должно начать отпускъ суммы въ 2000 р. на усиленіе Гурьевской сторожевой роты, такъ-какъ въ прежнемъ указѣ объ этомъ не было упомянуто.— Военная Коллегія, не зная, была ли командинирована къ Гурьеву сотня Яицкихъ казаковъ, спросила о томъ Неплюева, который и препроводилъ въ В. Коллегію полученный имъ отъ Яицкаго войска рапортъ, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „означенное число изъ рядовыхъ казаковъ при атаманѣ Иванѣ Портновѣ, при одномъ есаулѣ, сотникѣ, хорунжемъ, писарѣ, толмачѣ и 94 рядовыхъ, всего 100 ч. доброконныхъ и оружныхъ въ Гурьевѣ-городокѣ въ команду къ Гурьевскому коменданту командинированы и 6 марта 1749 года въ путь выступили“.— Получивъ доношеніе Неплюева, Военная Коллегія предписала Штатсъ-конторѣ немедленно выдать 2000 р. войскому атаману Меркуреву, находившемуся въ Петербургѣ съ зимовой станицей, а 19 июля того же года Яицкое войско получило изъ Военнй Коллегіи указъ, въ которомъ, послѣ подробнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, было сказано, чтобы войско, по возвращеніи атамана Меркурева, обсудило, какъ оно найдетъ болѣе удобнымъ: „или и впредь оное число казаковъ въ тотъ Гурьевъ посмѣнно и ежегодно командинировать, или же фундаментально поселить при ономъ сто казачьихъ семей“^{c)}.

^{a)} 4138 р. 30 к. См. П. С. З. т. XII, № 8689 и 8918. Слич. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 86.

^{b)} По сметѣ же Военнй Коллегіи 9 февраля 1748 года требовалось больше, а именно: по 100 человѣкъ казаковъ при одномъ сотникѣ, одномъ хорунжемъ, 2 урядникахъ и двухъ капралахъ, 856 руб. деньгами, 340 четв. муки, 652 четв. овса и на первоначальное заведеніе: 1200 р. деньгами, 600 четв. муки, 300 четв. овса и 300 четв. крупъ.

^{c)} См. черновыя бумаги И. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54; здѣсь находятся копіи съ промеморій и указовъ В. Коллегіи, извлеченные изъ кн. Казачьаго Пов. № 72. Слич. ст. Корина: „Гурьевѣ-городокъ и гурьевскіе учуги“ въ Уральск. Вѣдомост. за 1872 г., № 30.

Не входя въ дальнишія подробности поселенія при Гурьевѣ сотни Яицкихъ казаковъ, мы и изъ этого краткаго очерка можемъ видѣть, что Неплюевъ, заселяя и укрѣпляя Нижнеицкую линію, не только отстоялъ существованіе казачьей Яицкой общины, но наравнѣ съ самими казаками заботился объ ихъ интересахъ и щадилъ силы казаковъ, энергично отстаивая свое мнѣніе, что «*Яицкие казаки противу прочихъ различными службами отягочаемы бываютъ*». Но въ данномъ случаѣ обстоятельства сложились такъ, что Яицкимъ же казакамъ пришлось сторожить и Гурьевъ, хотя, какъ мы знаемъ, и не безъ вознагражденія; впрочемъ, какъ увидимъ это дальше, поселеніе Яицкихъ казаковъ въ Гурьевѣ послужило къ ихъ же выгодамъ. Объ основаніи Гурьева-городка находятся слѣдующія свѣдѣнія въ доношеніи оренбургскаго губернатора, кн. Волконскаго графу Аракчееву^{а)}: „Гурьевъ городокъ построенъ первоначально не отъ казны, но купцомъ изъ великороссийскихъ народовъ, Михайлою Гурьевымъ, гораздо прежде заселенія Уральской линіи нынѣшними казаками, еще во времена варварства, когда татары Золотой Орды были владѣльцами въ имѣвшемся отъ Гурьева, вверхъ по рѣкѣ Уралу, татарскомъ городкѣ Сарайчикѣ. Купецъ Гурьевъ былъ привлеченъ къ сему мѣсту выгодами рыбной промышленности. Сначала онъ платилъ подать татарскимъ владѣльцамъ за дозволеніе производить безопасно рыболовство въ устьѣ р. Урала и при берегахъ Каспійскаго моря; но приведши въ Гурьевѣ крѣпостное строеніе въ оборонительное состояніе, онъ отказался отъ платежа дани и, защищая свою собственность, такъ усилился, что промыслы свои могъ производить безпрепятственно, заимствуясь необходимыми для того людьми изъ Астрахани и другихъ мѣстъ^{б)}“.

Такимъ образомъ, первоначальное основаніе, которое пѣкоторые относятъ къ концу первой половины XVII ст.^{в)}, и заселеніе Гурьева городка было результатомъ желанія частнаго лица обезопасить рыбные промыслы отъ нападеній и грабежей сосѣднихъ кочевниковъ и татаръ; слѣдовательно,

^{а)} Въ началѣ текущаго столѣтія Гурьевъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, почему военный министръ, гр. Аракчеевъ, вместо возобновленія Гурьева, думалъ было построить крѣпость, въ 57 верстѣ отъ города, выше по Уралу, на мѣстѣ древн资料 Kаспійскаго моря; но приведши въ Гурьевѣ крѣпостное строеніе въ оборонительное состояніе, онъ отказался отъ платежа дани и, защищая свою собственность, такъ усилился, что промыслы свои могъ производить безпрепятственно, заимствуясь необходимыми для того людьми изъ Астрахани и другихъ мѣстъ.

^{б)} То же самое говорить объ основаніи Гурьева и Рычковъ. См. Топогр. Оренб. губ., ч. II стр. 22.

^{в)} Н. А. Фирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанского царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 320. Ср. И. И. Желѣзова: „Уральцы“, ч. II, стр. 66.

основателю его, какъ замѣчаетъ кн. Волконскій,—не могло прийти и въ голову тѣхъ затрудненій, которыя должно было испытать Московское правительство, принявшее впослѣдствіи Гурьевъ въ казну, относительно расположения въ немъ „воинскихъ командъ“. Со времени поступленія Гурьева въ казну и причисленія его къ Астраханской губерніи, при самомъ устьи Яика, въ пяти верстахъ отъ города была устроена брандвахта^{a)}, или отводный караулъ, который долженъ быть наблюдать, чтобы въ морѣ не было „грабительства, неуказанного рыболовства и проѣзжихъ судовъ безъ вида“; въ самомъ же городѣ была расположена рота Астраханского гарнизона, для защиты рыбопромышленниковъ отъ киргизъ и другихъ кочевниковъ. Подъ прикрытиемъ Гурьева, былъ устроенъ на устьи Яика учугъ, или перебой изъ бревенъ поперегъ всей рѣки, чтобы черезъ то преградить путь морской рыбѣ вверхъ по Яику.

Яицкіе казаки очень хорошо сознавали всѣ невыгоды, какія имъ придется испытывать съ построениемъ Гурьева и особенно его учуговъ, наносявшихъ значительный ущербъ рыболовству казаковъ; почему они вначалѣ всячески старались воспрепятствовать построенію Гурьева, но безъ успѣха. Изъ актовъ видно, что еще въ 1649 году Яицкіе казаки мѣшали построенію Гурьева: „атаманъ Кондыревъ съ товарищи городовые многіе запасы погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло пріласать вверхъ по Яику рѣкѣ не дали“^{b)}. Въ 1667 г., подъ командою Васильки Касимова, они спустились по Яику, разграбили Гурьевъ и ушли въ Каспійское море, гдѣ на разныхъ островахъ и дѣлили добычу или, по ихъ выражению, «дуванъ дуванили». Главными ихъ притонами здѣсь были острова: Камынинъ, Каменный, Святой и Песчаный; особенно казаки любили островъ Камынинъ^{c)}. Этотъ островъ упоминается и въ пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ; такъ въ концѣ пѣсни: „Яикъ ты нашъ, Яикушка“... говорится:

„За Гурьевымъ впадаль ты,
Нашъ Яикушка,

^{a)} Въ августѣ 1770 г. брандвахта была уничтожена, вслѣдствіе распоряженія оренб. губернатора Рейнсдорпа. См. его рапортъ, отъ 5 авг. 1770 г., въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова, № 34, стр. 14.

^{b)} Акты Историч., IV, № 40.
^{c)} Островъ Камынинъ имѣть въ длину около 2 верстъ, а въ поперечникѣ отъ 30 до 40 саж. Берега его съ восточной стороны обрывисты. Грунтъ острова составляется преимущественно ракушка и только по срединѣ острова тянется илистая полоса, не болѣе какъ въ 30 кв. саж., поросшая камышомъ. Съ восточной стороны Камынина есть небольшая бухта, проходъ въ которую глубиною въ 5 футовъ; въ эту бухту нерѣдко набирается много сазана. Съ юго-восточной оконечности о-ва идетъ подводная коса, а въ концѣ ея шалыга, имѣющая въ окружности приблизительно до 35 саж. и возвышающаяся болѣе чѣмъ на 4 фута подъ уровень моря. См. Урал. Войск. Вѣд. 1877 г.; № 9, стр. 3, столб. 2. Ср. Доп. къ Акт. Истор., т. VII, № 48, стр. 249 и дал.

Въ батюшку сине-море,
 Какъ до славнаго острова,
 До острова Камынина.
 На островѣ Камынина,
 Братцы, старики живутъ;
 Старики, братцы, старожилы,—
 Они по девяносту лѣть;
 Съ покорений Золотой Ордой
 Старики, братцы, во ладу живутъ".

Здѣсь они иногда зимовали и заготовляли себѣ струги, въ которыхъ разгуливали по Каспійскому морю и нападали на персидскія прибрежныя селенія. Случалось, что «удалые казаченки», небоявшіеся «синя-моря Хвалынского», попадали въ руки персіанъ и, для спасенія своей жизни, принимали даже ихъ вѣру, или, по выраженію актовъ, «обасурманивались», какъ это, напримѣръ, было въ 1678 году, когда двадцать казаковъ, выброшенные бурею на берегъ въ Баку, попали въ плѣнь къ персидскому Шаху^{a)}. Московское правительство, усмиривъ Разинское возмущеніе, въ которомъ принимали участіе и Яицкіе казаки, стало сильно и на нижнемъ Яицѣ. Въ 1670 г. оно подчинило, какъ мы уже знаемъ, Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на виѣшнюю службу. Яицкіе казаки исправно и съ отличiemъ несли возлагаемыя на нихъ военные командировки, но Гурьевъ съ его учугами былъ у нихъ, по прежнему, „бѣльмомъ на глазу“. Наконецъ, благодаря содѣствію и энергіи Неплюева, имъ удалось добиться и того, что гурьевскіе учуги, какъ мы уже видѣли, были отворены съ обѣихъ сторонъ на 8 саж. и Яицкому же войску, препятствовавшему вначалѣ возникновенію Гурьева, пришлось охранять его отъ набѣговъ и грабительства киргизовъ, а потомъ и совершенно завладѣть имъ. Намъ уже известно, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ выразила желаніе, чтобы „Гурьевская слобода“, въ которой поселятся казаки, была обнесена острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ, поэтому Неплюеву предстояло теперь позаботиться объ укрѣпленіи Гурьева.

Въ настоящее время Гурьевъ-городокъ не имѣть никакихъ укрѣпленій, но въ старину онъ былъ окруженнъ каменною стѣною^{b)} съ башнями по угламъ, которая въ 1753 году, когда Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Яицкаго войска и подчиненъ вѣдомству оренбургскаго губернатора,

^{a)} Дополн. къ Актамъ Историч., т. VII, № 48, стр. 260.

^{b)} Рычковъ. Топogr. Оренб. губ., ч. II, стр. 23.

вся обвалилась^{a)}; почему Неплюевъ положилъ устроить новое укрѣпленіе, и въ 1754 году поручилъ инженеръ-капитану Назимову осмотрѣть Гурьевъ и узнать, какъ идуть тамъ работы по устройству городской стѣны. Назимовъ, по приѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что, за недостаткомъ строительного материала и недоставленіемъ отправленнаго изъ Оренбурга, работы даже не были начаты до его приѣзда, и что при немъ только приступлено къ постройкѣ разобранныхъ прежде каменныхъ стѣнъ по плану, утвержденному Неплюевымъ.—Мѣстность, на которой находился тогда Гурьевъ-городокъ, Назимовъ называетъ нездорою и, полагая, что производство работъ можетъ сильно обременить одиныхъ солдатъ, которымъ было поручено возвести укрѣпленіе, онъ просилъ Неплюева, чтобы въ Гурьевъ было командировано или назначено еще нѣсколько казаковъ^{b)}. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокими и частыми полисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались каменные барбеты или фланги (какъ ихъ называли казаки)^{c)}, вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ полисадѣ, какъ и въ прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ которыхъ одни, обращенные къ берегу Яика, назывались Спасскими^{d)}. Надъ этими воротами прежде находилась каменная церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса, съ двумя придѣлами: одинъ въ честь Св. Афанасія и Св. Кирилла Александрийскихъ, а другой во имя Алексея, Божія человѣка; но при перестройкѣ стѣнъ, при Неплюевѣ, эта церковь, какъ пришедшая въ полную ветхость, была замѣнена деревянной, во имя Святителя и Чудотворца Николая.—Прежде въ дѣловыхъ бумагахъ Гурьевъ назывался Яикъ-Гурьевымъ городкомъ, а Гурьевская канцелярія — Яикской-Гурьевской коммандантской канцеляріей^{e)}. Чтобы имѣть нѣкоторое представление о томъ, какой видъ имѣлъ Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣдомство Неплюева, приведемъ отзывъ о немъ капитана Залѣскаго, который принялъ его 1 января 1753 г. въ составъ Оренбургской губерніи отъ капитана Астраханскаго гарнизона Племянникова^{f)}: „Городъ каменный весьма ветхой въ трехъ стѣнахъ и въ восьми башняхъ и больверкахъ, кои до половины развалились, и вновь сдѣланы цѣлымъ и половиннымъ кирпичемъ, а четвертая часть

^{a)} Сборн. статист. и археолог. свѣд. Уфа 1868 г., отд. II, стр. 90.

^{b)} Уральск. Вѣд. 1872 г., № 30.

^{c)} Такъ наз. ихъ и Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. II, 23.

^{d)} Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 23. Въ настоящее время отъ всего этого почти ничего не осталось, кроме небольшой валообразной возвышенности, огибающей на подобіе квадрата одинъ кварталъ города съ площадью, где былъ старый городъ.

^{e)} Рычковъ. Топ. Ор. губ., ч. II, стр. 23.

^{f)} Тамъ же, стр. 24.

стѣны противъ коммандантскаго дому рушилась, у онаго города одни ворота, называемыя Спасскія, да одна калитка. Величина его по длини отъ Спасскихъ воротъ до Терской башни 132 саж., а поперегъ отъ средней стѣнной башни до башни же Макарьевской—128 саж.^{а)}.

Принявъ на себя охрану Нижне-Яицкой линіи и Гурьев-городка, Яицкие казаки обязаны были не допускать до перелазовъ на противоположный берегъ киргизъ и калмыковъ, раздѣленныхъ нижнемъ течениемъ рѣки Яика; тѣмъ и другимъ позволялось ючеватъ не ближе, какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь. Въ видахъ гарантіи этого распоряженія, Неплюевъ нашелъ полезнымъ, чтобы въ осенне время вся степь по лѣвую сторону Яика была выжигаема до самаго Каспийскаго моря, что и было утверждено особымъ указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 8 августа 1748 года^{б)}. Астраханскій губернаторъ Брылкинъ предлагалъ выжигать степь по обѣ стороны р. Яика, но Неплюевъ нашелъ нужнымъ сожигать подножный кормъ для скота только на киргизской сторонѣ,—и Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ согласилась съ его мнѣніемъ. Въ случаѣ, если казаки встрѣчали у киргизовъ или калмыковъ отогнанныхъ лошадей или плѣнниковъ, то имъ позволялось не только отнимать ихъ добычу, но и убивать виновныхъ „на страхъ другимъ, дабы и тайныхъ перелазовъ нечили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали“. Когда же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ партий калмыковъ или киргизъ въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Яика, или получали только извѣстіе о приближеніи такихъ скопищъ; то они должны были, сколько возможно, „пересылками съ ними удерживая ихъ или безъ всякаго азарту препятствуя имъ“, тотчасъ же посыпать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который давалъ немедленно приказъ ударить въ набатный колоколь, чтобы всѣ, способные владѣть конемъ и оружіемъ, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ, коимъ угрожала опасность; за нарушеніе этого распоряженія виновные подвергались наказанію. Такъ полковникъ Егоръ Матвеевъ и есаулъ Феодоръ Усовъ разжалованы были въ рядовые казаки до выслуги лѣтъ за то, что не предупредили о наступленіи киргизовъ на калмыкъ въ 1746 г.^{с)}. Въ 1750 г. полковникъ Сильвестровъ лишенъ былъ чина и записанъ въ рядовые за то, что отпустилъ съ Антонова форпоста „одного казака съ подводами“, котораго киргизы утопили въ рѣкѣ и нацали на Котельный форпостъ.

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Указы 1748 г. въ Тург. обл. архивѣ, листъ 161.

^{с)} Указъ В. Колл. 16 мая 1748 г. за № 4625. См. въ Тург. обл. арх. указы 1748 г., л. 121—123.

Командиръ форпоста хорунжій Задніцынъ, сотники: Пеуловъ и Курохтинъ и писарь Заоколышинъ за оплошность, допущенную ими при нападеніи киргизовъ, были лишены чиновъ и, при собраніи Войскового Круга, „нешадно“ наказаны плетьми; рядовые казаки, бывши въ ихъ командѣ, также были наказаны плетьми; но особенно досталось хорунжему Задніцыну, изъ-за котораго, какъ видно изъ дѣла, пострадали и другіе, *безъ вины виноватые*: его, по наказаніи плетьми въ Войсковомъ Кругу, опредѣлили въ каторжную работу^{a)}.

Принимая всѣ предсторожности къ обезопашенію линіи, Неплюевъ строго запретилъ казакамъ обижать и киргизъ съ калмыками. Полковымъ старшинамъ наистрожайше было приказано смотрѣть за подчиненными, чтобы „они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующими иногда по близости киргизъ-кайсакамъ и калмыкамъ обидѣ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно бы на нихъ худыхъ дѣль не затѣвали, чего ради отъ форпостовъ на звѣроловство и ни на какие промыслы далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать“. Выбѣжавшихъ изъ калмыцкихъ улусовъ или киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно, послѣ подробныхъ предварительныхъ распросовъ, „по чиня имъ никакихъ обидъ“, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препровождать ихъ въ мѣсто жительства и доносить о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Яицкіе казаки, кроме низовой линіи и Гурьевъ, должны были заботиться и объ Илецкой станицѣ и ея казакахъ. Неплюевъ вмѣнилъ въ обязанность всему Яицкому войску и особенно войсковому атаману смотрѣть за Илецкими казаками, чтобы они были „небезконны и небезоружны и въ городѣ-бѣ добрый порядокъ и осторожность содержали, понеже Илецкая станица, какъ извѣстно, понынѣ еще слабаго состоянія и, въ случаѣ какого на нее немалаго воровскаго приходу, не токмо и недопущенію онаго до намѣренія ихъ и въ войску надѣяться ими, но и охраненію себя еще ненадежно“^{b)}.

Поручивъ Яицкому войску заботиться объ Илецкихъ казакахъ, Неплюевъ не могъ удовлетвориться этимъ; „слабое состояніе“ Илецкой станицы не переставало его беспокоить, и поэтому, возвращаясь изъ Яицкаго городка въ 1748 году, онъ щелкалъ лично осмотрѣть эту станицу. Время основанія Илецкаго городка, котораго не нужно исключать

^{a)} Указъ В. Колл. 19 июля 1750 г. за № 6023. См. въ Тургайск. област. арх. указы 1750 г., л. 97—98. Тамъ же указъ Неплюева Яицкому войску 9 августа 1750 г. за № 13, л. 99—100.

^{b)} Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VI.

сь Илецкой Соляной Защитой^{a)}, относится къ 1737 году, когда двое изъ Яицкихъ казаковъ Черкасского рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канцелярію Оренбургской Экспедиціи съ просьбой о дозволеніи имъ построить на устьи р. Илека городокъ, чтобы имъ было дозволено особымъ указомъ 5 февраля того же года^{b)}. Въ силу этого указа, они могли заселять городокъ уфимскими мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами, неположенными въ подушной окладѣ; Изюмскій былъ назначенъ атаманомъ, а Черкасовъ—есауломъ. Но въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни яицкаго элемента: Илецкие казаки организовались изъ людей, не отличавшихся ни энергией, ни удальствомъ, ни молодечествомъ,—изъ людей, незакаленныхъ въ борьбѣ съ врагами, какъ-то: изъ крестьянъ, чувашъ, ясачныхъ татаръ, мордвы, инвалидныхъ солдатъ и т. п. Поручая Илецкихъ казаковъ попеченію Яицкаго войска, Неплюевъ желалъ, чтобы оно, такъ сказать, оказчило ихъ по-яицки. Посѣтивъ лично Илецкую станицу, Неплюевъ счелъ первымъ долгомъ осмотрѣть самое мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестностей, вникая при этомъ во все до мельчайшихъ подробностей.—Результатомъ этого осмотра были слѣдующаго рода мѣры и распоряженія Неплюева. Такъ-какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности со стороны киргизовъ, которые нерѣдко увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои аулы; то Неплюевъ намѣрѣнъ былъ прежде всего переселить казаковъ на правый берегъ рѣки Яика, но казаки заявили, что это потребуетъ большихъ расходовъ и значительныхъ усилий съ ихъ стороны, а потому просили, чтобы имъ позволено было остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ согласился на это, но обязалъ казаковъ подпиской, что они пашни и луга, находившіеся также на лѣвой сторонѣ рѣки и притомъ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредь будутъ имѣть на правой сторонѣ Яика; здѣсь же долженъ быть пастись скотъ, чтобы чрезъ то затруднить отгонъ его киргизами. Чрезъ р. Яикъ велѣно было устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогономъ скота; въ рабочую пору въ самой станицѣ должна была оставаться третья всего числа казаковъ, съ цѣлью обороны, въ случаѣ внезапнаго нападенія киргизовъ. Если кто пожелалъ бы заводить хутора на правой сторонѣ рѣки, „таковы мѣста не воспрещать“. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякий хлѣбъ

^{a)} Илецкий городокъ въ 124 верстѣ отъ Оренбурга къ Уральску, а Илецкая Защита въ 60 верстѣ отъ Оренбурга, въ Киргиз. степи.

^{b)} Въ черн. бумаг. I. И. Желѣзнова (по описи № 14) имѣется копія съ этого указа.

находились въ значительномъ разстояніи отъ станицы и расположены были въ разбрость, такъ что иногда могли служить удобнымъ мѣстомъ для укрывательства подъѣзжавшихъ къ станицѣ воровъ; почему Неплюевъ распорядился, чтобы „всѣ казачьи гумна, овины и при нихъ хлѣбъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, а именно: съ восточной стороны, съ вѣзду въ городокъ, кромѣ Яику, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытиемъ пушекъ и не далѣе съ половины города закрывали, гдѣ каждый про себя какъ и кому надобно построить и огородить можетъ, а около тѣхъ имѣть плетень для внезапнаго нападенія“^{a)}. Старый гумна Неплюевъ приказалъ сломать „и, по прежнему, *въ разсыпніи ихъ не имѣть*“; огороды также велѣно было заводить около станицы, „чтобы случающіеся тутъ люди въ виду караульныхъ и подъ прикрытиемъ же были“. Осматривая баттареи, Неплюевъ нашелъ, что онѣ не были покрыты и не такъ крѣпко устроены, какъ бы слѣдовало, почему онъ приказалъ: „оныя предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу, и подъѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши по тому примѣру, какъ оныя въ Разсыпной крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей опрятности“. Лафеты подъ пушками также оказались весьма плохими, а казаки, приставленные къ пушкамъ, *не умѣли дѣйствовать* должнымъ образомъ, почему Неплюевъ положилъ „послать изъ Оренбурга отъ артиллерійской команды одного унтеръ-офицера, чтобы онъ при себѣ подъ оныя пушки такъ установилъ и пумерей обучилъ, чтобы онѣ и къ стрѣлянію всегда дѣйствительны и къ защищенню города способны были“^{b)}.

Междудѣйствіемъ, чтобы не задержать производства работъ, казакамъ приказано было заготовить и насушить лѣсу для устройства лафетъ и баттареи. Оплотъ, которымъ была обнесена крѣпость, когда обветшаетъ или обвалится, казаки обязались исправлять сами; у всѣхъ воротъ въ лѣтнее время и на баттареи долженъ былъ содержаться караулъ, а ворота, обращенные въ киргизскую степь, велѣно на глухо запереть. Изъ числа той трети казаковъ, которая должна была оставаться въ станицѣ на рабочее время, Неплюевъ приказалъ отдать часть для содержанія двухъ форпостовъ, предположенныхъ къ постройкѣ на рѣчкахъ Заживной и Киндель^{c)}. Казаки обязались построить въ этихъ мѣстахъ „землянки и соплоты“ (заплоты), „токмо камышемъ не крыть, имѣть въ нихъ по пушкѣ

^{a)} Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VII, стр. 16 и 17.

^{b)} Тамъ же.

^{c)} Рѣки: Заживная и Киндель начинаются въ предѣлахъ Оренб. войска и входятъ въ Уральскую область, первая близъ Мухановскаго форпоста, а вторая у хутора Новокинельского. Обѣ рѣчки впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны между Кинельскимъ и Бородинскимъ форпостами.

и содержать по 20 человѣкъ". Каждую недѣлю два раза, а если потребуется — и каждодневно, Илецкіе казаки, въ числѣ пяти человѣкъ, должны были дѣлать разѣзды по двумъ направленіямъ: къ Разсыпной крѣпости и къ Иртеку до половины пути, сѣѣзжаясь съ разѣздами, высылаемыми изъ Разсыпной крѣпости и Иртецкаго форпоста. Иртецкій форпостъ находится въ $99\frac{1}{2}$ в. отъ Уральска, а Разсыпная крѣпость — въ $167\frac{1}{2}$ в.; следовательно, разѣзды Илецкихъ казаковъ обнимали собою пространство отъ 35 до 40 верстъ въ длину. Въ аулы киргизовъ казаки моглиѣздить только по особому распоряженію Оренбургской канцелярии; въ степь позволено было отѣзжать не болѣе, какъ на 20 верстъ отъ крѣпости, для звѣроловства и рыбныхъ промысловъ, „иѣздили бы компаніями съ оружиемъ и немалолюдно, смотря, чтобы имъ отъ киргизъ вреда не было, а при тревогахъ какъ въ городкѣ, такъ и въ форпостахъ давать сигналы изъ пушки". По р. Илеку за лѣсомъ позволялосьѣздить и далѣе 20 в., но также вооруженными компаніями и съ непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы каждый казакъ, отправляясь на промыселъ, напималъ за себя другаго для отправленія за него своей очереди, „дабы она за тѣмъ не стояла и другимъ-бы изъ того тяжести не было".

Но заботясь о безопасности Илецкихъ казаковъ, Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и киргизовъ: онъ обязалъ казаковъ подпiskой, чтобы „киргизамъ, которые по ихъ казачьей сторонѣ будутъѣздить для звѣроловства, или для чего другаго, а не ради воровства, оны никакихъ обидъ не чинить и въ улусы ихъ для воровства неѣздить". Атаману и его совѣтникамъ-старшинамъ приказано, подъ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать. Въ избѣжаніе опасныхъ послѣдствій отъ пожаровъ, Неплюевъ распорядился, чтобы дома были крыты лубьемъ или тесомъ, а тѣ крыши, которыя сдѣланы были изъ соломы, при наступленіи весны, вѣльно сбросить; кроме того, Неплюевъ приказалъ имъ въ крѣпости пожарные инструменты и „надлежащее для того учрежденіе". Стараясь улучшить въ стратегическомъ отношеніи Илецкую станицу, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на внутренній строй Илецкихъ казаковъ. Между прочимъ, онъ установилъ штать, по которому положено быть: одному атаману, одному есаулу, пяти сотникамъ, писарю и 464 рядовымъ казакамъ, изъ которыхъ „выбирать, съ перемѣною погодно, лучшихъ и надежныхъ людей, хорунжихъ 5 да урядниковъ 9; а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣлъ присутствовать по оче-редно при атаманѣ и больше вышеписанного никакихъ старшинъ не имѣть, и всѣ они должны къ службѣ Ея Императорскаго Величества добрыхъ лоша-дей имѣть и во всемъ надлежащую справку, какъ то: исправное ружье,

сайдакъ и, по крайней нуждѣ, доброе длинное копье имѣть^{a)}. Казакамъ строго были воспрещены «пьянство, тунеядство, воровство и другія непотребства», а также—«приемъ бѣглыхъ».—Каждый казакъ долженъ быть заниматься хлѣбопашествомъ, звѣринными и рыбными промыслами, наблюдал во всемъ экономию. Въ вознагражденіе за труды, атаману, есаулу и писарю назначено было жалованье: первому 24 руб., а есаулу и писарю по 12 руб. въ годъ; главный контроль надъ расходованіемъ войсковыхъ суммъ былъ порученъ Яицкому войсковому атаману, который разъ въ годъ обязанъ былъ отправлять одного изъ старшинъ на ревизію въ Илецкую станицу. Недовольные рѣшеніемъ дѣлъ своего атамана должны были аппеллировать Яицкому войсковому атаману.

Устраивая Сакмарскую линію, Неплюевъ позаботился дать подобное же устройство, какъ въ Илецкомъ городкѣ, и Сакмарскому казачьему городку, основанному выходцами изъ Яицкаго войска еще въ 1725 г., въ 30 верстахъ отъ устья Сакмары, на высокомъ и прекрасномъ мѣстѣ, „а при томъ“—замѣчаѣтъ Рычковъ,—„и отъ натуры весьма на крѣпкомъ мысу, который съ двухъ сторонъ неприступенъ, и никакого укрѣпленія не требуется, а гдѣ надлежитъ, имѣть деревянное укрѣпленіе и особливую свою артиллерію^{b)}. Въ Сакмарскомъ городкѣ было до 200 русскихъ казаковъ и до 50 изъ иноземцевъ, которые были употребляемы по разнымъ нарядамъ и дѣламъ въ Оренбургъ. Они имѣли особаго станичнаго атамана, подчиненнаго Яицкому войсковому суду; но за отдаленостію отъ Яицкаго городка не участвовали въ службѣ Яицкихъ казаковъ. Главнымъ источникомъ къ существованію у нихъ служило хлѣбопашество, а также и лѣсной промысел: рубка и сплавка лѣса (котораго по близости къ нимъ было достаточно) въ Оренбургъ и т. п. Такимъ образомъ, благодаря Неплюеву, различныя казацкія поселенія, не имѣвшія раньше прочной между собою связи, были соединены въ одно цѣлое подъ главнымъ управлѣніемъ Яицкаго войскового атамана, подчиненнаго въ свою очередь оренбургскому губернатору.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Неплюева нельзя не признать благоразумной и опытной его предусмотрительности на пользу казаковъ, которые, подъ вліяніемъ своей самонадѣянности, мало заботились о стратегическомъ положеніи своихъ жилищъ, а потому нерѣдко попадали въ ловушку, хитро и ловко поставленную для нихъ, киргизами, а иногда и сами обижали ихъ, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. Въ сен-

^{a)} Тамъ же, ч. II, стр. 18.

^{b)} Топогр. Оренб. губ., изд. 1887 г., стр. 256.

тябрь 1755 г. поручикъ Ураковъ, занимавшій должность начальника дистанціи, донесъ Неплюеву, что Яицкіе казаки, отправляясь за рыбою, ночуютъ иногда въ лугахъ человѣка по два, по три и по четыре, безъ всякой осторожности и караула, и что когда онъ, Ураковъ, встрѣчалъ такіе почлѣги, сталъ требовать, „чтобы они при форпостахъ, или бы совокупясь человѣкъ по десяти и болѣе почевали; то казаки не только не учтиво, но даже съ крикомъ и бранью ему отвѣчали, что слушать его не хотятъ и дѣла до того якобы ему нѣть, да и драться были готовы“^a). Неплюевъ, въ отвѣтъ на это доношеніе Уракова, приказалъ: „съскавъ виновниковъ, за такое своеольство и грубость, на страхъ имъ и другимъ, учинить въ Кругу наказаніе плетьми“. Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны казаковъ было строжайшее подтвержденіе того распоряженія, по силѣ котораго казаки въ такомъ малолюдствѣ никуда не должны былиѣздить, а «всегда бы пѣздили компаніями и вооруженными»; наруши-телей этого постановленія и «потаковщиковъ» ихъ приказано ловить и представлять, при особомъ конвоѣ, къ Яицкому войску для наказанія въ Войсковомъ Кругу. Къ этому же времени относится распоряженіе Неплюева, чтобы за солью на Индерское озеро казаки єздили «партиями не менѣе 50 человѣкъ и съ исправнымъ оружиемъ». Отмѣченный фактъ отно-шенія казаковъ къ Уракову можетъ служить свидѣтельствомъ того, что казаки иногда оказывались не только непредусмотрительными, но, по мень-шей мѣрѣ, и странными: распоряженія и заботы объ ихъ же безопасности вызываютъ въ нихъ недовольство и грубость. Конечно, такая самонадѣян-ность или казацкое *ухарство* не всегда даромъ проходили казакамъ: не мало было убито ихъ и захвачено въ плѣнъ киргизами. Если и гораздо позже, въ степи на Самарской сторонѣ, могло совершиться убийство братьевъ Бакировыхъ, захватъ въ плѣнъ Струнишева, сопровождавшаго хи-винскій караванъ въ Астрахань, разграбленіе самого каравана и убийство сопровождавшихъ его казаковъ, невдалекѣ отъ Гурьева,— и если такія печальная явленія и происшествія представляютъ собою, по рассказамъ самихъ же казаковъ, два изъ весьма многихъ и нерѣдко повторявшихся случаевъ^b); то послѣ этого нельзя не подивиться самоувѣренности казаковъ, надѣлавшихъ грубости Уракову. Впрочемъ, можетъ быть, причина грубости и дерзости казаковъ скрывается здѣсь въ личности самого Уракова, мало намъ известной, а не въ самомъ распоряженіи о безопасности казаковъ,

^{a)} См. Ур. Вѣд. за 1868 г. № 23. Ср. черновыя бумаги И. И. Желѣзнова, по описи № 16.

^{b)} Уральск. Вѣд. 1868 г., № 23. Слич. И. И. Желѣзнова: „Картины казацкой жизни“, стр. 31, 124; его же: „Сайячники“, (стр. 211—228) и „Василій Струнишевъ“.

но фактъ все-таки остается фактомъ. Изъ рапорта Неплюеву того же Уракова видно также, что Яицкіе казаки имѣли за р. Яикомъ хутора и зимовки, которыхъ были заведены, какъ можно предполагать, безъ предварительного разрѣшенія на то начальства.—Ураковъ какъ дистаночный начальникъ, опасаясь отвѣтственности, въ случаѣ нападенія на эти хутора и зимовки киргизовъ, между прочимъ, писалъ Неплюеву: „есжели паче всякаго чаянія онымъ вредъ какой причинится, того форпостнымъ учинить никакъ не возможно, въ какомъ бы случаѣ и ему, Уракову, чего не пришло, а у походнаго де вашего войска полковника никакого о томъ предметѣ наставленія не нашлось“^{a)}. Всѣдѣствие этого Неплюевъ предписалъ, чтобы Яицкое войско обсудило этотъ вопросъ, совмѣстно съ капитаномъ Роговымъ, поручикомъ княземъ Ураковымъ и Харьковымъ и о мѣрахъ, какія признаются необходимыми, для огражденія имѣющихся за Яикомъ хуторовъ и зимовокъ отъ киргизовъ, немедленно донести. Изъ послѣдовавшаго потомъ отношенія Неплюева въ Военную Коллегію по этому дѣлу видно, что Яицкое войско сильно отставало эти хутора и зимовки, расположенные вверхъ и внизъ по Яику на протяженіи ста верстъ; при этомъ казаки просили, чтобы для безопасности хуторовъ и зимовокъ, имѣ было позволено „отъѣзжіе караулы на степной сторонѣ полуднѣю содержать“. Неплюевъ, согласившись на просьбу казаковъ, писалъ: „хутора же, которые вы безопасными признаете, то они до дальнѣаго въ томъ усмотрѣнія, для показанныхъ вами необходимыхъ нуждъ, по-прежнему, оставляются, ибо ежели изъ сего что предосудительное произойдетъ, въ томъ отвѣтственны остаетесь уже сами вы; но съ тѣмъ, чтобы вы, имѣя отъѣзжіе караулы, хуторовъ пустыми не оставляли и никакимъ бродягамъ и раскольникамъ въ нихъ пристанища не давали“^{b)}. Яицкое войско, получивъ этотъ указъ, командировало 60 казаковъ, которые были разставлены въ шести избранныхъ мѣстахъ между Бударинскимъ и Яицварцевскимъ форпостами^{c)}. Вообще Неплюевъ, устраивая Нижне-яицкую линію укрѣплений, старался дѣйствовать согласно мѣстнымъ условіямъ края и нуждамъ его поселенцевъ; онъ во все входилъ самъ и лично давалъ разныя полезныя указанія и наставленія.

Такимъ образомъ, благодаря стратегическимъ заботамъ Неплюева и частію его предшественниковъ, Оренбургскій край сдѣлался „довольно оборонительнымъ“ и безопаснѣмъ отъ опустошительныхъ набѣговъ и грабежей киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, зюнголовъ и другихъ кочующихъ.

^{a)} Чернов. бум. I. И. Желѣзнова, по описи № 16.

^{b)} Указъ Неплюева 28 сент. 1754 г. за № 416.

^{c)} Урал. Вѣдом. 1868 г., № 23.

ордъ. Вся Башкирия и другія части Оренбургской губерніи были защищены нѣсколькими линіями военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ отъ беспокойныхъ сосѣднихъ ордъ и склонныхъ къ бунтамъ башкирцевъ. Центральнымъ укрѣпленіемъ пунктомъ сдѣлался настоящій Оренбургъ, отъ которого на западъ шла Самарская линія крѣпостей, на югъ—Нижне-яицкая, на сѣверъ—Сакмарская и Орская дистанція Верхне-яицкой линіи, на востокъ—Красногорская дистанція Верхне-яицкой же линіи и Уйская линія, соединявшаяся съ западной Сибирью.

Самарская линія соединяла Нижне-яицкую съ Волгой и отдѣляла башкирцевъ отъ калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ между реками Яикомъ, Самарой и Волгой. Въ составъ ея, кромѣ Самары и пригорода Алексѣевскаго, входило 8 крѣпостей и три редута, которые были расположены въ такомъ порядкѣ по направлению къ Оренбургу: кр. Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, ред. Погромный, кр. Тоцкая, Сорочинская, р. Крестовый, кр. Новосергіевская, р. Плотавскій и крѣпость Переволоцкая^{a)}. Всѣ эти крѣпости, какъ мы уже знаемъ^{b)}, были заведены еще Кирилловымъ, за исключеніемъ Ольшанской, застроенной въ 1741 г. княземъ Урусовымъ, и Новосергіеской, основанной еще В. Н. Татищевымъ въ 1738 г.

Нижне-яицкая линія, начинаясь Чернорѣченской крѣпостью въ 18 верстахъ^{c)} отъ Оренбурга, простидалась до самаго Каспійскаго моря на протяженіи болѣе 700 верстъ. Кромѣ городковъ Гурьева, Кулагина, Калмыкова, Илека и Яицкаго городка (Уральска), она имѣла четыре крѣпости^{d)}: Чернорѣченскую, Татищеву, Нижне-озерную и Разсыпную и 19 казачьихъ форпостовъ^{e)}.

Сакмарская линія получила свое начало и устройство при Неплюевѣ^{f)} и состояла, кромѣ Сакмарского городка, изъ двухъ крѣпостей: Предтеченской и Воздвиженской, и двухъ редутовъ: Никитскаго и Желтаго. Эта линія служила какъ-бы соединительнымъ зве-

^{a)} Кр. Переволоцкая впослѣдствіи была отчислена къ Нижне-яицкой линіи: „понеже отъ нея (говорить Рычковъ) къ Яику рекѣ до Татищевой пристани только 20 в., а до Сорочинской крѣпости, где Самарской дистанціи командиръ находится, около 80 верстъ“. Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 305.

^{b)} См. выше стр. 149.

^{c)} Зимній путь лежалъ чрезъ поѣмныя мѣста, чрезъ которыхъ во время разлива Урала нельзя былоѣздить; почему лѣтняя дорога шла черезъ горы и была на 10 вер. длиннѣе зимняго прямаго тракта.

^{d)} У Рычкова, кромѣ этихъ 4 крѣпостей, къ этой же линіи отнесена и Переволоцкая крѣпость, включенная нами въ Самарскую дистанцію, въ вѣдѣніи которой она первоначально и состояла.

^{e)} См. выше стр. 258 и 259.

^{f)} См. выше стр. 179.

номъ между внутренними крѣпостями Башкирии, основанными еще при Кирилловѣ^{а)}, и военными поселеніями по рѣкамъ Яику и Самарѣ, входя такимъ образомъ и въ связь съ городами: Уфой, Мензелинскомъ, Бирскомъ и Осой.

Верхне-яицкая линія заключала въ себѣ 9 крѣпостей и 16 редутовъ, расположенныхъ на протяженіи $561\frac{1}{2}$ версты. Направляясь отъ Оренбурга на востокъ и частію склоняясь къ юго-востоку, соотвѣтственно течению р. Яика, она отъ Орской крѣпости, какъ и самая рѣка, круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачивала на сѣверъ и шла въ такомъ направленіи до Верхне-яицкой крѣпости. Верхне-яицкая линія крѣпостей раздѣлялась на двѣ дистанціи: Красногорскую и Орскую; первую составляли слѣдующія укрѣпленія^{б)}: редуты Нѣжинскій и Вязовый, крѣпость Красногорская, р. Гирьяльскій^{в)}, крѣпость Озерная, р. Никольскій, кр. Ильинская, р. Подгорный, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. Въ составъ Орской дистанціи входили крѣпости: Орская, редуты Калпацкій и Тераклинскій, кр. Таналыцкая, Урдасымская, ред. Орловскій^{г)}, Березовскій, Урдасымскій^{д)}, Грязнушинскій^{е)}, кр. Кызильская, ред. Сыртенскій и Ангельскій^{з)}, кр. Магнитная и редуты Вехне-Кызильскій и Спасскій, отъ которого до Верхне-яицкой крѣпости считалось 15 верстъ. Всѣ эти укрѣпленные мѣста были устроены Неплюевымъ, за исключеніемъ 4 крѣпостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхне-яицкой, основанныхъ его предшественниками.

Уйская линія шла на протяженіи 753 верстъ и заключала въ себѣ 9 крѣпостей и столько же редутовъ; она начиналась съ Верхне-яицкой крѣпости и оканчивалась Звѣриноголовской, за которой въ 59 верстахъ находилась первая изъ Сибирскихъ крѣпостей, Прѣсногорьковская^{ж)}. Эта линія раздѣлялась, какъ и Верхне-яицкая, на двѣ дистанціи: Верхне-

^{а)} Мы разумѣемъ крѣпости: Табынскую, укрѣпленную Кирилловымъ, Ельдяцкую, Красноуфимскую и Нагайбацкую.

^{б)} Мы приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они шли отъ Оренбурга къ Верхне-яицкой крѣпости.

^{в)} У Н. А. Фирсова ред. Гирьяльскій названъ ошибочно Гильярскимъ. См. Иностранческое населеніе прежняго Казанского царства въ Новой Россіи до 1762 г. и проч.; стр. 334.

^{г)} У Н. А. Фирсова этотъ редутъ пропущенъ, хотя онъ значится и въ „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, и на „Ландкартахъ“ Красильникова, составл. въ 1755 г. См. карт. 9. Предѣл ред. Гирьяльскимъ Н. А. Фирсовъ показалъ редутъ Володимірский, которого мы не нашли ни у Рычкова въ его „Топографії Ор. губ.“, ни въ „Ландкартахъ“ Красильникова.

^{д)} У Красильникова его нѣть, въ „Топогр. Оренб. губ.“. Рычкова, (изд. 1887 г., стр. 336—337) сказано не ясно.

^{е)} У Н. А. Фирсова: „Грязноминскій“.

^{ж)} У Н. А. Фирсова: „Ангельскій“, у Красильникова: „Ангельскій“.

^{з)} У Красильникова: „Прѣсногорская“.

уйскую и Нижне-уйскую: первую составляли 8 укреплений: крѣп. Верхне-яицкая, ред. Свіажскій, кр. Уклы-Карагайская, ред. Ерзединскій, кр. Петропавловская и Степная, редуты Подгорный и Санарскій; въ вѣдомствѣ же Нижне-уйской дистанціи находилось 10 укрепленныхъ мѣсть. крѣпость Троицкая, ред. Ключевской, крѣп. Каракульская, ред. Березовскій, кр. Крутоярская, р. Луговой, кр. Усть-Уйская, р. Кагардыцкій и Озерной, и кр. Звѣриноголовская, отошедшая отъ Сибири къ Оренбургской губерніи въ 1753 году. За исключеніемъ крѣпостей Уклы-Карагайской и Звѣриноголовской, остальная укрепленія по этой линіи были заведены Неплюевымъ.

Отъ Верхне-яицкой крѣпости, кромѣ Уйской линіи, шла еще другая вѣтвь военныхъ поселеній, которая, захватывая съ одной стороны рѣчку Увелку^{a)} и близъ лежащія озера^{b)}, а съ другой р. Міасъ, соединялась черезъ нее съ укрепленными мѣстами какъ по рѣкѣ Міасу, такъ и по р. Исети, а чрезъ послѣднюю, принимающую въ себя съ правой стороны Міасъ и впадающую съ лѣвой—въ Тоболъ, входила въ связь съ укрепленіями по р. Тоболу и съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ. Важнѣйшими укрепленными мѣстами по р. Міасу считались: Челябинскъ, какъ главный пунктъ всей Исетской провинціи, к. Міасская, Окуневскій острогъ, съ приписными къ нему слободами^{c)}, и крѣпость Усть-Міасская, а по р. Исети: Исетскій острогъ, Мехонскій, Красногорскій, Масленскій, Шадринскъ, монастыри; Рафаиловъ и Далматовъ, и слободы: Бешкильская, Ингалинская, Терсюцкая и Борневская. Суммируя все вышеприведенные числовыя данныя, мы узнаемъ, что во всемъ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ было около 114 укрепленныхъ мѣсть, изъ нихъ болѣе половины были основаны, устроены и заселены, благодаря инициативѣ, заботамъ и энергіи этого замѣчательного дѣятеля. Неплюевъ, видно, хорошо сознавалъ горькую истину: «если желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ», а башкирскіе бунты, продолжавшіеся около двухъ вѣковъ, еще болѣе должны были убѣдить его въ необходимости этой предосторожности. Въ 1755 году, по случаю башкирскаго бунта, какъ увидимъ дальше, Неплюевъ долженъ былъ признать, что и этихъ крѣпостей было недостаточно, для удержанія башкиръ

^{a)} Лѣвый притокъ р. Уя. На Увелку наход. кр. Кичигина, а при впаденіи Коелги въ Увелку крѣпость Коельская.

^{b)} Озеро Эткуль съ кр. Эткульской; озеро Чебаркуль съ кр. Чебаркульской.

^{c)} Каравеевской, Чумляцкой (на р. Міасѣ), Теченской (р. Течь, впад. въ Исеть съ правой стороны), Песчанской (на озерь Песчаномъ) и Буткинской (на р. Будгѣ).

въ покорности, и потому на рѣчкѣ Зелайрѣ, впадающей въ Сакмару, заложилъ новую крѣпость, названную по имени рѣки Зилаирскою.

Для заселенія укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ были назначены ландмилицкіе полки, оберегавшіе раньше старую Закамскую линію, а также—Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки и Оренбургскіе казаки. Ландмилицкихъ полковъ было четыре: Шешминскій, Билярскій, Сергіевскій и Алексѣевскій; они были скомплектованы въ силу указа 19 февраля 1731 года. Первые два полка, Шешминскій и Билярскій, были сформированы изъ служилыхъ людей Закамскихъ при-городовъ: Старо-шешминска, Ново-шешминска, Билярска, Ерыклинска, Тіинска и Алексѣевска; число ихъ простидалось до 5000 душъ; всѣ способные изъ нихъ къ службѣ были поверстаны въ эти полки поголовно, а на будущее время положено пополнять ихъ дѣтьми служащихъ въ нихъ солдатъ. Другіе два полка: Сергіевскій и Алексѣевскій были организованы изъ «изъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей», которые были раньше городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами и копѣйщиками, а въ 1724 г. названы государственными крестьянами и положены въ подушный окладъ^{a)}; съ 1731 г., когда велѣно было сформировать изъ нихъ два ландмилицкіе полка, приказано высочайшимъ указомъ: „государственными крестьянами ихъ не писать и не называть, а быть имъ, по-прежнему, въ службѣ“^{b)}. Сначала всѣ четыре ландмилицкіе полка предназначались для охраны Черемшанской, или Ново-закамской линіи, которой положено было начало въ 1730 г., подъ наблюдениемъ тайного совѣтника Наумова^{c)}; но съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, эта линія была признана не нужною. Тогда эти полки положены было перевести на Самарскую и Яицкую линіи, вдоворивъ ихъ тамъ съ семьями и позволивъ возвращаться на прежнія мѣста только отставнымъ изъ полковъ Алексѣевскаго и Сергіевскаго. По проекту Татищева, какъ мы знаемъ, предположено было заселить ландмилицкими полками и Нижне-яицкую линію; но Неплюевъ, ввѣривъ охраненіе нижняго теченія Яика, Яицкому войску, нашелъ наиболѣе полезнымъ воспользоваться ими для заселенія и обороны крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ, Сакмарѣ, верхнему течению Яика, Ую и др. мѣстамъ. Кромѣ ландмилицкихъ полковъ, другимъ матеріаломъ для заселенія укрѣпленныхъ пунктовъ въ странѣ служили Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки, сформированные, по предста-

^{a)} П. С. Зак., № 9399. Указъ Сената отъ 5 мая 1747 г.

^{b)} Всѣхъ ихъ было болѣе 29000 душъ; въ службу брали одного изъ 30.

^{c)} О напр. этой линіи см. въ „Топогр. Оп. губ.“, ч. II, стр. 110; и Татищева: „Лексиконъ Россійскій“, ч. III, 12.

вленію Кириллова, въ 1735 и 1736 г. изъ городовыхъ служилыхъ людей Уфы, Бирска и Мензелинска, а также изъ сибирскихъ недорослей. Но при Кирилловѣ и Татищевѣ переселеніе ландмилицкихъ и горнizonныхъ полковъ, по причинѣ башкирскихъ бунтовъ, шло чрезвычайно медленно и тягото, при томъ-же и сами служимые люди, изъ которыхъ сформированы были эти полки, весьма неохотно оставляли свои прежнія жилища. При Урусовѣ, согласно его представленію, высочайше повелѣно было поселить означенные полки въ теченіи трехъ лѣтъ на новыхъ мѣстахъ; исполнителемъ этого повелѣнія пришлось быть Неплюеву, чѣмъ онъ и занялся немедленно, по прибытии въ Оренбургскій край: „всѣ годные къ службѣ поселены по линіи, а престарѣлые и увѣчные и отставные разселялись по другимъ мѣстамъ Оренбургской губерніи, а самые малолѣтніе опредѣлялись въ школы ^{б)}“ учрежденныя въ Бирскѣ и Мензелинскѣ, въ которыхъ должны были обучаться на коштѣ отцовъ. Шешминскій ландмилицкій полкъ, какъ мы уже знаемъ ^{с)}, былъ поселенъ въ крѣпостяхъ по Сакмарской линіи, а для Исетской провинціи Неплюевъ сформировалъ, на подобіе ландмилицкихъ полковъ, особую пѣхотную роту изъ дѣтей отставныхъ драгунъ и служилыхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ этой провинціи и неположенныхъ въ подушный окладъ. Обязанности этой роты состояли въ содержаніи карауловъ, въ конвоированіи денежной казны и въ отправленіи другихъ внутреннихъ службъ; она должна была пополняться дѣтьми записанныхъ въ нее служилыхъ людей и волонтерами изъ казачьихъ дѣтей ^{д)}. Но Неплюевъ всрѣтилъ затрудненіе относительно содержанія ландмилицкихъ и горнizonныхъ полковъ. По штату 1736 года, на содержаніе четырехъ ландмилицкихъ полковъ велѣно отпускать 46,196 рублей въ годъ, а два драгунскія полка, въ силу указа 31 мая 1740 года, предписано содержать „изъ провіантской суммы на счетъ собираемаго съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ и иновѣрцевъ провіанта“. Но содержаніе, назначенное для ландмилицкихъ полковъ, какъ оказалось, было недостаточно, а главное—высыпалось изъ Штатско-конторы неаккуратно; что же касается драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ, то вслѣдствіе того, что сборъ провіанта съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ указомъ 15 октября 1742 года велѣно было „отставить“, они некоторое время, за неимѣніемъ другихъ источниковъ содержанія, вовсе оставались безъ пособія отъ казны. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ въ 1743 году просилъ Сенатъ объ устраненіи такого ненормального положенія

^{а)} П. С. Зак., № 9399.^{б)} Н. А. Оирсовъ. „Инородч. населеніе преж. казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г.“ и проч., стр. 338.^{с)} П. С. Зак., № 8783.^{д)} Тамъ же, № 9447.

въ продовольствіи полковъ, и Сенатъ опредѣлилъ: „производить имъ оѣзжское жалованье, кромѣ тѣхъ командъ, кои будутъ по Самарѣ внутрь Башкирии, до тѣхъ поръ, пока оныя команды въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселятся и прямими гарнизонами быть станутъ и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодий и прочаго къ содержанію своему удовольствіе получать“^{a)}. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ распорядился, чтобы эта прибавка жалованья, какъ и ординариое гарнизонное содержаніе, была производима и доставляема Неплюеву изъ доходовъ Казанской губерніи. Прошло три года, а Неплюевъ не получалъ ни содержанія для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, ни прибавки къ жалованью ландмилицкимъ полкамъ; приходилось такъ или иначе самому найти источникъ для содержанія этихъ полковъ. Обративъ на расходы по содержанію полковъ осмѣгравенный сборъ съ тептиярь и бобылей, равнявшійся каждогодно 22,909 руб. 60 коп., а также 2072 руб. 40 коп. годового подушнаго сбора съ сходцевъ изъ разныхъ уѣздовъ, поселенныхъ на новой Московской дорогѣ, и часть пошлинныхъ, откупныхъ и другихъ доходовъ,—имѣя въ виду этотъ источникъ, Неплюевъ въ 1747 году снова просилъ Сенатъ о высылкѣ къ нему за прежніе годы и напредъ прибавки къ обыкновенному жалованью, которая была опредѣлена Сенатомъ и которой Неплюевъ не нашелъ возможнымъ производить изъ мѣстныхъ доходовъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Сенатъ затребовалъ отъ Неплюева соображеній, какія изъ командъ, расположенныхъ въ Оренбургской губерніи, наиболѣе нуждаются въ прибавкѣ къ жалованью, которая бы уравняла ихъ содержаніе съ оѣзжскими гарнизонами. Неплюевъ не замедлилъ донести Сенату, что, по его мнѣнію, означенная добавка къ жалованью необходима для всѣхъ командъ Оренбургской губерніи, какъ по отдаленности ея отъ центральной Россіи, такъ и по причинѣ происходящей отъ того дороговизны на хлѣбѣ и другіе необходимые предметы къ содержанію; что „безъ этой додачи они, находясь во всегдашнихъ трудахъ и осторожностяхъ, претерпѣваютъ крайнѣйшія нужды“. Неплюевъ допускалъ исключеніе только для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, расположенныхъ и поселенныхъ по Уфимской линіи: „ибо оные отъ хлѣбныхъ мѣстъ не въ дальности, и къ хлѣбопашству на весьма добрыхъ мѣстахъ находятся“. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, согласно представленію Неплюева^{b)}.

Съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, оказалось недостаточнымъ для заселенія и обороны ихъ четырехъ ландми-

^{a)} П. С. Зак., № 9447. ^{b)} П. С. Зак., № 9484.

лицкихъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Поэтому приходилось наряжать, въ помощь имъ, регулярные полки изъ внутреннихъ губерній Россіи; но ихъ пребываніе въ Оренбургской губерніи не могло быть постояннымъ: они нужны были и внутри государства и на другихъ его окраинахъ, особенно на западной границѣ. Неплюевъ сознавалъ, что необходимо было создать такую военную силу, которая бы могла быть водворена на постоянное жительство въ полинейныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края,—такой силой, по его мнѣнію, могло быть Оренбургское казачье войско, на которое онъ и обратилъ свое вниманіе.

Вопросъ о началѣ и происхожденіи Оренбургскаго казачьяго войска принадлежитъ къ числу мало разработанныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ въ исторіи Оренбургскаго войска, которое оказалось не мало услугъ для Россіи, въ военномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, какъ внутри, такъ и внѣ Оренбургскаго края. Полковникъ Хорошхинъ относитъ начало образованія Оренбургскаго казачьяго войска ко времени управления краемъ Неплюева, именно къ 1755 году; въ своемъ трудѣ о казачихъ войскахъ онъ говоритъ: „въ 1755 году Оренбургскій корпусъ доведенъ до тысячичаго состава и всѣ казаки, находящіеся въ Оренбургской губерніи, подчинены одному атаману, чѣмъ и положено собственно начало Оренбургскому казачьему войску“^{a)}. Другіе, на основаніи показаній Рычкова, утверждаютъ, что „начало Оренбургскому казачеству положилъ Кирилловъ, когда въ основанныя имъ крѣпости стала принимать на житье и на службу разнаго рода охотниковъ, большую частію, изъ сходцевъ или бѣглыхъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія“^{b)}. Считая мнѣніе г. Хорошхина не выдерживающимъ исторической критики, мы не можемъ безусловно принять и втораго мнѣнія, то есть, что Оренбургскіе казаки зачались съ Кириллова. Извѣстно, что всѣ казачьи общины возникали не искусственно, а добровольно, являемась надежнымъ оплотомъ противъ враговъ на окраинахъ Россіи, по своей личной иниціативѣ. Оренбургское казачье войско, безъ сомнѣнія, образовалось изъ тѣхъ же элементовъ, кои послужили основаніемъ и для прочихъ казачихъ общинъ. Съ подчиненіемъ Московскому государству въ 1552 г. Казани и въ 1554 г.—Астрахани, Россія пріобрѣла въ свое владѣніе все теченіе рѣки Волги съ прилежащими къ ней землями, обитателями которыхъ были племена финскаго и тюрко-монгольского происхожденія. Первыми поселенцами изъ русскихъ на берегахъ

^{a)} Казачьи войска. Опытъ военно-статист. описанія 1881 г., стр. 37.

^{b)} Н. А. Фирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 340. Слич. Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 166,—См. также рапортъ генераль-майора Жуковскаго, поданный Оренб. генераль-губернатору Перовскому 25 марта 1852 г. за № 183.

гахъ Волги были казаки, въ собственномъ значеніи этого слова^{a)}, которые долго противились законной власти Московскаго правительства и водворенію гражданственности въ Поволжье. Извѣстно, что они нерѣдко занимались грабежомъ на Волгѣ частныхъ и казенныхъ торговыхъ судовъ, отправлявшихся съ товарами въ Астрахань, почему правительство нашло необходимымъ давать въ провожатые торговымъ караванамъ вооруженныхъ стрѣльцовъ. Такъ посолъ Савастьянъ, отправленный въ 1551 г. къ астраханскому царю, доносилъ, что на ихъ караванѣ на пути изъ Казани въ Астрахань, „противъ Иргизскаго устья, въ стругѣхъ пришелъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личуга хромой, путивлецъ“, которые овладѣли Ямгурческимъ судномъ и убили при этомъ всѣхъ, находившихся на немъ, людей^{b)}. Царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный не разъ посыпалъ для усмиренія и наказанія воровскихъ казаковъ регулярныя войска, но казаки не унимались.

Дѣйствуя подъ русскимъ знаменемъ, казаки особенно были страшны для ногайцевъ. Еще въ малолѣтство Грознаго ногайскіе князья и мурзы жаловались въ своихъ грамотахъ къ Московскому Царю, что мещерскіе и касимовскіе казаки нападаютъ на нихъ и «ежегодѣ отгоняютъ отъ нихъ и крадутъ животину, деньги и людей»^{c)}. Жалобы эти повторяются и послѣ, съ указаніемъ на число уведенныхъ казаками и севрюками лошадей и людей („паробковъ“), причемъ ногайцы^{d)} просить Государя «унять» казаковъ. Въ 1577 году ногайскій князь Тинахметъ жаловался русскому послу, что „въ Сарайчикѣ приходили государскіе люди и надѣ его мертвымъ отцомъ изругались“^{e)}. Въ 1581 г.^{f)} казаки снова напали на Сарайчикъ и, овладѣвъ имъ, перебили жителей, сожгли городъ и даже разорили ногайскія кладбища^{g)}. Послѣ этого погрома, ногайцы стали говорить, что имъ самимъ и „животинѣ“ ихъ отъ русскихъ казаковъ „на Лику и на Волгѣ добрѣ тѣсно“^{h)}. Московское правительство, которое нерѣдко и само терпѣло непрѣятности отъ казаковъ, старалось утилизировать ихъ набѣги на ногайцевъ и другія кочующія орды

^{a)} Слово „козакъ“, а не „казакъ“, какъ теперь говорятъ и пишутъ, чисто татарское и первоначально означало вольного, бездомного бродягу, а потомъ — низшій родъ воиновъ, набраныхъ изъ бродягъ. Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 10.

^{b)} Росс. Вивліоика, ч. XXIX, стр. 190 и 210. Перетятковичъ: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 285.

^{c)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в.; Москва, 1877 г., стр. 304.

^{d)} Росс. Вивл. ч. XXVII, стр. 249, 291, 308, 314 и 320; ч. XXVIII, стр. 33, 50, 255.

^{e)} Тамъ же, ч. XXXI, стр. 179.

^{f)} А не въ 1580 году, какъ показано въ книгѣ Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 94.

^{g)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 305.

^{h)} Тамъ же.

въ свою пользу. Такъ, когда крымскіе царевичи, вмѣстѣ съ 15 тысячами ногайцевъ, вторглись въ русскіе предѣлы и произвели опустошеніе, Московскій Царь пригрозилъ имъ русскимъ казакамъ. Къ Урусу была послана изъ Москвы грамота, въ которой, между прочимъ, было сказано: „Мы за такія ваши неправды и грубость предъ нами позволимъ васъ самихъ воевать и ваши улусы *казакамъ* астраханскимъ, и волжскимъ, и донскимъ, и казанскимъ, и мещерскимъ, и надъ вами надъ самими и не таковую досаду учинять; и намъ уже нынче *своихъ казаковъ* *унять немочно*“^{a)}. Эта угроза тѣмъ болѣе должна была имѣть значеніе, что зажиточные изъ ногайцевъ были недовольны своимъ *нурадыномъ*^{b)}. Урусымъ за то, что онъ „переграбилъ русскихъ пословъ, отстаетъ отъ Государя и хочетъ за- воеваться съ нимъ; „а только (говорили они) *государь величъ казакамъ* отняти у насъ Волгу, и Самару, и Яикъ—и намъ, де, *всъмъ отъ казаковъ пропасти*: улусы наши, и женъ, и дѣтей поемлють и намъ гдѣ ся дѣти“^{c)}.

Московское правительство, не желая допускать перехода ногайцевъ въ Крымъ, давно было озабочено устройствомъ крѣпостей въ низовьяхъ Волги; того же желалъ и ногайскій хань Измаилъ, такъ-какъ усиленіе крымскаго хана новыми улусами было противно его интересамъ. Не располагая самъ достаточными для того средствами, Измаилъ просилъ московскаго государя еще въ 1555 году, чтобы онъ приказалъ поставить «на *всѣхъ перевозахъ* (чрезъ Волгу) *по двѣсти человѣкъ*», дабы враги «не пришли водянымъ путемъ». Въ слѣдующемъ году Измаилъ обратилъ вниманіе Грознаго и на тѣ пункты на Волгѣ, въ которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало построить города и поставить воеводъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы враждебные ему мурзы, «отгнавши» отъ него, не переходили черезъ Волгу ни съ правой стороны на лѣвую, ни обратно; Измаилъ указывалъ на устье р. Самары, на Переволокъ (отъ Волги къ Дону) и на р. Иргизъ^{d)}. Желаніе Измаила вполнѣ отвѣчало и стремленіямъ Московскаго правительства, которое, помимо огражденія ногайскихъ интересовъ, близкихъ въ это время и для Москвы, надѣялось чрезъ построеніе городовъ въ отмѣченыхъ мѣстахъ ослабить, если не вовсе прекратить, грабежи казаковъ, нападавшихъ на торговые караваны и суда, шедшіе изъ Казани въ Астрахань и обратно. Поэтому Грозный отвѣчалъ

^{a)} Тамъ же, стр. 306.

^{b)} Нурадынъ—второе лицо послѣ хана въ ногайской ордѣ; сановникъ же, слѣдующій за нимъ, назывался кекковатъ.

^{c)} Тамъ же, стр. 305 и 306.—Ср. Арх. Мин. И. Д., рук. № 9, л. 157; № 10, л. 140 и 265.

^{d)} Росс. Вивл., ч. XXIX, стр. 190—210.

Измаилу, что онъ «*въ тѣхъ мѣстахъ, учили крѣпости, велить многимъ людямъ^{a)} стояти и беречи бѣглыхъ мурзъ накрѣпко*». Но начавшаяся съ Ливоніей война отвлекла вниманіе Грознаго,—и постройка городовъ на Волгѣ была отложена на неопределеннное время. На волжскую Пере-волоку былъ посланъ атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, а на р. Иргизъ стрѣлецкій сотникъ Степанъ Кобелевъ «*со многими людьми*», которымъ было приказано стоять на Волгѣ до осени и „беречи Нагай отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ...», чтобы имъ лиха не было^{b)}; помочь Измаилу въ его борьбѣ съ непріятелями и перевозить пословъ^{b)}. Но казаки—разбойники, обманомъ заманивъ къ себѣ Ляпуна Филимонова съ его товарищами, всѣхъ перебили ихъ^{c)}. Послѣ этого Грозный еще болѣе убѣдился въ необходимости построенія городовъ на Волгѣ; но и на этотъ разъ ему помѣшала война съ Швеціей и Польшей. На Волгѣ и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ были пока учреждены сторожи съ *станичными головами*, вожами, а позднѣе съ *стоялыми* головами, „которые своими разѣздами должны были обхватывать все пространство отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца^{d)}. Но всѣ эти палліативныя мѣры не достигали желаемой цѣли.—Въ послѣдніе годы царствованія Грознаго казачьи разбои и грабежи усилились до того, что отъ нихъ терпѣли не только торговья суда, а и царскіе послы^{e)}.

Вскорѣ, по завоеваніи Казани и Астрахани, на берегахъ средней Волги возникаютъ русскіе городки: Чебоксары, Кокшайскъ^{f)}, Козмодемьянскъ, Тетюши, а нѣсколько позднѣе—Цивильскъ, Царевококшайскъ и др.^{g)}; на нижней же Волгѣ не было ни какихъ укрѣплений, которыя бы сдерживали набѣги кочующихъ здѣсь ордъ и мѣшали грабежамъ воровскихъ казаковъ. Самымъ любимымъ и наиболѣе безопаснымъ мѣстопребы-

^{a)} Тамъ же, стр. 215—216. Слич. Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 285—286.

^{b)} Тамъ же, стр. 286. Ср. Ник. лѣт. VII, 1557 г., стр. 278—279; Росс. Вивл. ч. XXIX, стр. 253—254.

^{c)} Тамъ же, стр. 286—287.

^{d)} И. Д. Бѣляевъ: „*О станичной и сторожевой службѣ*“. См. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 г., IV, стр. 21—22.

^{e)} См. выше стр. 283.

^{f)} Городъ Кокшайскъ, основанный въ 1574 году, не должно смѣшивать съ Царевококшайскомъ. Кокшайскъ находится на мѣстѣ нынѣшняго села Кокшайского Большѣ-Шигаевской волости, Царевококшайского уѣзда. Село Кокшайское расположено на луговой сторонѣ Волги, ниже Маринского Посада, верстъ на 5; верстъ на пять ниже Кокшайского впадаетъ въ Волгу р. Малая Кокшага, а на полверсты выше села—Большая Кокшага; отъ села до Волги также не болѣе полуверсты. До Царевококшайска отъ села Кокшайского считается 60 верстъ по прямой линіи на СВ.

^{g)} Основаніе Чебоксаръ относится къ 1555 г. а основ. Козмодемьянска и Тетюшъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго. Въ разрядныхъ книгахъ впервые упоминается о Тетюшахъ подъ 1578 годомъ. См. Поволжье въ XV и XVI в., Перетятковича, стр. 237—239 и 241. Ср. Древніе города и др. булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. С. М. Шипилевскаго, стр. 96 и 322.

ваніемъ казаковъ-разбойниковъ сдѣлались Жегулевскія горы, составляющія правый берегъ Волги отъ деревни Морквашъ и села Жегули^{a)} до Самары. Въ чащѣ лѣсовъ и въ глубинѣ пещеръ этихъ живописныхъ горъ, воровскіе казаки находили надежный и удобный для себя пріютъ, а съ вершинъ ихъ величавыхъ и высокихъ утесовъ они могли наблюдать за появлениемъ на Волгѣ торговыи каравановъ и царскихъ судовъ. Замѣтивъ идущія по Волгѣ суда, они спѣшили къ своимъ легкимъ челнамъ и плыли на нихъ по р. Усѣ^{b)} до того мѣста, гдѣ нынѣ находится село Переволовка^{c)}; затѣмъ *переволакивались* на Волгу и неожиданно нападали на царскія и купеческія суда и грабили ихъ.

Мѣстные жители сель и деревень, находящихся въ Самарской лукѣ, и понынѣ указываются на нѣкоторые притоны казаковъ-разбойниковъ; такъ крестьяне селеній Ермаковки и Кольцовки указываются тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ Ермакъ Тимофеевичъ, завоеватель Сибири, и его сподвижникъ Иванъ Кольцо, о которомъ не разъ упоминается въ своихъ грамотахъ и Грозный, какъ обѣ особенно энергичномъ атаманѣ воровскихъ казаковъ^{d)}.— Въ виду столь важнаго значенія для воровскихъ казаковъ этой мѣстности, Московское правительство и обратило свое вниманіе прежде всего на Самарскую луку. Въ 1586 г., при устьи р. Самарки, положено было основаніе городу Самарѣ^{e)}; затѣмъ вскорѣ возникаютъ города Царицынъ^{f)} и Саратовъ^{g)}, а въ XVII в. Симбирскъ и Сызранъ^{h)}.

Одновременно съ основаніемъ Самары и Саратова въ Самарской луке возникъ Сызрань

^{a)} Деревня Морквашъ находится на правомъ берегу Волги версты на двѣ выше г. Ставрополя, а въ пяти верстахъ отъ Морквашъ—село Жегули. Деревни „Морквашъ“ не нужно смѣшивать съ селомъ „Морквашъ“, находящемся также на правомъ берегу Волги, верстъ на 12 выше Казани. Село Морквашъ очень древнее: о немъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ концѣ XIV в. См. Полн. Собр. Лѣт., т. VIII, стр. 21, подъ 1374 г. Ср. „Поволжье“. Перетятковича, стр. 241 и 244.

^{b)} Рѣка Уса впадаетъ въ Волгу въ сѣверной части Самарской луки, близъ села Усолья; она перерѣзываетъ Самарскую луку почти поперегъ и въ южной ея части приближается къ Волгѣ.

^{c)} Переволовка—большое село, Сызранского уѣзда, находящееся на правомъ берегу Волги, верстъ на 90 ниже Самары.

^{d)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 312. Арх. Мин. Ип. Дѣль, рук. № 10, л. 163 и 258. Ср. Гор. пос. Росс. Импер. IV, стр. 540.

^{e)} Тамъ же, стр. 314. Крымскія дѣла 1586—1587 г., въ Арх. Мин. Ип. Дѣль, л. 11, 13, 36. Ср. И. Гос. Росс. Карагизина, т. X, пр. 40.

^{f)} Время основанія Царицына, построеннаго на мѣстѣ татарскаго городка Сарайчины (желтый песокъ), съ точностью не известно; но несомнѣнно, что онъ возникъ вскорѣ послѣ Самары и раньше Саратова, основаніе котораго относятъ къ 1590—1592 г.

^{g)} Первоначальный Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, при владеніи въ нее рѣчки Саратовки, верстъ на десять или двѣнадцать выше нынѣшняго Саратова, основаннаго въ 1605 году. См. „Иллюстр. Спутникъ по Волгѣ“, С. Монастырская г. Казань, 1884 г., ч. II, стр. 232.

^{h)} Годъ основанія этихъ городовъ тоже съ точностью не опредѣленъ; несомнѣнно одно, что Симбирскъ старше Сызраны лѣтъ на 40. Перетятковичъ въ своемъ изслѣдованіи: „Поволжье въ XV и XVI в.“ относить основаніе Симбирска то къ 1646 г. (стр. 321), то къ 1648 г. (стр. 317), равно какъ и основаніе Сызраны—то къ 1683 г. (стр. 317), то къ 1685 г. (стр. 242).

Устройство русскихъ городовъ на берегахъ Волги и ея притокахъ^{a)}, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало недовольство со стороны коренныхъ обитателей края, особенно со стороны ногайцевъ. Въ сентябрѣ 1586 года ногайскій нурадынъ князь Урусь отправилъ въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ и крымскому царевичу Муратъ-Гирею, жившему въ Астрахани^{b)}, своихъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ ногайскими мурзами, настаиваетъ на томъ, чтобы русскіе снесли городъ Самару, угрожая въ противномъ случаѣ его разоренiemъ^{c)}.—Муратъ-Гирей, по просьбѣ русскихъ воеводъ, пригласилъ пословъ Уруса къ себѣ на обѣдь и заявилъ имъ о власти, данной ему русскимъ Государемъ надъ рѣками Терекомъ, Дономъ, Яикомъ и Волгою. Указывая на вновь построенные русскими города на Волгѣ и ея притокахъ, Муратъ-Гирей, по внушенію воеводъ, заявилъ, что тѣ города построены „по его къ Государю чelобитью“. Муратъ-Гирей, обратившись къ посламъ Уруса, сказалъ: „писалъ ко мнѣ Урусь князь, что ему отъ воровъ, отъ казаковъ—великая тѣснота, и я Государю бильтъ чelомъ, и Государь для моего чelобитья и оберегающи Уруса князя и всѣхъ мурзъ, и хотя видѣти князя Уруса такъ, какъ Измаила князя, да велъко поставити города на Самарѣ и на Бѣлой Воложскѣ на Уфѣ; да и впредь Государю городъ ставити... гдѣ ему надобѣ. И для чего Урусь князь велитъ города разрушити?.. отъ государевыхъ городовъ убытокъ ему нѣтъ, а прибыли много: казаки егоничимъ не тронутъ... Говорю вамъ правду по своей вѣрѣ по мусульманской. Не дуруй, князь Урусь да и вы... государевымъ жалованьемъ есть у насть здѣсь многая рать огненаго бою... который будетъ не въ правдѣ—и къ Государю не отпишу да велю разорити“^{d)}. Послы отвѣчали царевичу: „вѣдаетъ Государь, Богъ да ты, чтѣ Государь ни повелитъ да и вы, такъ и сдѣлаемъ, буди повелѣніе Государево и ваше“^{e)}.—Надѣливъ пословъ Уруса „царскимъ жалованьемъ“, Муратъ-Гирей отправилъ съ ними отъ себя грамоты къ Урусу и къ ногайскимъ мурзамъ^{f)}.

Въ то же время ногайскіе послы являлись и къ Московскому царю,

^{a)} Въ 1557 г. на берегахъ Камы былъ основанъ Лайшевъ, а въ 1586 г., одновременно съ Самарой, на р. Бѣлой—г. Уфа.

^{b)} Муратъ-Гирей, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Саадатъ-Гиреемъ, бѣжалъ изъ Крыма, спасаясь отъ своего родственника, который, съ помощью Турецкаго султана, овладѣлъ Крымскимъ ханствомъ. Въ Россіи ихъ приняли хорошо; Муратъ-Гирей былъ водворенъ въ Астрахани, гдѣ окружили его большими почетомъ, взявъ съ него обѣщаніе помочь Московскому царю противъ Крыма и другихъ его непріятелей. См. въ изслѣдованіи Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 315.

^{c)} Тамъ же, стр. 314.

^{d)} Тамъ же, стр. 316 и 316. Арх. М. Иностр. Дѣлъ. Крымскія дѣла 1586 г., л. 12—18.

^{e)} Тамъ же, стр. 316.

^{f)} Тамъ же.

съ изъявленіемъ своего неудовольствія на заведеніе новыхъ городовъ на Волгѣ. Отпушка ихъ изъ Москвы, Царь Феодоръ Ioанновичъ отправилъ съ ними и нѣсколько боярскихъ дѣтей, во главѣ съ Феодоромъ Гурьевымъ, и 23 сентября 1586 г., между прочимъ, писалъ: «*въ новый Самарскій городокъ*» воеводѣ князю Григорию Осиповичу Засѣкину: «И какъ Федоръ Гурьевъ съ товарищи и съ ногайскими послы въ Самарскій городокъ пріѣдутъ, и ты бы ихъ отпустилъ къ Астрахани»^{a)}.

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что Самара была основана не позже 1586 г.; тогда же были поселены въ Самарскомъ городкѣ и «*служилые жалованые люди*»: 200 казаковъ, 65 иноземцевъ и 33 ч. дворянъ^{b)}. Эта горсть храбрыхъ людей, увеличиваясь постепенно въ своемъ составѣ, оберегала не только Самарскій городокъ, но и смежная съ нимъ земли отъ набѣговъ и грабежей кочевниковъ. Въ концѣ XVII вѣка Самарскіе казаки были награждены за свои заслуги землями, а въ 1735 году получили и особое знамя^{c)}. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую экспедицію, безъ сомнѣнія, воспользовался Самарскими казаками для рекогносцировокъ заранѣе хорошо имъ извѣстной мѣстности, при выборѣ удобныхъ для крѣпостей пунктовъ, въ топографическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ: самъ Кирилловъ, конечно, не могъ бы такъ хорошо и быстро ориентироваться въ совершенно неизвѣстномъ ему дотолѣ краѣ, какъ справедливо замѣтилъ С. Н. Севастьяновъ въ своемъ рефератѣ: «*Къ вопросу объ образованіи Оренбургскаго казачьяго войска*»^{d)}. Съ построениемъ первоначального Оренбурга, или нынѣшняго Орска, Самарскіе и Алексѣевскіе казаки были переведены на службу въ Оренбургъ, сдѣлавшись, такъ сказать, ядромъ Оренбургскаго казачьяго войска, на что, между прочимъ, указываютъ и вещественные памятники старины: въ числѣ знаменъ, хранившихся въ штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска, имѣются пять знаменъ и одиннадцать значковъ, пожалованныхъ Самарскимъ и Алексѣевскимъ казакамъ въ 1734 и 1735 годахъ^{e)}. Въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска также вошли Уфимскіе, Исетскіе, Донскіе^{f)} и частію Яицкіе казаки^{g)}, съ примѣсью татаръ, башкиръ, мещеряковъ и калмыковъ. 27 июля 1744 года состоялся высо-

^{a)} Стариковъ: «*Откуда взялись казаки*», стр. 167—168.

^{b)} Рычковъ. Топogr. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 309.

^{c)} Указы 15 мая и 16 юля 1735 г.

^{d)} Оренб. Листокъ за 1889 г., № 6. Протоколъ I очередного засѣданія Оренб. ученой арх. комиссіи, 31 января 1889 г.

^{e)} Волжскій Вѣстникъ 1889 г., № 104, стр. 3.

^{f)} Стариковъ: «*Откуда взялись казаки*», стр. 173, 174.

^{g)} Сакмарскій городокъ и Верхнеозерная крѣпость были заселены добровольцами изъ Яицкаго войска.

чайшій указъ о зачисленіи въ Оренбургское казачье войско всѣхъ прі-
шельцевъ, поселившихся въ крѣпостяхъ Оренбургской губерніи; сюда же
были переселены казаки съ Закамской линіи изъ редутовъ: Липовскаго,
Тархановскаго, Хорошевскаго и фельдъ-шапцевъ: Кичуйскаго,
Черноярскаго, Шеминскаго и друг. Казаки, живши по крѣ-
постямъ, назывались крѣпостными и управлялись комендантами, а тѣ,
которые жили въ городахъ и слободахъ, имѣли выборное начало и упра-
влялись атаманами и старшинами.

Въ 1755 году высочайше былъ утвержденъ штатъ Оренбургскаго
казачьяго войска, составленный Неплюевымъ; тогда же причислены были
къ Оренбургскимъ казакамъ и Исетскіе казаки, въ количествѣ тысячи
человѣкъ^{a)}, кромѣ отставныхъ и малолѣтковъ. По штату 1755 года въ
Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ считалось всего 5597 чел., изъ нихъ
1797 чел. были на жалованьи^{b)}. Во главѣ управлениія былъ поставленъ
войсковой атаманъ, имѣвшій тѣ же права и обязанности, какъ и атаманъ
Яицкаго войска, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору^{c)}.
Въ 1756 г. даны были особые военные значки и знамена Оренбургскимъ
казакамъ. Въ штабѣ Оренбургскаго войска доселѣ хранится: одно войско-
вое знамя, одно полковое, пожалованное Оренбургскому непремѣнному полку
21 мая 1756 г., и девять военныхъ значковъ, данные тогда же^{d)}. Такимъ
образомъ мы видимъ, что Оренбургское казачье войско не было создано
искусственно чьей-либо административной рукой, а что оно постепенно
слагалось изъ тѣхъ же смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей, какъ и прочія
казачьи общини, имѣя въ своей сѣдой старинѣ кровное родство и съ
Донскими казаками, и съ подвижниками Ермака Тимофеевича, отъ кото-
рыхъ произошли Исетскіе казаки, вошедшіе въ составъ Оренбургскаго
войска; но до построенія Оренбурга Оренбургскіе казаки были извѣстны
подъ другими именами; название же (а не люди) «*Оренбургскіе казаки*»
впервые является при Кирилловѣ; Неплюевъ даетъ Оренбургскимъ каза-
камъ правильную военную организацію, но не онъ *de facto* полагаетъ
начало этому войску, какъ думаетъ г. Хорошинъ.

Дѣятельность Неплюева, по устройству крѣпостей и оборонѣ края, не
осталась безъ вліянія и на проведеніе Сибирской линіи укрѣплений. Сознавая
необходимость соединенія Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирью, Неп-
люевъ вскорѣ, по прибытии въ Оренбургъ, вошелъ въ соглашеніе съ сибирскимъ

^{a)} Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 174.

^{b)} А не 1000 чел., какъ утверждаетъ полковникъ Хорошхинъ, см. выше стр. 282.

^{c)} Рябининъ: „Уральское казачье войско“. Приложение № 5. Указъ В. Колл.
14 апрѣля 1755 г.

^{d)} „Волжскій Вѣстникъ“ 1889 г., № 104, стр. 3.

губернаторомъ Сухаревымъ^a, относительно этого соединенія, и въ 1743 году представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ говорить о необходимости устройства крѣпостной линіи отъ р. Тобола, начиная съ старого Утаяцкаго форпоста, на Коркину Слободу, а отсюда — къ Иртышу на Чернолуцкую Слободу^b, съ цѣлью «закрытия сибирскихъ мѣстъ отъ набѣговъ со киргизъ-кайсацкой стороны». Сенатъ предписалъ генераль-маюру Сухареву, чтобы онъ лѣтомъ 1744 года лично осмотрѣлъ означенную мѣстность и назначилъ, гдѣ „крѣпостямъ и между оными редутамъ и маякамъ быть, и всему оному расположению чрезъ геодезистовъ учинить карту“. Сухаревъ, вместо личного осмотра мѣстности, поручилъ это дѣло капитану Новоселову, который, при помощи командированныхъ съ нимъ геодезистовъ, составилъ описание и ландкарту осмотрѣнныхъ имъ мѣстъ и 32 плана предположенныхъ къ устройству крѣпостей и редутовъ; губернаторъ Сухаревъ данныя, добытныя Новоселовымъ, препроводилъ въ Сенатъ. Такъ — какъ Новоселовъ въ своемъ описаніи мѣстности совершенно умолчалъ о качествѣ почвы и ея пригодности, для устройства укрѣплений; то Сенатъ, указывая на этотъ важный пробѣлъ, писалъ Неплюеву: „и затѣмъ на осмотрѣ того капитана съ геодезистами^c утвердиться и въ дѣло той линіи^d вступить не можно“. Въ виду этого, Сенатъ, 11 сентября 1744 года, постановилъ: командировать къ Сухареву изъ Москвы подполковника Кутузова, которому дана была особая инструкція, а Сухареву предписано дать Кутузову въ помощь «инженерныхъ служителей пристойное число», а въ случаѣ, если бы ихъ не оказалось, — «офицеровъ, то искусство знающихъ». Кутузовъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на то, какая гдѣ земля и «могно-ль изъ оной то крѣпостямъ и линіи^e строение дѣлать», а также — удобна-ли означенная мѣстность для осѣдлой жизни, сколько и какого тамъ лѣса, каковы луга, воды и т. п. По выполненіи порученія, Новоселовъ, согласно данной ему Сенатомъ инструкціи, обязанъ былъ явиться въ Тобольскъ и, совмѣстно съ Сухаревымъ, обсудить результаты собранныхъ имъ данныхъ, а губернаторъ долженъ былъ представить дѣло въ Сенатъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, указавъ въ немъ, чрезъ какія мѣста удобнѣе вести страте-

^{a)} У Старикова Сухаревъ названъ почему-то Рыкачевымъ. См. его кн. „Откуда взялись казаки“, стр. 162.

^{b)} Сенатскій указъ Неплюеву отъ 4 декабря 1745 г. за № 1494. См. въ Тург. Обл. Арх.; ст. указовъ 1746 г., л. 13 и далѣе.

^{c)} Въ подлинномъ указѣ: „згеодезистами“.

^{d)} Въ подл. „вдѣло“.

^{e)} Въ подл. „лини“.

гическую линію; сколько это будетъ стоить; въ какой срокъ и при помощи какихъ людей можно ее устроить и сколько потребуется войска, для безопасного содержанія линіи отъ непріятеля. Кутузовъ 11 іюля 1745 г. выѣхалъ изъ Тобольска, для осмотра мѣстности, въ сопровождѣніи капитана Новоселова. Между тѣмъ, генераль-маіоръ Киндерманъ, находившійся въ верховьяхъ Иртыша, еще 14 мая 1743 года доносилъ изъ Тары въ Сенатъ, что онъ, по предварительномъ сношеніи съ Ненлюевымъ, командировалъ маіора Олонецкаго драгунскаго полка Сташкѣева и геодезіи поручика Шишкова, при одной grenадерской ротѣ и 500 Яицкихъ казаковъ, для осмотра мѣстности отъ р. Тобола до р. Ишима и отъ Ишима до Омской крѣпости. Сташкѣевъ, 8 іюля того же года, изъ Омской крѣпости донесъ Киндерманну о результатахъ своей экспедиціи, изслѣдовавшей мѣстность отъ урочища „Звѣрина Голова“ до Омской крѣпости, на протяженіи 621 verstы и 400 сажень. Сообщая Киндерманну о привольности и удобствѣ этихъ мѣстъ къ осѣдлой жизни, Сташкѣевъ представилъ и описание тѣхъ мѣстъ, которые были избраны имъ для устройства 11 крѣпостей и 31 редута. Сташкѣевъ, между прочимъ, нахолилъ необходимымъ устроить крѣпости на р. Верхней Алабугѣ, впадающей съ правой стороны въ Тоболь, и на озерахъ Кабанскомъ и Камышномъ, какъ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ отъ нападенія киргизовъ. Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду доношеніе Киндермана, приказалъ: „для наискорѣйшаго по данной подполковнику Кутузову инструкціи вышеписанныхъ мѣстъ осмотру и описанія, оного подполковника Кутузова поручить всмотрѣніе^{a)} и вполную диспозицію ему генераль-маэру Киндерманну^{b)}. Кутузовъ долженъ былъ составить ландкарту осмотрѣнной мѣстности, избрать мѣста для крѣпостей, редотовъ и маяковъ и, согласно инструкціи Сената, „накрѣпко смотрѣть, чтобы настоящихъ нужныхъ и угодныхъ мѣстъ за линіею не осталось, напротивужъ того и внутрь киргизскихъ земель не вдаваться, чтобы тѣмъ не подать имъ причинъ и претензій, а паче, при нынѣшихъ съ зюнгорцами обстоятельствахъ, и къ возмущенію^{c)}. Сообщая объ этомъ Ненлюеву, Сенатъ присовокупляетъ: „для лучшаго о томъ изъясненія имѣть ему (Кутузову) сношеніе и съ вами господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, и гдѣ по тому сношенію оная линія назначена будетъ, оныя все мѣста, наложа на карту, съ пріобщеніемъ своего мнѣнія какъ о той линіи, такъ и прочемъ... прислать въ Сенатъ съ нимъ подполковникомъ

^{a)} Правоп. удержано подлинника.

^{b)} Тамъ же, л. 17 на оборотѣ.

Кутузовы мъ".—Сенатъ, между прочимъ, желалъ знать мнѣніе Неплюева о томъ, откуда можно на ту линію и въ предположенія крѣпости доставлять провантъ и какимъ путемъ, сухимъ или воднымъ, и кѣмъ заселять тѣ крѣпости^{a)}.—Неплюевъ представилъ относительно этого особый проектъ въ Сенатъ, который и былъ утвержденъ. Пограничнымъ пунктомъ Оренбургской линіи съ Сибирской стороны была избрана рѣка Тоболь, начиная съ уроцища „Звѣрина голова"^{b)}, на которомъ въ 1753 году была построена пятиугольная цитадель, обнесенная заплотами, надолбами и рогатками^{c)},—такъ возникла крѣпость Звѣриноголовская, соединявшаяся съ Оренбургской линіей крѣпостями Бакланской, Куртамышской и Утыцкой.—Устроивъ линію военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ не оставлялъ ихъ безъ присмотра и послѣ: онъ или самъ навѣщалъ ихъ, или же поручалъ надзоръ за ними надежнымъ и опытнымъ сослуживцамъ. Командировавъ въ 1754 г. капитана Назимова, для осмотра всѣхъ крѣпостей отъ Оренбурга до Гурьева, Неплюевъ самъ отправился вверхъ по Уралу и далѣе въ Троицкую крѣпость, съ цѣлью личнаго знакомства съ построенными, по его распоряженію, крѣпостями. Между прочимъ, въ эту поѣздку онъ заложилъ въ Троицкѣ домъ для городской канцеляріи и каменный храмъ, во имя Св. Троицы. Но Неплюевъ сознавалъ, что для спокойствія края не достаточно однихъ укрѣпленій; нужно было дать его обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развить торговлю и промышленность въ краѣ, чтобы чрезъ то привести къ покорности средне-азіатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на Среднюю Азію.

^{a)} Тамъ же, л. 18.

^{b)} По преданію, на этомъ мѣстѣ была найдена звѣрина голова необыкновенной величины,—не была ли та голова мамонта?

^{c)} Записки Попспѣлова въ Пам. кн. Оренб. губ. 1870 г., отд. IV, 83. Перепечат. въ „Вѣстникѣ Европы," за 1870 г., № 6.

засіданихъ К. Кінгаукомъ північної Сибірі заснованої та підчищеної джаки
Кінгаукою, але заснованої після північної Калінінської, або її північної
заснованої після північної Калінінської заснованої після північної заснованої
Кінгаукою північної Калінінської заснованої Калінінської заснованої

ГЛАВА XI.

Проектъ Неплюева о внутренней реорганизациі Яицкаго войска.—Порученіе
В. Коллегії Неплюеву и его поѣздка въ Яицкій городокъ.—П. И. Рычковъ и
отношенія къ нему Неплюева.—Положеніе и укрѣпленіе Яицкаго города.—
Штатъ Яицкаго войска, проектированный Неплюевымъ.—Очередная служба и
наемка казаковъ съ точки зрѣнія Неплюева.—Извлеченія изъ проекта Неп-
люева—Отношеніе В. Коллегії къ проекту Неплюева.

„Подробное описание Россіи возможно будетъ
только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ,
прилежаніемъ и искусствомъ подобный Рыч-
кову“.

Стараясь обезопасить Оренбургскій край отъ вѣнчихъ враговъ,
Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на внутреннее устройство новой
губерніи: онъ неусыпно и настойчиво старается установить и упрочить
въ ней болѣе рациональный порядокъ вещей и улучшить взаимныя отношенія
властей къ подчиненнымъ, русскихъ поселенцевъ края къ инородцамъ и
инородцевъ—магометанъ и язычниковъ къ обратившимся изъ нихъ въ
православіе. Но особенно его беспокоило отсутствіе единодушія и должнаго
административного устройства среди Яицкаго казачьяго войска. Отдавая
полную справедливость смѣтливости, храбрости и боевымъ способностямъ
Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ видѣлъ, что храбрые сыны „Яика-Го-
рыныча“ нуждаются въ реорганизаціи ихъ внутренняго строя и быта,
и потому рѣшился ввести нѣкоторыя преобразованія въ завѣтное вѣковое
устройство Яицкаго войска. Въ главѣ IX настоящей монографіи мы
представили древневѣчевой характеръ Яицко-казачьяго самоуправленія;
мы видѣли, когда и почему начались несогласія среди Яицкихъ казаковъ,
раздѣлившия ихъ на двѣ противныя партіи: народную и старшинскую,
которыя, благодаря взаимной враждѣ, подали поводъ Московскому пра-
вительству вмѣшаться въ дѣла Яицкаго войска и желать ограниченія его
стариннаго самоуправленія. Различные слѣдователи и фискалы, отправлявшіеся
на Яикъ, своею недобросовѣстностью еще больше усилили взаимную

вражду партій въ Яицкомъ войскѣ. Со времени подчиненія Яицкаго войска Военной Коллегіи, старшинская партія беретъ перевѣсъ, благодаря своей солидарности съ стремленіями Военной Коллегіи и видами правительства; но внутренне безпорядки, по прежнему, продолжали раздѣлять Яицкое войско на два враждебные лагера, когда оно поступило въ составъ Оренбургской губерніи и было поручено заботамъ и непосредственному наблюдению Неплюева. Между тѣмъ Военная Коллегія, вѣрная своимъ стремленіямъ, предписала Неплюеву собрать и представить слѣдующія свѣдѣнія: 1) „На какомъ основаніи сперва Яицкіе казаки поселены, какія имъ даны вольности и жалованія грамоты и генерально обо всемъ томъ, что данныхыхъ казаковъ касается, разсмотрѣвъ, и впредь ихъ на какомъ надежномъ основаніи съ собственною ихъ пользою содержать, о всемъ ономъ представить въ вышерѣченную Коллегію со мнѣніемъ; 2) на какомъ основаніи и въ какомъ числѣ людей войско Яицкое содержать надлежитъ, и почему имъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и прочаго опредѣленнаго въ годъ производить, со станицы зимовыя и легкія присыпать отъ того войска надобно-ль, понеже нынѣ все оное войско въ главной командѣ хотя и въ Государственной Военной Коллегіи, однакожъ наиболѣе по близости подъ указами и ордерами его тайного совѣтника состоѣтъ“. — Въ указѣ, полученному Неплюевымъ, также замѣчено, что „о Яицкомъ войску, когда и какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ завелось и утвердилось и на какомъ основаніи содержится, обстоятельныхъ извѣстій не бывало и нѣтъ, что чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно^{a)}.

Не легкое порученіе давала Военная Коллегія оренбургскому губернатору, если принять при этомъ во вниманіе внутреннюю борьбу партій въ Яицкомъ войскѣ и заклятую ненависть казаковъ ко всякаго рода новшествамъ, особенно же къ штатамъ. Но Неплюевъ, какъ увидимъ, менѣе всѣхъ встрѣтилъ протеста со стороны казаковъ, что объясняется добросовѣтностію его отношеній къ нимъ. Держась всегда русской пословицы, что „свой глазъ — алмазъ“, Неплюевъ 20 августа 1748 г. донесъ Военной Коллегіи, что онъ считаетъ необходимымъ посѣтить лично Яицкій городокъ „и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности Государственной Военной Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ

^{a)} Указы 9 декабря 1745 г. и 22 июля 1748 г. Справ. въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова (по описи № 3) концю изъ Арх. В. Колл., кн. Казачьяго Пов., № 141, стр. 3 и д. См. „Русск. Архивъ“ за 1878 г., кн. 2, стр. 9.

благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно". Получивъ дозволеніе на выѣздъ изъ Оренбурга въ Лицкій городокъ, Неплюевъ, отправляясь туда, взялъ съ собою и Петра Ивановича Рычкова, сдѣлавшагося правою рукою своего начальника, а потому мы считаемъ совершенно умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ трудолюбивомъ и энергичномъ человѣкѣ, который оставилъ по себѣ вѣчную память въ исторіи Оренбургскаго края своими научно-литературными трудами.

Петръ Ивановичъ Рычковъ, сынъ вологодскаго хлѣботорговца, родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года, а скончался въ Екатеринбургѣ 15 октября 1777 года, 65 лѣтъ отъ роду, переживъ Неплюева почти на четыре года. Онъ погребенъ въ селѣ Спасскомъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, въ трапезѣ имъ самимъ устроенного храма; здѣсь же покоятся и прахъ его сына, Андрея Петровича, бывшаго коммандантомъ Симбирской крѣпости и убитаго подъ Корсуномъ 25 августа 1774 года въ битвѣ съ отрядомъ Пугачева^{a)}. Отецъ П. И. Рычкова, занималась сплавомъ хлѣба по рѣкамъ Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ къ Архангельску, для отпуска за границу, нерѣдко имѣлъ личныя сношенія съ иностранцами, что не осталось безъ вліянія и на его сына. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Рычковъ-отецъ переселился со своимъ семействомъ въ Москву и постарался, при содѣствіи другихъ, обучить своего малолѣтняго сына, умѣвшаго уже читать и писать по-русски, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, виѣннай торговлѣ и голландскому языку. Даровитый мальчикъ, изучая голландскій языкъ, въ достаточной степени овладѣлъ и нѣмецкимъ языкомъ. Знаніе двухъ живыхъ иностранныхъ языковъ, составлявшее въ то время весьма рѣдкое явленіе между русскими, скоро доставило молодому Рычкову выгодное мѣсто. Въ 1730 г., имѣя 18 лѣтъ отъ роду, Петръ Ивановичъ чрезъ своего отца познакомился въ Петербургѣ съ англичаниномъ Эльмсеномъ^{b)}, который былъ директоромъ казенныхъ ямбургскихъ и жабинскихъ стеклянныхъ заводовъ. Имѣя въ числѣ своихъ рабочихъ не мало иностранцевъ, незнающихъ русскаго языка, Эльмсенъ былъ очень радъ знакомству съ русскимъ юношей, который зналъ два иностранныхъ языка и предложилъ ему мѣсто управляющаго означенными заводами. Рычковъ согласился и прослужилъ при Эльмсенѣ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ, когда рѣшено было перевести заводы въ другія мѣста, Петръ Ивановичъ отправился въ Петербургъ, для пріисканія себѣ

^{a)} Смотр. въ приложениіи № 28.

^{b)} Сравн. выше стр. 76, гдѣ говорится объ англійскомъ купцѣ Виллимѣ Эльмゼлѣ.

новой службы и, благодаря оберъ-секретарю Сената Ив. К. Кириллову, получилъ мѣсто переводчика въ таможнѣ. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую Экспедицію, взялъ съ собою, въ качествѣ бухгалтера, и П. И. Рычкова, который съ этого времени всецѣло посвятилъ себя и свои труды устройству и преуспѣянію Оренбургскаго края, въ теченіе сорока лѣтъ, начиная съ Кириллова и до Рейндорпа включительно. При первыхъ начальникахъ края Рычковъ былъ употребляемъ, по его собственному выраженію: „къ самонужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ“, управляя ихъ канцеляріей и находился при нихъ безотлучно. Припомните, что писалъ о немъ князь В. А. Урусовъ В. Н. Татищеву, своему предшественнику по управлѣнію Оренбургскимъ краемъ, по поводу заведенной Татищевымъ татаро-калмыцкой школы въ Самарѣ^{а)}. Съ прибытіемъ въ Оренбургскій край Неплюева, для трудолюбиваго Рычкова открывается самое широкое поле дѣятельности, какъ увидимъ это дальше. Петръ Ивановичъ, полный силъ и энергіи, невольно былъ увлеченъ примѣромъ Неплюева и работалъ, если можно такъ выразиться, изъ всѣхъ силъ, для счастія и благоенствія излюбленнаго имъ края. Нельзя не пожалѣть о томъ, что всегда откровенный Рычковъ, находясь безотлучно при Неплюевѣ, умолчиває въ своей автобіографіи о служебныхъ заслугахъ и занятіяхъ во время управлѣнія краемъ Неплюева, а только, какъ бы мимоходомъ, замѣчаетъ: „сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я употребляемъ, сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ Оренбургской Коммісіи, а потомъ Губернской Канцеляріи останется вѣдомо.“ Дѣйствительно, какъ бы въ уваженіе къ плодотворной дѣятельности Рычкова, всеразрушающее время пощадило письменное свидѣтельство его трудовъ: въ Оренбургскихъ архивахъ, особенно въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, сохранилось не мало бумагъ за подпись П. И. Рычкова, свидѣтельствующихъ объ его служебной дѣятельности и его занятіяхъ по части устройства и изученія обширнаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ Среднеазіатскихъ странъ съ ихъ обитателями. Изъ этого архивнаго имущества, между прочимъ, видно, что Рычковъ почти постоянно сопровождалъ И. И. Неплюева во всѣхъ его поѣздкахъ, имѣвшихъ цѣлію улучшеніе и благо ввѣреннаго ему края.—Такъ въ 1744 году Неплюевъ беретъ Рычкова съ собою въ Москву, гдѣ разсматриваются и утверждаются различныя предположенія Неплюева, касательно открытія и устройства Оренбургской губерніи. Рычковъ сопровождаетъ Неплюева и въ Яицкій городокъ (ны-

^{а)} См. выше стр. 176.

нѣшній Уральскъ), гдѣ Неплюевъ вмѣстѣ съ нимъ осматриваетъ городъ; знакомится, при его содѣйствіи, съ бытомъ Яицкихъ казаковъ; собираетъ свѣдѣнія о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска и составляетъ обширный проектъ объ его преобразованіи, который потомъ, какъ увидимъ, и былъ представленъ Неплюевымъ на разсмотрѣніе Военной Колледгіи. Въ 1751 г. Неплюевъ, находясь въ Петербургѣ, совмѣстно съ Рычковымъ, составляетъ проектъ о торговлѣ Россіи съ Индіей, который, впрочемъ, не имѣлъ успѣха. Вообще, Неплюевъ, умѣвшій подобно своему учителю, Петру Великому, узнавать людей, любилъ Петра Ивановича, цѣнилъ его способности и трудолюбіе и всегда дорожилъ его мнѣніемъ, какъ—человѣка, хорошо изучившаго край. Старалась поощрить Рычкова, онъ въ 1743 году исхлопоталъ ему землю въ Оренбургскомъ краѣ, а въ 1751 году представилъ его къ чину коллежскаго совѣтника, кото-раго Рычковъ и былъ удостоенъ въ двѣнадцатый день послѣ представленія о томъ Неплюева. На сколько было пріятно и дорого Рычкову такое вниманіе со стороны его близайшаго начальника, можно судить изъ того, что онъ, на память дѣтамъ, оставилъ не только указъ на получение имъ чина коллежскаго совѣтника, но и самъ докладъ по этому дѣлу Неплюева. Не смотря на разнообразіе и сложность своихъ занятій по канцеляріи начальника края, Рычковъ находилъ время и для излюбленныхъ имъ литературныхъ занятій, благодаря которымъ онъ особенно и сдѣлался извѣстенъ въ исторіи Оренбургскаго края: «*Описание города Оренбурга*», составленное имъ въ 1744 г., и «*Краткое извѣстіе о татарахъ*^{a)}» были первыми литературными опытами Рычкова, который потомъ сдѣлался членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ^{b)} и сотрудникомъ „Трудовъ Вольнаго Экономического общества“^{c)} и журнала, издаваемаго Миллеромъ: «*Ежемѣсячныя Сочиненія и Переводы*». Но самымъ важнымъ историческимъ трудомъ Рычкова, безспорно, нужно признать его: «*Топографію Оренбургской губерніи*», напечатанную первоначально въ журналѣ Миллера: «*Ежемѣсячныя Сочиненія и Переводы*» за 1762 г., а потомъ изданную отдельно. Біографъ Рычкова, покойный академикъ Пекарскій замѣчаетъ, что появление въ свѣтѣ „*Топографіи Оренбургской губ.*“ Рыч-

^{a)} Рукопись хранится въ Русск. отд. Импер. Академіи Наукъ.

^{b)} Рычковъ первый получилъ это почетное званіе и дипломъ на него, дотолѣ не существовавшіе: „Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея (академіи) сія честь отдается“,—писалъ Рычкову Миллеръ. См. „Жизнь и литерат. перев. П. И. Рычкова“ Пекарскаго, стр. 43.

^{c)} Въ „*Трудахъ*“ этого общества, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія статьи Рычкова: „*Объ оренбургской кашеніли*“ (см. ч. VI, 1767 г.; ч. IX, 1768 г.; ч. XV, 1770 г.; ч. XVIII, 1771 г.); „*Опытъ о козьей шерсти*“ (1766 г., ч. II); „*Опытъ винного куренія на домашній расходъ*“ (1767 г., ч. V); „*О мануфактурѣ изъ хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти*“ (1766 г., ч. II); тамъ же встрѣчаются его статьи о выдѣлкѣ нефти, о мѣдныхъ рудахъ, о земледѣліи, пчеловодствѣ и др.

кова было для своего времени событиемъ, замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнали разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ известенъ не только большинству публики, но и самому правительству^{a)}. Въ Россіи смутно знали, что въ Оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ внутреннихъ губерній, что тамъ—безпрерывные восстанія; что туда требуются войска и т. д. При такомъ состояніи Оренбургскаго края, трудъ о немъ Рычкова былъ важнаю новостью для современниковъ; на него обратили вниманіе и европейскіе ученые: Шлѣцеръ сдѣлалъ изъ него подробное извлеченіе на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ „*göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen*“^{b)}; а послѣ того „*Topographiâ Orenb. губернii*“ Рычкова два раза была переведена на нѣмецкій языкѣ вполнѣ: одинъ изъ переводовъ, не чуждый промаховъ и неточностей, принадлежитъ Христіану Гейнриху Газе^{c)}, бывшему часторомъ въ Зульцѣ, а другой, появившійся въ печати въ 1772 году подъ заглавиемъ: „*Orenburgische Topographie*“ былъ изданъ Родде. Кромѣ того, „*Topographiâ*“ Рычкова началъ было переводить и профессоръ Палласъ, извѣстный путешественникъ XVIII в., но появленію въ печати переводовъ Газе и Родде заставило его прекратить начатую имъ работу. Въ настоящее время „*Topographiâ Orenburgskoj губернii*“, конечно, не имѣть уже той цѣны; но все-таки и до сихъ поръ она считается необходимой справочной книгой, безъ которой не возможно обойтись, какъ скоро заходитъ рѣчь объ исторіи Оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи^{d)}. Вообще, Рычковъ сдѣлалъ много, много полезнаго для исторіи Оренбургскаго края и проложилъ путь его позднѣйшимъ изслѣдователямъ: Палласъ, Лепехинъ, Ловичъ, Крафтъ, Эйлеръ, Фалькъ и другіе, лично знакомые съ Рычковымъ, во многомъ обязаны ему своими свѣдѣніями по исторіи этого края. Если Пушкинъ назвалъ Н. М. Карамзина „Колумбомъ древней Руси“, то Рычкова, безъ преувеличенія, можно считать «*Колумбомъ Оренбургскаго края*», съ исторіей котораго русское интеллигентное общество впервые познакомилось изъ „*Topographiâ*“ Рычкова и его другихъ трудовъ. Миллеръ, сознавая всю важность мѣстной исторіографіи и трудовъ Рычкова, справедливо сказалъ: „*Подробное описание Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ,*

^{a)} Жизнь и литер. пер. П. И. Рычкова, стр. 66.^{b)} Band. I, 1766, ss. 217—230, 249—254, 284—288.^{c)} Magazin für die neu Historie und Geographie, 1771, Band. V, 457 sq. и VI, 475 sq.^{d)} Въ 1887 г. Оренбургскій отдѣлъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества издалъ „*Topographiâ*“ Рычкова на средства покойнаго Ф. И. Базилевскаго. Оренбургъ. Типографія Б. Бреслина, стр. 405.

прилежаниемъ и искусствомъ подобный Рычкову". Даже Рейнедорпъ, читавшій личную ненависть къ Рычкову и называвшій его "Menschen-Feinder" и "unsinn Ryschkow", — и тотъ, отправляя свои бранные письма о Рычковѣ къ Миллеру, говоритъ: „впрочемъ, я отдаю справедливость его хотя и невоздѣланному уму"^{a)}. По нашему искреннему убѣждѣнію, было бы несправедливостью, говоря о Неплюевѣ, совершенно умолчать о Рычковѣ, какъ ближайшемъ и главномъ его помощникѣ по управлѣнію и устройству обширнаго Оренбургскаго края, которому Рычковъ посвятилъ всю свою жизнь, а потому мы и сочли долгомъ вспомнить о немъ въ настоящемъ труде.

Въ ноябрѣ 1748 года Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ. Собравъ здѣсь свѣдѣнія, какія только было можно, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, Неплюевъ представилъ ихъ въ В. Коллегію, вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ мѣръ и соображеній, касательно переустройства Яицкаго войска. Послѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, онъ говоритьъ, между прочимъ, о самомъ Яицкомъ городкѣ, что „жительства въ немъ дворовъ около 3000; построены больше по старому теченію р. Яика, что у нихъ называется Старица, да по р. Чагану, тутъ же при городкѣ впадающей въ Яикъ, а отчасти по Яику; имѣеть нынѣ четыре церкви деревянныя да вновь строится соборная каменная^{в)}; улицы въ немъ, по большей части, узкія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ тѣсны, что двумъ телѣгамъ разѣхаться почти невозможно^{с)}. Что же до крѣпости принадлежитъ, то въ прошломъ 1747 году все жило съ одной сторону отъ р. Чагана къ старому теченію Яика двойнымъ плетнемъ окончено, между которымъ земля насыпана, и укрѣплено столбами, а снаружи оной плетень обмазанъ глиной и вокругъ всего того сдѣланъ ровъ, что черезъ посланныхъ изъ Оренбурга инженеровъ, сколько можно, по инженерной регулѣ сдѣлано, а съ прочихъ сторонъ, все жъ селеніе окружая, содѣливается тотъ городокъ къ р. Яику мысомъ означеннай Старица и р. Чаганъ, такъ что онъ городокъ по его ситуaciї и по нынѣшнему укрѣплению во всякомъ случаѣ мнится довольно оборонителенъ и артиллерію имѣть достаточную“.

Далѣе Неплюевъ перечисляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьи деньгами

^{a)} См. въ „Оренбургскомъ Листкѣ“ (1878 г. №№ 20—23) мою статью: „Петръ Ивановичъ Рычковъ и его значение въ истории Оренбургскаго края“.

По всей вероятности, Михайло-Архангельский соборъ, находящійся въ настолько время на самой Юовѣ, концѣ города, близъ Старицы, или прежнаго русла Урала. Слпч. "Топ. Оренб. губ." Рычкова, ч. 11, 80.

³⁾ После та^к называемаго Шиляхина пожара, бывшаго 10 авг. 1751 г., ширина улицъ опредѣлена не менѣе 12 саж. (Рябининъ: „Уральск. каз. войско“, ч. 1, стр. 38).

и натурой, обѣ отпускѣ вина съ симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороху изъ канцеляріи главной артиллериі и фортификаціі, о рыболовствѣ, обѣ управлениі войска и о составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, гдѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: „нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя бѣ кто вопреки что атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ Кругу и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномѣрно же и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состояніе приведены, ибо напредъ сего бывало то, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертю казнили^{a)}, нынѣ же, кромѣ что, привязавъ къ колыямъ, бываютъ плетьми, ни какихъ другихъ штрафовъ не бываетъ.“ Затѣмъ Неплюевъ говоритъ о составѣ корпуса Яицкихъ казаковъ, о Сакмарской и Илецкой станицахъ, Кулагинской и Калмыковской крѣпостяхъ, о доходахъ и расходахъ войска^{b)}, и т. п.

Изъ намѣченныхъ нами пунктовъ ознакомленія Неплюева съ внутреннимъ бытомъ Яицкихъ казаковъ, ихъ административнымъ и военнымъ устройствомъ, думаемъ, можно вывести до некоторой степени понятіе о томъ, какъ добросовѣстно старался этотъ человѣкъ выполнять порученія правительства. Представляя въ В. Коллегію данные, собранныя имъ въ самомъ центрѣ Яицкаго казачества, Неплюевъ, какъ мы замѣтили, вмѣстѣ съ тѣмъ, препроводилъ и свое мнѣніе, относительно переустройства казацкой общины. Изъ этого мнѣнія видно, что различные безпорядки и несогласія въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на два враждебные лагеря зависѣли отъ того, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учрежденій, ни строго опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ,—все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ: приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недолжные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было и т. п. „Того ради“,—говорить Неплюевъ,—„для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредъ будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и казаки бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей

^{a)} Это подтверждается, напримѣръ, разстрѣломъ казаковъ: Елпѣева, Мордвинкина и др. На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе, что у Яицкихъ казаковъ наказаніе за кражу оружія состояло въ томъ, что виновнаго выводили въ поле и, закопавъ въ землю по шею или по поясъ, разстрѣливали его, на страхъ собравшемуся народу.

^{b)} Слич. Рабининъ, ч. II, прилож. XXVI, 65—68.

и всегдашней исправности могли быть, а старшины бы, имѣя определенное жалованье во всѣмъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то бы съ казаковъ тѣхъ указомъ^{a)} запрещенныхъ поборовъ не собирали“.

По штату, проектированному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, полагалось 2 есаула и нѣсколько общихъ служителей, а казачий корпусъ былъ раздѣленъ на 7 полковъ, или станицъ, по 500^{b)} въ каждой; на каждый полкъ полагались: одинъ полковой старшина, или станичный атаманъ, писарь, полковой есауль и 5 сотниковъ безсмѣнно. Полки назывались: первый, второй, третій^{c)} и т. д.; каждый полкъ долженъ былъ имѣть особое знамя и „учинить“ списки въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ храниться въ Войсковомъ Приказѣ, а другой въ Подковой Избѣ у полковаго писаря; при этомъ должны быть переписаны и калмыки, которые заявятъ желаніе къ службѣ, но списки ихъ предположено вести отдѣльно и хранить у себя каждому станичному атаману. Полки обязывались нести внутреннюю постоянную службу, которая состояла главнымъ образомъ въ оборонѣ линіи отъ вторженія киргизовъ и въ прегражденіи неправды калмыковъ за Ураль, и виѣшнюю, заключавшуюся въ частныхъ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, также на войну, въ содержаніи карауловъ и разѣздовъ по Сибирской линіи^{d)}, смотря по надобности правительства. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 руб. 41½ коп., въ томъ числѣ на 3500 чел. рядовыхъ казаковъ, на каждого по рублю пятидесяти коп. въ годъ^{e)}. Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренные преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ написалъ обширный проектъ^{f)}, которому, впрочемъ, не было суждено осуществиться вполнѣ. Проектъ этотъ былъ представленъ Неплюевымъ въ В. Коллегію, откуда онъ не имѣлъ дальнѣйшаго хода. Можетъ быть, какъ замѣчасть Рябининъ, причиною этого было то, что вниманіе всѣхъ занято было въ это время войною съ Пруссіей.

Впрочемъ, старанія Неплюева не остались совершенно безслѣдными

^{a)} П. С. З., т. XI, № 8215.

^{b)} Рычковъ говорить въ „Топ. Ор. губ.“ (ч. II, 81), что въ каждомъ полку было по 508 челов.; но онъ включаетъ, безъ сомнѣнія, въ это число и особо назначеныхъ въ каждый полкъ: старшину, есаула, писаря и 5 сотниковъ.

^{c)} Эти названія сохранились доселе въ Уральскомъ войскѣ.

^{d)} Рябининъ. Ур. каз. войско, ч. II, вт прил. № XII, стр. 36—41.

^{e)} По прежнимъ указамъ на все войско определено и велѣно было отпускать деньгами 4138 р. и 1598 четв. хлѣбомъ, за который выдавалось деньгами отъ 600—1000 р., до 100 вед. вина съ симбирскихъ заводовъ, такъ-что всего въ годъ приходилось до 5000 р. См. Рычковъ: „Топ. Ор. губ.“, ч. II, стр. II, 86, 87. Слич. выше стр. 300.

^{f)} Проектъ этотъ былъ сообщенъ мною въ редакцію „Русскаго Архива“, гдѣ онъ и напечатанъ (за 1878 г., кн. II, стр. 11—33). Самому проекту Неплюева предъписано составленное мною предисловіе (стр. 1—10).

въ исторії Яицкихъ казаковъ: его мысль нашла отголосокъ въ учрежденіи ненавистнаго казакамъ штата, который, по проекту Неплюева, въ нѣкоторомъ отношеніи касался и основныхъ правъ общиннаго самоуправлениія. Такъ, напримѣръ, въ пунктѣ 2 его проекта читаемъ: „Всѣхъ старшинъ ко всякому въ Войсковомъ Приказѣ производимому дѣлу не сзыывать, а вмѣсто того при атаманѣ у всѣхъ дѣлъ присутствовать двумъ старшинамъ, которыхъ именовать войсковыми старшинами, чего для и въ учиненномъ штатѣ, кромѣ полковыхъ при атаманѣ, особо и съ особливымъ жалованьемъ два положены, которымъ у того присутствія быть безпремѣнно да сверхъ того присутствовать изъ полковыхъ старшинъ, или станичныхъ атамановъ по одному съ перемѣнною погодно, дабы они чрезъ то всѣ были къ правленію понятны и, при случившейся вакансіи, къ пополненію мѣстъ удобны. А буде кто изъ нихъ старшинъ явится въ явномъ преступленіи и буде малое дѣло, то атаману того штрафовать арестомъ, а буде въ чемъ учинитъ великое преступленіе; то его отъ команды и засѣданія отрѣша, судить и со мнѣніемъ, какого наказанія достойны, съ дѣломъ къ главной командѣ (Оренбургской) представлять“.

Войсковому атаману, по мнѣнию Неплюева, надлежить быть „бого-боязненну, заслуженну; отъ него особливо требуются совѣтные и справедливые поступки, наибольшая храбрость и искусство; вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ долженъ вести себя такъ, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ главнаго своего командира, любили, почитали и боялись, а при томъ всѣмъ толь скромнымъ себя показывать, чтобы каждому былъ къ нему свободный приступъ, наипаче же быть правдиву, безпристрастну и нелакому, вс помогательну въ народныхъ нуждахъ и некичливу въ ихъ прошеніяхъ“^{a)}. Между многими другими обязанностями, *войсковой атаманъ долженъ бытъ имѣть постолинное попеченіе о томъ, чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребывали, въ праздничные и воскресные дни прилежали бы къ церкви Богородицѣ, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла, — замѣчаетъ Неплюевъ, — Божеское благословеніе происходитъ“^{b)}. Войсковые старшины, или станичные атаманы, подражая во всемъ хорошемъ главному войсковому атаману, обязаны были каждодневно докладывать своему начальнику словесно чрезъ посредство есаула о состояніи и комплектѣ своего полка, и разъ въ мѣсяцъ подавать о томъ письменные рапорты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ ложала обязанность строго смотрѣть за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ казакамъ, чтобы они не*

^{a)} Пунктъ 1.

^{b)} Тамъ же.

обижали своихъ подчиненныхъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ смотрѣлъ также за исправностью лошадей, сбруею, за выдачей жалованья и, вмѣстѣ съ есауломъ, производилъ судъ и расправу по жалобамъ казаковъ его полка; если же случалось какое важное дѣло или одинъ изъ недовольныхъ принадлежалъ ни къ его командѣ, то въ такомъ случаѣ жалующіеся, послѣ неудавшейся попытки къ примиренію ихъ, передавались въ распоряженіе Войскового суда^{a)}. Каждый казакъ, по мнѣнію Неплюева, долженъ быть смѣлымъ и хорошимъ наездникомъ, имѣть не менѣе двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей, саблю, турку со всѣми принадлежностями или, вмѣсто турки, сайдакъ и копье, а кто можетъ — и панцырь. Во время „знатныхъ походовъ и при знатныхъ оказіяхъ“, панцырники, раздѣляясь по-ровну, должны были щать впереди полковъ „для лучшей полковой парады“^{b)}.

Войсковой Кругъ Неплюевъ хотя и допускалъ, но согласія казаковъ дозволялось спрашивать только на одни ихъ домашнія дѣла, напримѣръ, когда и какъ имъ собираться и идти на рыбные и другіе промыслы, относительно постройки и ремонта общественныхъ зданій и т. п. Что же касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій со стороны атамана, по силѣ высочайшихъ указовъ или предписаній различныхъ командъ; то вѣльно было только объявлять о томъ въ Кругу чрезъ есауловъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ.

Вмѣсто службы по найму, Неплюевъ проектировалъ очередную службу, какъ то повелѣвалось въ указѣ 1740 года. Ссылаясь на этотъ указъ, Неплюевъ говорить: „того ради всѣ напредъ сего, въ противность оной грамоты, по мірскимъ приговорамъ, на форности и въ партіи командинуемыи въ кругахъ отъ всего войска бывшия наймы и подмоги, и на то съ каждого казака сборъ (на что сбирались великія деньги) совершенно отрѣшить, и впредъ сего отнюдь не чинить, ибо изъ того можно было видѣть разныя несходства, а служить всѣмъ и наряжать отъ войска какъ старшинъ, такъ и рядовыхъ во всѣ наряды поочередно, необходя никого, кому очередь дойдетъ, и тѣмъ по очереди наряжаемыи никакихъ наймовъ и подмогъ не чинить, и на то съ оставшихся сборовъ ни по чему не сбирать“^{c)}. Но проектируя очередную службу, Неплюевъ не отвергалъ совершенно и службу по найму. Сознавая, что при наемкѣ можетъ образоваться классъ неслужилыхъ казаковъ и нѣкоторыя другія неудобства, Неплюевъ также очень хорошо понималъ и то, что и отъ очередной службы могутъ пострадать общественные интересы, а гдѣ только дѣло шло обѣ общемъ благѣ,

^{a)} Пунктъ 8.
^{b)} Пунктъ 9.
^{c)} Пунктъ 14. { „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. II.

тамъ онъ не только частные, но и свои собственные интересы приносилъ въ жертву общественнымъ. Вообще заботы объ общемъ благѣ составляли отличительную черту въ характерѣ Неплюева: жить въ обществѣ, по его мнѣнію, значило дѣйствовать для общаго блага, а не въ пользу частныхъ или только личныхъ интересовъ; онъ сознавалъ, что общее благосостояніе начинается съ частнаго; что когда будетъ, по возможности, хорошо каждому,— хорошо и всѣмъ. Выходя изъ этого убѣжденія и смотря на отbyваніе казаками воинной повинности въ связи съ экономическимъ устройствомъ Яицко-казацкой общины, Неплюевъ говоритьъ, между прочимъ, слѣдующее: „понеже, во всякомъ обществѣ торговые, промышленные и мастеровые люди есть и всѣмъ столь потребны, что безъ нихъ никому содержать себя невозможно, ибо отъ одного промышленного и заводнаго человѣка многое свои извороты, а убогие, нанимаясь въ работы, и пропитаніе свое получаютъ, что паче по состоянію Яицкаго войска уважать надлежитъ, яко однимъ денежнымъ ихъ жалованьемъ казаку содержаться невозможно, а промыслы ихъ такіе, что кто больше капиталу имѣеть, тотъ не только свой доходъ лучше получить, но около его и другимъ, а паче маломочнымъ, разныя способы бывають, чѣмъ ихъ все общество состоитъ и къ Ея Императорскаго Величества лошадей и всякую свою справу получаетъ; и для того ежель когда при такихъ очередныхъ нарядахъ дойдетъ очередь до такого казака, который имѣеть знатной капиталъ, торги и разныя промыслы производить; то имъ яко нерегулярнымъ людямъ, свѣдома своего полковаго старшины, позволяетъ вмѣсто себя, сына или родственника и свойственника, съ подмогою отъ себя отправить, также и изъ казаковъ неочереднаго, а хотя и изъ калмыкъ, надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто него очередь отслужилъ, и сколько таковыхъ при командированіи явится, о тѣхъ полковымъ старшинамъ войсковому атаману имянныя вѣдомости подавать, который долженъ самъ переесматривать, надежны-ль они къ службѣ, исправныхъ-ли имѣютъ лашадей, ружье и всякую сбрую, чтобы никто въ службѣ ненадежный и недостаточный не былъ“^{a)}). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Неплюевъ, проектируя очередную службу, поставляетъ этотъ вопросъ въ самую тѣсную связь съ экономическимъ и материальнымъ благосостояніемъ Яицкой общины; имъ руководять при этомъ главнымъ образомъ два побужденія: 1) установленіе возможной равномѣрности въ отbyваніи воинской повинности Яицкими казаками; и 2) улучшеніе экономического положенія казаковъ, посредствомъ уничтоженія бывшихъ до того сборовъ для наёмки съ каждого казака. Руководясь желаніемъ первого

^{a)}) Тамъ же, стр. 23—24.

рода, Неплюевъ предписываетъ всѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ строго наблюдать за тѣмъ, „чтобы чрезъ то (т. е. позволеніе нанимать за себя другаго) богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которыхъ у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнью командировать будетъ нельзя“. Выходя изъ втораго возврѣнія на набѣмку и зная, какъ много сбиралось съ неидущихъ на службу казаковъ должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запрещаетъ подобные сборы и предоставляетъ это дѣло на полную волю и доброжелательство казаковъ, устранивъ притомъ всякое вмѣшательство со стороны старшинъ: „а ежели командировка какая малая“, — говоритъ онъ, — „что по немногу съ полку, слѣдственно и съ роты достанется, и пожелаютъ казаки которой роты добровольно командированнымъ подмочь деньгами, того за преставленными отъ войска Яицкаго резонами не запрещать, однакожъ дабы то казаки собою сами въ своей ротѣ, а не въ другихъ чинили, и старшинамъ въ тотъ сборѣ и договорѣ, по прежнему, не мѣшаться“^{a)}). Такимъ образомъ, Неплюевъ не отрицає и существующей у казаковъ подмоги идущимъ на службу; но и въ этомъ случаѣ онъ не стѣсняетъ казаковъ. Никто, разумѣется, лучше самого же казака не зналъ его материальныхъ средствъ, и никто также болѣе сочувственно не могъ отнестись къ нуждамъ идущаго на службу казака, какъ самъ же казакъ; поэтому не удивительно, если Неплюевъ расчитывалъ на добровольную подмогу со стороны казаковъ, остающихся въ предѣлахъ войска. Въ Яицкомъ войскѣ, какъ известно, изстари вѣковъ и понынѣ пользованіе землею, лугами, рыбными и другими соединенными съ природными богатствами страны промыслами—общинное; поэтому казакъ, уходившій на виѣнную службу, не имѣя у себя опредѣленного участка земли и луговъ, несъ чрезъ то явный убытокъ, лишаясь возможности получить известную долю прибыли въ пользованіи войсковыми угодьями, тогда какъ остающіеся дома, на „льготѣ“ или на внутренней службѣ, оттого выигрывали, особенно въ хороший годъ и при значительныхъ командировкахъ. Понятно, что при такомъ общинномъ порядкѣ пользованія войсковыми угодьями, уходящій на службу долженъ быть вознагражденъ со стороны остающихся, которые пользуются и долей уходящихъ на службу и своей собственою частью въ войсковыхъ угодьяхъ. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ и не хотѣлъ отмѣнить права казаковъ, поступающихъ въ составъ различныхъ командъ, на получение за то подмоги,

^{a)} Тамъ же.

иначе бы пришлось изменить самый порядокъ пользованія войсковыми угодьями, выработанный болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ еще до него. Кроме того казаки, уходившиа на службу по очереди, если они не имѣли женъ и дѣтей, имѣли право продавать багренье кому либо изъ оставшихся „на льготѣ“^{a)}. Такимъ образомъ, строго говоря, Неплюевъ не вводилъ очередной службы въ смыслѣ солдатства^{b)}, а только видоизмѣнилъ самый способъ „наёмки“, придавъ ей иной видъ, иное назначеніе и ограничивъ извѣстными опредѣленными условіями, зависящими отъ экономического устройства Яицкой общины и обусловливаемыми историческою необходимостью.—Яицкій казакъ, по проекту Неплюева, имѣлъ право нанимать вмѣсто себя и другаго, если только онъ самъ былъ необходимъ въ общинѣ, какъ торговецъ, мастеровой, промышленникъ и т. п. Это право „наёмки“—право добровольно располагать собой имѣло и имѣть очень важное значеніе какъ лично для торгового и промышленного казака, такъ и вообще для экономического благосостоянія цѣлой общины. Для того, чтобы добыть отъ земель, водъ и отъ другихъ природныхъ угодий существенную пользу, необходимо право располагать своимъ трудомъ, своей судьбой, а безъ этого и большой капиталъ ни къ чему послужить не можетъ. Вотъ почему дорога для казака наёмка, не говоря уже объ историческомъ освященіи ея вѣками. Она даетъ возможность каждому самостоятельному и трудолюбивому казаку располагать собою, по своему желанію и усмотрѣнію. Извѣстно, что ничего такъ энергично не отстаивали Яицкіе казаки, какъ это право „наёмки“: ни кнутъ, ни каторга не могли заставить казаковъ разстаться съ этимъ правомъ; правительство два раза^{c)} отмѣнило наемку и затѣмъ каждый разъ возстановляло её. Но замѣчательно, что штатъ, проектированный Неплюевымъ, и очередная служба въ указанной формѣ не вызвали ни малѣйшаго недовольства со стороны казаковъ: во все время пребыванія въ Яицкомъ городкѣ Неплюева и послѣ его отѣзда, среди Яицкихъ казаковъ все было тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, мы не нашли указаній на недовольство казаковъ ни у самого Неплюева, ни у сопровождавшаго его на Яикъ Рычкова. Между тѣмъ, какихъ стоило послѣ правительству хлопотъ, борьбы и трудовъ введеніе штатовъ и, какъ мы знаемъ, не всегда съ успѣхомъ. Все это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что сильный своею опытностью и добросовѣстностью Неплюевъ сумѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ имъ

^{a)} Пунктъ 11.

^{b)} Желающимъ ознакомиться съ „наёмкой“ Яицкихъ казаковъ можно указать на „Воен. Сборникъ“ (1866 г. № 2 и 1873 г. № 3), где помѣщены обѣ этомъ обстоятельный свѣдѣнія.

^{c)} Въ 1766 году и въ 1803 г. наёмка была отмѣнена, а въ 1806 г. снова была возстановлена, вопреки проекту генералъ-лейтенанта Медера.

преобразованій, для благоустройства ихъ общини. Зная о раздѣлениі казаковъ на два враждебные лагеря,—на атаманскую или старшинскую партію и партію народную,—онъ не присоединяется ни къ той, ни къ другой сторонѣ, стараясь, по возможности, угодить обѣимъ и примирить интересы враждебныхъ партій, чтобы чрезъ то приготовить благопріятныя для своихъ реформъ условія, достигнуть главной цѣли: спокойствія на Яицѣ, экономического благосостоянія и болѣе прочаго устройства казацкой общини въ административно-военномъ отношеніи. Такъ умѣль примирять частные интересы съ общественными этотъ достопамятный дѣятель!

Неплюевъ обратилъ также вниманіе и на установленіе общественнаго порядка и благочинія въ Яицкомъ городкѣ, на недостатокъ городскихъ доходовъ, на развитіе грамотности въ войскѣ и многія другія стороны внутренняго быта казаковъ. Чтобы видѣть, чего, по его мнѣнію, не доставало для внутренняго благосостоянія Яицкой общинѣ, мы приведемъ еще небольшія извлеченія изъ его проекта, удержанная подлинную рѣчь Неплюева, такъ-какъ собственное его свидѣтельство, хотя бы оно было выражено и въ немногихъ словахъ, лучше длинныхъ разсужденій знакомить насъ съ стариной и болѣе опредѣляетъ характеръ времени и самого Неплюева.

Въ пункѣ 17: „*O городовомъ порядке и о всякомъ благочинии*“ Неплюевъ говоритъ: „Войсковой атаманъ и старшины должны всегдашнее попеченіе имѣть и стараться о добромъ порядке въ полиціи ихъ, наблюдать, чтобы въ ихъ городкѣ все спокойно и порядочно чинилось, а особливо-бѣ простой народъ обоего пола въ торжественные и праздничные дни къ церкви Божій прилежали, о чемъ атаману всегда наканунѣ тѣхъ дней въ полковыхъ командахъ приказами подтверждать; смотрѣть, чтобы, прежде нежель божественная литургія отойдетъ, пьянства и питейной продажи и крику не было; имѣть попеченіе, чтобы вѣс торги и промыслы порядочно и вѣрно происходили, прїѣзжающимъ и отѣзжающимъ купцамъ удержанія, обидъ и грабежа отнюдь не было, чего ради въ пристойныхъ мѣстахъ, когда и гдѣ нужно, имѣть постоянные караулы и смотрѣ, а притомъ всѣмъ пещись и о доброй городской экономіи: заводить и умножать также заводы и промыслы, которые по состоянію здѣшняго мѣста учреждены и предъ нынѣшимъ въ лучшее состояніе приведены быть могутъ; наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впредь всякъ строился бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать; тако же и сего смотрѣть, чтобы на торгу вѣсы и всякия мѣры были справедливы, цѣна на хлѣбъ и все харчевое держанье умѣренная, и такая, чтобы изъ того народной тягости, тако же и ни

въ чемъ бы никакихъ обмановъ не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ, имѣть особливое учрежденіе и надлежащіе къ тому инструменты^{a)}.

Что касается городскихъ доходовъ, то, кроме откупныхъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и поведерныхъ, у Яицкихъ казаковъ никакихъ другихъ доходовъ и сборовъ не было; „но и сихъ всѣхъ въ годъ“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„больше 435 руб. не бывало“, именно съ каждого кабака положено было по 15 руб., а такъ-какъ всѣхъ кабаковъ было 15, то кабацкій сборъ равнялся 225 р., вѣсовыхъ доходовъ приходилось на годъ отъ 120 до 140 р., поведерныхъ, полагая по рублю съ бочки, отъ 30 до 40 руб., такъ-что общій городской доходъ простирался отъ 405 до 435 р. въ годъ. Деньги эти шли на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе ко Двору презента, на вырубку и сгонъ учужнаго лѣса, на прогоны посылавшимся отъ войска лицамъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды пріѣзжавшихъ пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ экстренными порученіями въ Киргизскую орду, на церковные и канцелярскіе расходы, и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2000 руб., а на приходъ, какъ мы уже знаемъ, поступало maxимум 435 р., „отъ чего“,—говорить Неплюевъ,—„во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскъ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напредъ сего, но еще и нынѣ чинять по миру, т. е. съ казаковъ, разные поборы^{b)}. Не смотря на эти поборы съ казаковъ, иногда Яицкое войско дѣйствительно входило въ такие долги, что не имѣло даже возможности уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа В. Коллегіи къ Неплюеву, отъ 12 декабря 1745 г. Правда, что у казаковъ былъ еще одинъ источникъ общихъ доходовъ, это были такъ называемыя „домосѣдныя деньги“, которые собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ „въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багренья“; но эти деньги шли не на общіе городскіе расходы, а поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на служащихъ по письменной части при Войсковомъ правленіи, повѣренныхъ, войскового толмача, на канонировъ и кузнецовыхъ въ замѣнъ того, что имъ въ прежнія времена не позволялось участвовать въ упомянутомъ багренѣ, (хотя въ другихъ рыболовствахъ могли и они участвовать, если только это не отвлекало ихъ отъ служебныхъ обязанностей). Сумма домосѣдныхъ денегъ равнялась въ 1754 г. =

^{a)} Русск. Архивъ 1878 г., кн. II, стр. 26.

^{b)} Тамъ же, стр. 26—28, п. XVII.

1312 руб., въ 1756 г.=484 р.^{a)} 50 к.. въ 1757 г.=2070 руб., въ 1758 г.=1884 р.^{b)} 50 к., въ 1759 г.=1784 р. 50 к., въ 1760 г.=
=4593 р., въ 1761 г. за севрюжный караулъ 18 р., а всего въ семь
лѣтъ 12352 р.^{c)}

Въ числѣ лицъ, получавшихъ домосъдныя деньги, кромѣ указанныхъ выше, были также атаманы, старшины, муллы, отставные казаки и малолѣтки; число такихъ лицъ иногда простиравось до 60 и 70 чел.^{d)}. Такимъ образомъ, „домосъдныя деньги“, довольно значительныя по тому времени, не могли пополнять суммъ на общіе городскіе расходы, а между тѣмъ пополненіе этихъ суммъ было необходимо. Посмотримъ, что сдѣлалъ для этого Неплюевъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ. До этого времени Яицкие казаки, вслѣдствіе опредѣленія Сената, отъ 6 октября 1732 г., должны были покупать вино „на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызранѣ, гдѣ имъ способнѣе, на кружечныхъ дворахъ, по указаннымъ цѣнамъ и брать выписки, а ежели они вино будуть покупать не съ кабаковъ“, — говорится въ указѣ, — „и въ томъ изобличены будуть, за то у нихъ то вино отбирать безденежно“^{e)}. По окладной книгѣ Камеръ-коллегіи 1723 г. значится, что съ Яицкихъ казаковъ кабацкаго сбора взималось 708 р. 49 к. окладъ этотъ причисленъ былъ къ доходамъ Сызранской Ратуши, такъ какъ казаки покупали вино въ Сызранѣ. Неплюевъ чрезъ Воен. Коллегію предложилъ Сенату, съ вѣдома Оренбургской губернскай канцеляріи, водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ отдать на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ. — Надѣясь чрезъ то увеличить городской доходъ, Неплюевъ видѣлъ въ томъ и облегченіе для народа, такъ — какъ водка и вино могли тогда продаваться дешевле; въ то время какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и менѣше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля^{f)}. Кромѣ того, казаки, покупая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, вслѣдствіе отношенія В. Коллегіи, отъ 8 декабря 1749 г., и согласія войска, въ лицѣ атамана Ильи

^{a)} У Данилевскаго (Рыболовство въ Россіи, ч. III, стр. 65) показано подъ 1756 г. 404 р. 50 к.; но мы удержали тѣ цифры, которыя приведены въ указѣ, отъ 15 декабря 1756 г. Яицкому войску. См. чернов. бумаги I. И. Желѣзнова, по описи № 67, стр. 8.

^{b)} У Данилевскаго за 1758 г. показано 1890 р.

^{c)} Слѣдовало бы ожидать 12146 руб. 50 коп., но такъ, хотя, м. б., и ошибочно показано въ указѣ, отъ 15 декабря 1756 г.

^{d)} Указъ 15 декабря 1765 года.

^{e)} П. С. З., т. XIII, № 9601, стр. 164, ст. I.

^{f)} Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренб. губ. вино продавалось еще дороже, напр. въ Исетской провинціи ведро стоило 2 р. П. С. З., т. XIV, № 10497.

Меркурева и старшины Бородина, ежегодно вносить въ казну 708 р. 49 к. акцизаго сбора, опредѣлилъ: „дозволить Яицкому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позволительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 года 708 руб. 49 к. платить повсягодно сполна, бездоимочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежъ отъ того Яицкаго войска взять надлежащее обязательство, или оное имъ зачитать въ положенное годовое жалованье, по сношенню Камеръ-коллегіи съ Штатсъ-конторою и Яицкаго войска съ атаманомъ и старшинами“^a). При этомъ казакамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, подъ опасенiemъ жестокаго штрафа, „изъ тѣхъ Яицкихъ казацкихъ городковъ вина и водки въ великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены великороссійскіе служилые люди, и никуда, въ русскія поселенія, не отвозить и не пропускать“^b).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ указалъ казакамъ и на другой источникъ увеличенія общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ жителей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ по полтинѣ. Принимая во вниманіе то, что число пріѣзжавшихъ иногородцевъ въ Яицкій городокъ, особенно въ зимнее время, было весьма значительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ незначительный самъ по себѣ сборъ могъ достаточно восполнить сумму на городскіе расходы. Чтобы пресечь различнаго рода злоупотребленія и возможность къ неправильному расходу войсковыхъ суммъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы все городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуроны и за печатью книги, указавъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на канцелярскія потребности: на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова, также на посылку курьеровъ и прогоны, въ церковь на свѣчи и ладонь, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ киргизъ и калмыковъ и т. п. О всѣхъ расходахъ войско ежегодно должно было представлять особыя вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для контроля за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ, положено было избрать, по общему приговору, особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ „добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ“, которые, по истечениіи каждого года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ. Постоянный контроль надъ такими блюстителями войсковыхъ суммъ былъ порученъ войсковому атаману и старшинамъ^c.

^a П. С. З., т. XII, № 9691, стр. 164, ст. 2.

^b Тамъ же, стр. 165, ст. 1.

^c П. 18. „Русск. Архивъ“ 1878 г., кн. 2, стр. 28.

Заботясь о сбережении и должностномъ употреблениі войсковыхъ суммъ, Неплюевъ также постановилъ, чтобы командинуемымъ на службу казакамъ жалованье выдавалось подъ поручительствомъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ „и ежели кто, не заслужа третъ^{a)}, бѣжитъ или умретъ, то оно жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручителей, а буде кто, не получа заслуженного жалованья, умретъ, то заслуженное жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наследникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію Войскового суда^{b)}.—Запрещая отпускать старшинъ со службы болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, Неплюевъ прибавляетъ: „а ежели который за собственою нуждою болѣе мѣсяца пробудеть, таковыи на все то время, сколько онъ отъ команды въ отпускѣ, жалованье не отдавать и удержанное записывать^{c)}. О вѣхъ остаткахъ суммъ вѣдѣно было „въ Оренбургскую губернскую канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывать въ книгу^{d)}.

Раньше Ицикіе казаки отправляли въ Петербургъ четыре станицы въ годъ, одну зимовую и три мелкія, на что отъ Военнай Коллегіи была ассигнована особая сумма въ 2638 руб. 30 к.; деньги эти шли на награды атаманамъ, есауламъ, старшинамъ и казакамъ, пріѣзжавшихъ въ станицахъ, для чего выбирались всегда заслуженные и оказавшія особыя услуги лица. Неплюевъ, въ виду увеличенія окладнаго жалованья, уничтожилъ легкія станицы, оставилъ одну зимовую и назначивъ на нее сумму въ 1217 р. 41 $\frac{1}{2}$ к., да, сорокъ того, на чрезвычайные расходы, т. е. на ковши, сабли и знамена, 100 р., а всего 1317 р. 41 $\frac{1}{2}$ коп. Вся сумма распредѣлилась слѣдующимъ образомъ: „атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 рублей, при немъ есаулу 60, старшинѣ—50, рядовымъ семнадцати человѣкамъ—каждому по 35 руб., остальные деньги шли на расходы по поѣздкѣ и на чрезвычайные расходы. Если бы въ войскѣ не нашлось особенно предъ другими заслуженныхъ и достойныхъ лицъ, то вѣдѣно было назначать въ зимовую станицу старшинъ и есауловъ по очереди^{e)}. Не оставилъ безъ вниманія Неплюевъ и отсутствіе школъ въ войскѣ. Изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ было только 26 чел., а изъ взрослыхъ не болѣе 5 человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшинъ, но и тѣ,—по выраженію Неплюева,—„знаютъ недовольно“. „Почему войсковому атаману съ товарищами сго“,—говорить

^{a)} Жалованье выдавалось по третямъ впередь.

^{b)} П. 11. Тамъ же, стр. 20.

^{c)} П. 11. Тамъ же, стр. 20.

^{d)} Тамъ же.

^{e)} Пунктъ XII. См. „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. 2, стр. 20—21. Слич. П. С. З. № 8128; 8209; 8407; 10121; 10824 и др.

Неплюевъ,— „такожъ и полковымъ старшинамъ надлежить имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскіе, но и знатныхъ казаковъ дѣти обучаемы были грамотѣ и чистому письму, а при томъ не излишне бы для нихъ было и сіе, ежели бы кто зналъ изъ нихъ хотя первыя части арифметики и прилежалъ бы въ церквяхъ чтенію и пѣнію“^{a)}. Если бы въ войскѣ не нашлось для обучения дѣтей кого-либо изъ свободныхъ и способныхъ церковно-служителей, то, по мнѣнію Неплюева, „могло бы на войсковой копѣ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые покой и содержать особаго же одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ оставающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы; и чтобы каждого къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отнынѣ грамотныхъ людей, ежель состоянія доброго, хотя бъ службою и моложе быть, въ произвожденіяхъ предпочитать, а впредь, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ“^{b)}. Что въ числѣ Яицкихъ казаковъ дѣйствительно было мало грамотныхъ, особенно изъ взрослыхъ, это подтверждается и другими официальными данными, такъ напримѣръ, въ войсковомъ приговорѣ о выборѣ въ атамана Андрея Бородина въ 1755 году встрѣчается нѣсколько разъ подпись дѣтей, вмѣсто отцовъ, и подпись простыхъ казаковъ вмѣсто старшинъ и есауловъ^{c)}, которые желая, вѣроятно, скрыть свое безграмотство, заставляли росписываться за нихъ нерѣдко „по приказу“, а не „по просьбѣ“ такого-то, но въ это время встрѣчается уже болѣе грамотныхъ, чѣмъ за семь лѣтъ, когда Неплюевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ и настаивалъ на учрежденіи школы.

Отъ Неплюева, какъ добросовѣстнаго труженика и врага всякаго дармоѣства, не скрылось и обыкновенное явленіе нашихъ городовъ, составляющее и понынѣ^{d)} большое зло въ общественно-экономической жизни Русскаго народа,— мы разумѣемъ нищихъ^{e)}.

Въ пунктѣ XX его проекта читаемъ: „есели-жъ есть и будутъ шататься по міру малолѣтнія сироты, отцевъ и матерей неимущія, тако-

^{a)} „Р. Арх.“ 1878 г., кн. II, стр. 28, пунктъ XIX.

^{b)} Тамъ же.

^{c)} Напр. вмѣсто войскового старшины Ив. Митрясова, по его *приказу*, сынъ его Алексѣй Митрясовъ подписался; вмѣсто старшинъ Петра Абомова, Михаила Бородина, Федора Иванаева, Федота Матвѣева, по ихъ прошенію, подписался канцеляріи войсковыхъ дѣлъ писарь Степанъ Ивановъ; вмѣсто сотниковъ Михайла Елизарова, Сергея Юдина, Ив. Солдатова, Петра Милехина и Кирилы Поднарѣшкова, по ихъ прошенію, казакъ Романъ Котелковъ подписался и т. д. См. черновыя бумаги И. И. Желѣзнова, по описи № 1.

^{d)} См. въ газетѣ: „Волжско-Камское Слово“ за 1882 годъ мои статьи: 1) „Нищенство и нищіе“ (№№ 108, 110 и 111) и 2) „Меры къ ослабленію нищенства“ (№№ 123, 126 и 127).

^{e)} П. С. З., т. XIV, № 10460.

выхъ до возраста отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, а буде сихъ не будетъ, то и постороннимъ^{a)}. — Лица, принявши къ себѣ кого-либо изъ сиротъ на прокормленіе, обязывались подпской, что они, когда принятому ими мальчику исполнится 16 лѣтъ, объявлять о томъ въ Войсковомъ Приказѣ для зачисленія его въ службу. Взятые на содержаніе сироты не могли оставлять самовольно своихъ кормильцевъ до означеннаго возраста; онѣ обязаны были служить своему благодѣтелю и помогать въ работѣ до зачисленія ихъ въ службу; если же имъ приходилось слишкомъ жутко, то предоставлялось право жаловаться и, по разсмотрѣніи ихъ жалобъ въ Войсковомъ Судѣ, если онѣ оказывались справедливыми, ихъ брали и передавали на прокормленіе другимъ, при соблюденіи тѣхъ же условій съ обѣихъ сторонъ.

Не мало было и другихъ сторонъ быта Яицкихъ казаковъ, на которыхъ обратилъ свое вниманіе Неплюевъ: такъ онъ съ подробностію опредѣлилъ права и кругъ дѣятельности всѣхъ служащихъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ казакомъ; съ неменьшою подробностію изложилъ онъ и свое мнѣніе объ учрежденіи полковъ или станицъ, объ устройствѣ походной и городской артиллеріи; опредѣлилъ окладъ жалованья для служащихъ, порядокъ въ содержаніи форпостовъ, командировки и наряды на службу; излагаетъ свои соображенія о бѣглыхъ, объ отношеніи къ бѣглымъ и беспаспортнымъ^{a)} казаковъ, говорить о рыбныхъ и другихъ войсковыхъ промыслахъ; Неплюевъ также указалъ, какъ должны вообще относиться казаки къ кочевавшимъ близъ ихъ городка калмыкамъ и, въ частности, къ желавшимъ принять изъ нихъ крещеніе^{b)}; упоминаетъ объ отношеніи къ нимъ татарскихъ мулль; опредѣляетъ штатъ Илецкой и Сакмарской станицъ, показавъ въ точности ихъ отношеніе къ Яицкому войску, и заканчиваетъ свой проектъ правомъ аппеляціи недовольныхъ. Не входя во всѣ подробности этого обширнаго проекта, мы думаемъ, что и приведенныхъ нами извлеченій достаточно, чтобы судить о томъ, насколько близки были Неплюеву интересы Яицкой общины и какъ дорого цѣнилъ онъ силы этой „сбродной солѣницы“, стараясь дать ей правильный строй и улучшить экономическое положеніе войска. Неплюевъ видѣлъ тѣ богатые задатки Яицкихъ казаковъ, которые потомъ обнаружили они въ борьбѣ съ киргизами и другими средне-азиатскими хищниками; еще Кирилловъ писалъ о нихъ Бирону: „они люди дѣльные и здѣшнихъ мыстѣ всѣ стегики знаютъ“^{c)}, — и правъ былъ, по нашему мнѣнію, Кирилловъ, потому что

^{a)} Слич. П. С. З., т. XI, № 8359.

^{b)} Объ этомъ будетъ сказано въ главѣ о калмыкахъ.

^{c)} Русск. Бесѣда за 1860 г., II, стр. 199. Письмо Кириллова къ Бирону, 30 ноября 1734 г.

уральский казакъ (мы не говоримъ объ исключеніяхъ) *въ степи не замѣнимъ*. Но заботясь о внутреннемъ благосостояніи и устройствѣ быта Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ не забываетъ при этомъ интересовъ и другихъ обитателей края, что не могло иногда мирить казаковъ съ безкорыстными стремленіями Неплюева. Приведемъ одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

До 1750 года Яицкие казаки пользовались рубкой лѣса по рѣкамъ Сакмарѣ и Самарѣ, а также и по Яику между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостью^{a)}; но въ 1750 году Неплюевъ, желая удовлетворить существеннымъ нуждамъ мѣстныхъ жителей, запретилъ Яицкимъ казакамъ въ означенныхъ мѣстахъ рубить лѣсъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ длинная переписка между войскомъ, В. Коллегіей и Неплюевымъ. Въ своемъ доношении В. Коллегіи, отъ 29 декабря 1755 года, Яицкое войско, между прочимъ, писало: „Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланномъ отъ 27 марта сего года, господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и Оренбургскій губернаторъ Ив. Ив. Неплюевъ, между прочимъ, изъяснилъ, чтобы между крѣпостей, состоящихъ вверхъ по Яику рѣкѣ, какъ для запора учуга, такъ войску Яицкому и на хоромное строеніе и прочее, отъ Илецкаго городка^{b)}, не доѣзжая до Разсыпной крѣпости за три версты, выше оной лѣсъ рубить запретить, а понеже онаго лѣса какъ отъ самаго Яицкаго городка, такъ и до Разсыпной крѣпости нынѣ не только на запоръ учуга или хоромное строеніе, но и дровянаго самое малое дѣло, и въ томъ войско Яицкое имѣть себѣ крайнюю нужду и недостатокъ, ибо повсѧгодно оной лѣсъ Яицкимъ войскомъ положено готовить къ лову рыбы, которая на обиходъ ко двору Ея Императорскаго Величества президентомъ въ зимовой станицѣ посылается, да по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему, присланному, отъ 14 числа декабря 1753 года, изъ Главной Дворцовой Канцеляріи указу велѣно каждогодно, до осьми сотъ осетровъ и бѣлугъ и икры, ловя, въ оную Дворцовую Канцелярію присылатъ свѣжею и просольною, и отправляется,—такожъ иззатого и войско Яицкое довольствующъ и весь корпусъ на томъ содержится, не требуя казеннаго кошта, какъ-то Государственной Военной Коллегіи есть не безъизвѣстно, а ежели-же онаго учуга заперто при войскѣ хотя одинъ годъ не будетъ, то Яикомъ рѣкою вся предписанная рыба вверхъ пройти можетъ, и уже иззатого не только чтобы войска Яицкаго корпусъ содержаться можетъ, но и предписанной какъ президентъ или въ Дворцовую Канцелярію той рыбы ловить будетъ негдѣ, и послѣдуетъ

^{a)} Разсыпна я крѣпость въ 101 вер. отъ Оренбурга, внизъ по теченію Урала. Рычковъ. „Топ. Ор. губ.“, ч. 11, стр. 93.

^{b)} Отъ Илецкаго городка до Разсыпной крѣпости всего 25 верстъ. См. тамъ же.

въ томъ остановка, и войско Яицкое принуждено понести крайнее раззяреніе и недостатокъ; а понеже оной лѣсъ до полученія оного указа повсягодно вверхъ по р. Яику между Татищевой^{a)} и Разсыпной крѣпостей рубленъ былъ^{b)} и пр.^{b)} Далѣе идетъ исчислениe, сколько и какого рубилось лѣса, указывается на другія казачьи нужды и, наконецъ, все сводится къ тому, „дабы повелѣно было предписанной лѣсъ отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ, какъ на запоръ вышеписаннаго учуга, такъ и войску Яицкому на хоромное строеніе и прочее рубить дозволить, чтобъ по вышеписанному довольно резону ко двору Ея Императорскаго Величества презенѣктъ и въ Главную Дворцовую Канцелярію рыбы означенніе число безостановочно отправляемо было“.

В. Коллегія отвѣчала:^{c)} „Для вышеозначенныхъ потребностей о дозвolenіи вамъ, Нашему войску, въ рубкѣ лѣсу отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ, какъ на запоръ учуга, такъ и вамъ, Нашему войску, на хоромное строеніе и прочее“.... „помянутому дѣйствительному тайному совѣтнику, при нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ по тамошнимъ васъ Нашего войска, противъ прочихъ отмѣннымъ службамъ, какое удовольствіе вамъ, Нашему войску, учинить разсмотрѣніе и представить въ Коллегію со мнѣніемъ,—а между тѣмъ для предписанныхъ потребностей въ показанныхъ отъ васъ, Нашего войска, мѣстахъ отъ устья Сакмарскаго ниже Оренбурга до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ иной лѣсъ рубить по усмотрѣнію небольше вашей, Нашего войска, надобности дозволить, чтобъ какъ вы, Наше войско, представляете самокрайней въ томъ нужды не имѣли“. Въ томъ же смыслѣ писала В. Коллегія и Неплюеву, который еще въ 1748 г., въ бытность свою въ Яицкомъ городкѣ, относительно этого постановилъ слѣдующее: „на учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежели оного въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то современемъ позволять изъ Сакмарь рѣки доставать, токмо для береженія, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не скудить, смотрѣть, дабы оные на другія потребы излишняго тамъ не рубили“^{d)}. Въ отвѣтъ на отношеніе В. Коллегіи Неплюевъ писалъ 26 мая 1757 г., что „Яицкимъ

^{a)} Отъ Оренбурга прямую дорогою до Татищевой 54 версты, а отъ Разсыпной 47 вер. См. черновыя бумаги И. И. Желѣзнова по описи № 16, стр. 8 и 9. Правописаніедержано подлинника.

^{b)} Тамъ же.

^{c)} См. грамоту Андрею Бородину и Яицкому войску, отъ 15 июля 1756 года, за № 5992, послѣ слова „опредѣлено“, въ пунк. 6. Сл. выписку въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова, по описи № 16, стр. 10.

^{d)} См. пунктъ 16 его проекта: о рыбныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ Р. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 25.

казакамъ рубить лѣсъ между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостю дозволить нельзя, по той причинѣ, что на тѣхъ мѣстахъ застроены крѣпости и другіе поселены служилые люди". Въ заключеніе своего доношенія Неплюевъ говоритъ: „А понеже въ оныхъ крѣпостяхъ живутъ люди, какъ выше упомянуто, все военные, того ради я Государственной Военной Коллегіи о вышеписанномъ представить въ должности нашелся, а они, войско Яицкое, вмѣсто того вверхъ до Разсыпной крѣпости и внизъ даже до Гурьева—Яицкаго городка, по Яику лѣсомъ пользуются,—да сверхъ того имъ же въ свободный извортъ отдана Илекъ-рѣка со всѣмъ лѣсомъ, котораго будетъ по той рѣкѣ верстъ на полтараста, чего ради самъ тотъ Илецкій городокъ хотя съ прочими новыми крѣпостями отъ Оренбургской Коммиссіи заведенъ и людьми населенъ, а войску Яицкому ничѣмъ не принадлежалъ, однакожъ отъ меня въ войска Яицкаго вѣдомство отданъ и ихъ станицею именуется, дабы тако прилежащія къ нему угодья въ собственной власти ихъ были, и они-бѣ и ми свободнѣе пользоваться и беречь могли,—итако у нихъ Яицкаго войска, и кромѣ вышеозначенныхъ новыхъ крѣпостей, какъ Илекъ, такъ и Яикъ рѣки съ прочими впадающими въ нихъ рѣчками и съ имѣющимися въ нихъ лѣсами и прочими угодьями *сотѣ на семь верстѣ* въ ихъ владѣніи".

Изъ высочайшей грамоты къ Яицкому войску, отъ 31 августа 1757 года, видно, что В. Коллегія, раздѣляя мнѣніе Неплюева, позволила Яицкимъ казакамъ нарубить въ указанныхъ мѣстахъ лѣсу только на запоръ одного учуга, „впредь же войскому атаману (говорилось въ грамотѣ) никакихъ ордеровъ отъ себя не послать, а требовать отъ дѣйствительного тайного совѣтника (Неплюева) повелѣнія, и быть вамъ, Нашему войску, въ силѣ предположенныхъ изъ Нашей Военной Коллегіи грамотъ ему дѣйствительному тайному совѣтнику послушнымъ и по посланнымъ отъ него ордерамъ исполненіе чинить безъ отрицанія". Такимъ образомъ Неплюевъ въ данномъ случаѣ отстоялъ свое мнѣніе, что, конечно, не нравилось казакамъ. Но, стараясь оберегать интересы всѣхъ поселенцевъ края, Неплюевъ заботился и о томъ, чтобы не возстановить противъ себя Яицкое войско, склонное ко всякаго рода протестамъ, когда только задѣвались его интересы. При помощи и содѣйствіи лучшихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ же казаковъ, онъ старался проводить свои преобразованія въ Яицкое войско, которое мало-по-малу, но смотря на свое „невѣжество и тѣлѣнство“, замѣченныя въ немъ Неплюевымъ, всасывало ихъ въ свой организмъ и постепенно выходило на лучшую дорогу изъ своего перво-бытнаго патріархального состоянія. Но Военная Коллегія, какъ видно, не торопилась примѣнить къ Яицкимъ казакамъ преобразованій Неплюева во всей ихъ полнотѣ и силѣ, выжидая, можетъ быть, того времени, когда

войсковой атаманъ и другіе чиновные люди, сдѣлавшись самостоятельными, подготовить казаковъ къ воспріятію реформъ, согласныхъ съ видами правительства. Не смотря на то, Неплюевъ энергично работалъ надъ реорганизацией Яицкаго войска, желая дать ему лучшее устройство. Изъ архивныхъ дѣлъ Казачьяго повытъя и бывшей при В. Коллегии Воинской Коммісіи видно, что въ 1453—1756 годахъ Неплюевъ все еще хлопоталъ за Яицкое войско. Въ 1753 году онъ былъ приглашенъ въ Военную Коллегію, где, „по его начинанію“, былъ составленъ полный штатъ: „о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ, въ какомъ числѣ предъ тѣмъ оныя были и, по нынѣшнему (1753 г.) Военной Коллегіи разсмотрѣнію, впредъ сколько ихъ и на какомъ основаніи быть надлежитъ, при чемъ и онъ дѣйствительный тайный советникъ присутствовалъ“^{a)}.

Въ этомъ новомъ проектѣ опредѣлялось число казаковъ, ихъ содержаніе, обязанности и т. п. Военная Коллегія 17 мая 1753 г., представила этотъ проектъ въ Сенатъ, а 26 мая того же года въ Сенатскомъ журнальѣ было записано, что „впущенъ былъ Воинной Коллегіи членъ, бригадиръ Суворовъ^{b)} и подалъ отъ оной Коллегіи доношенія, при которыхъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о Яицкомъ войску, приказали: оныя доношенія и штаты, принявъ, предложить къ слушанію впередъ^{c)}. Прошло почти два года со времени представленія этого проекта, а со стороны Сената не было никакого по нему рѣшенія; по этому Военная Коллегія 31 марта 1755 г. внесла въ Сенатъ новое и весьма пространное доношеніе по тому же вопросу. Но Сенатъ почему-то и на этотъ разъ оставилъ запросъ Воинной Коллегіи безъ отвѣта. Наконецъ 19 апрѣля 1756 года въ Военной Коллегіи состоялось слѣдующее постановленіе: „по отпискѣ войска Яицкаго отъ 29 ноября 1755 г., этому войску, до будущаго въ учрежденной при Воинной Коллегіи Коммісіи обо всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ, оставаться на такомъ основаніи, какъ и прежде оныя состояли, а въ нарядахъ и командированіяхъ быть въ командѣ отъ дѣйствительнаго тайного советника Неплюева, какъ и до нынѣ были“^{d)}. Такъ кончились всѣ благія начинанія Неплюева по реорганизаціи Яицкаго войска, въ чемъ, конечно, не его вина. Судьбы Яицкаго войска, какъ будто по закону исторической необходимости, подготовлялись для ужасныхъ явлений Пугачевщины.— Переидемъ теперь къ вопросу о бѣглыхъ и къ отношенію къ нимъ со стороны Неплюева.

^{a)} Русск. Архивъ за 1878 г., кн. I, стр. 487.

^{b)} Отецъ генералиссимуса А. В. Суворова.

^{c)} Тамъ же, стр. 488.

^{d)} Дѣло Воинск. Комм. 1753 г., оп. 121, св. 28, № 15. См. Р. Арх. 1878 г., кн. I, стр. 488.

ГЛАВА XII.

„Пахарь, соху ведучи иль оброкъ считая,
Не однажды превздохнетъ, слезы отирая“.

Канчеллы

„Наші крестьяне печальными своимъ при-
мѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное
угнетеніе людей“.

Польновъ.

„Яицкие казаки люди д'ельные и зд'ешнихъ
м'есть вс'е стешки знаютъ“.

Кирилловъ.

Оренбургскій край, подобно другимъ украинамъ, издавна былъ при-
томъ бѣглыхъ людей, но особенно бѣжавшіе сюда изъ внутренней Россіи
полюбили берега привольнаго Яика, гдѣ ихъ охотно принимали и ста-
рались укрыть отъ сыскныхъ командъ Яицкіе казаки. Причины побѣ-
говъ изъ центральной Россіи въ общихъ чертахъ были уже нами отмѣчены
выше ^{a)}, остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, чтобы лучше
уяснить себѣ громадный наплывъ бѣглыхъ и пришлыхъ людей въ предѣлы
Оренбургскаго края. Обстоятельства внутри Россіи какъ нельзя болѣе
благопріятствовали частному, тайному и безконтрольному поселенію бѣглыхъ
на ея окраинахъ. Причины побѣговъ были весьма сложны и различны;
но особенно жутко приходилось въ XVIII ст. крѣпостнымъ крестьянамъ.
Приверженецъ и любимецъ правительницы Софии, князь В. В. Голицынъ,
мечтавшій, по свидѣтельству Невилля ^{b)}, объ освобожденіи крестьянъ съ зе-

^{a)} См. выше стр. 129.

²⁾ См. выше стр. 129.
³⁾ De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1699 г., 175—178.
См. соч. В. И. Семёновского, «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» Спб. 1888 г., т. I, стр. 2.

мельнымъ надѣломъ, не только не осуществилъ своей смѣлой мысли, но даже не успѣлъ ничего и предпринять для улучшения быта крѣпостныхъ крестьянъ^{a)}. Между тѣмъ сами крѣпостные считали свое горькое положеніе временной бѣдой, устроенной помѣщиками помимо царской воли. Народъ какъ бы инстинктивно сознавалъ, что рано или поздно слово освобожденія раздастся съ высоты царскаго престола,— это убѣжденіе было выражено крѣпостными еще при Петре Великомъ. Въ своей членитной боярскіе люди писали: „просимъ и молимъ и умилъно вошемъ, да Тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отрадише было. На семъ нашемъ приношеніи къ Тебѣ, Великому Государю, сановники твои бояре и князи Тебѣ, Великому Государю, станутъ возвратить, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ, мучиться, яко лѣсы зубы, челюсти своими пожираютъ и, якоже зміи ехидныя, разсвирашт, напрасно попираютъ и, якоже волци свирѣпіи, біютъ насть, яко не милостивые тиграта: Великій Государь, смируйся пожалуй!“^{b)} — Заботясь о своемъ народѣ, какъ попечительный отецъ, Петръ Великій сдѣлалъ первый попытку къ тому, чтобы нѣсколько ослабить развитіе крѣпостного права: онъ сознавалъ необходимость мѣръ для ограниченія продажи крестьянъ безъ земли; уничтожилъ право помѣщиковъ ставить за себя на правежъ крестьянъ; имѣнія помѣщиковъ—разорителей велено было отдавать въ опеку ихъ ближайшихъ родственниковъ, до исправленія самихъ владѣльцевъ; крестьянамъ, занимавшимся торговлей на извѣстную сумму, дозволено было приписываться къ городамъ, даже вопреки желанію ихъ владѣльца, не лишавшагося, впрочемъ, права взиманія съ нихъ оброка наравнѣ съ остальными крестьянами; а дворовые люди могли поступать въ военную службу, не спрашивая на то согласія своего господина^{c)}. Но съ другой стороны, уравненіе Петромъ крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей послужило и къ усиленію крѣпостного права: до ревизіи холопы получали свободу, въ случаѣ смерти своего господина, теперь же они лишились этого права. Кроме того не всѣ мѣры Петра Великаго были приведены въ исполненіе, оставалась, по большей части, мертвую буквою на бумагѣ. Умный и правдивый крестьянинъ Просошковъ, предвидѣвшій за полтараста лѣтъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, такъ изображаетъ ихъ безотрадное положеніе: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобносимыя; ибо есть такие безчеловѣчные

^{a)} Тамъ же, стр. 3.

^{b)} См. въ приложении къ XVIII т. Истории Россіи С. М. Соловьевъ, М. 1868 г., стр. 356.

^{c)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и перв. полов. XIX в. т. I, стр. 4.

дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. Итако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положеніе забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету приговариваютъ, и который крестьянинъ станетъ мало-мальски посытнѣе быть, то на него и подати прибавляютъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многие дворяне говорятъ: *крестьянину не давай обности, но стриги его, яко овцу, дрогола;* и тако творя, царство пустошать, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же въ *украину*, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ^{a)}. Посошковъ указываетъ и на причины такого отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и на необходимость охраненія послѣднихъ, со стороны Государя: „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы“, говоритъ онъ: „того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. Итого ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскими указами хранить, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“^{b)}. Но смѣлый и энергичный застуپникъ за порабощенный народъ, какъ известно, поплатился тюрьмою за свое правдивое и безстрашное слово: покуда живъ былъ Петръ, любившій правду и откровенность въ своихъ подданныхъ^{c)}, Посошковъ былъ безопасенъ; не стало Петра — Посошкова тотчасъ же заключили въ Петроцавловскую крѣпость, гдѣ онъ въ 1726 г. и умеръ. „Послѣ Посошкова“, — замѣчаетъ Семевскій, — „наступаетъ полное затишье въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлые голоса изъ народа „о положеніи крестьянъ“ раздались „только въ Екатерининской комиссіи, для составленія Нового Уложенія“^{d)}.

Со смертію Петра Великаго, который все-таки старался сдерживать порывы владѣльческой алчности и безчеловѣчія^{e)}, произволъ и жестокость помѣщиковъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ: крестьянинъ былъ низведенъ на степень выключаго безгласнаго скота. Послѣ Петра крѣпостное и послес-

^{a)} Соч. Ив. Посошкова, изд. Погодина, Москва 1842 г. I, 182—183. Сл. соч. Бѣляева: *Крестьяне на Руси*, М. 1860 г., стр. 286.

^{b)} В. И. Семевскій. *Крестьянский вопросъ въ Россіи*, т. I, стр. 5.

^{c)} См. выше стр. 46.

^{d)} *Крестьянский вопросъ въ Россіи*, т. I, стр. 7.

^{e)} *Временникъ*, кн. XII, стр. 12 и д.

сіонное право усиливается и крѣпчаетъ, не подвергаясь никакимъ ограничениемъ въ своемъ распространеніи. Пожалованіе населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ и приписка по ревизіямъ увеличиваются число крѣпостныхъ крестьянъ. Въ періодъ времени съ 1682 по 1710 годъ, было пожаловано разнымъ лицамъ изъ однихъ дворцовыхъ волостей 45,655 дворовъ съ населеніемъ болѣе 170 тысячъ душъ; со смерти же Петра до Екатерины II число пожалованныхъ въ помѣстья и вотчины крестьянъ достигло нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ, хотя большая часть этихъ пожалованій дѣлалась изъ конфискованныхъ имѣній. Всѣ вольноотпущеные, неизбравшіе опредѣленныхъ занятій въ жизни, непомнящіе родства, приемыши, сироты, заштатные церковно-служители, незаконорожденные, плѣнныя, бродяги и т. п. записываемы были или въ крѣпостные или посессіонные (принадлежащіе къ фабрикамъ) крестьяне^{a)}. Одновременно съ распространеніемъ и ростомъ крѣпостного права въ жизни, идетъ усиленіе его и со стороны закона: 20 сентября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ, запрещавшій принимать въ военную службу дворовыхъ людей боярскихъ и крестьянъ, „которые въ подушный окладъ написаны и которые хотя и не написаны, въ солдаты и матросы, и ни въ какую службу волею ихъ не принимать и не записывать“^{b)}. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Императрица Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать наказанію тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые самовольно будуть просить о принятіи ихъ въ военную службу. Помѣщики такъ свыклись съ мыслью о крѣпостничествѣ, что даже наиболѣе образованные изъ нихъ и патріоты по своимъ убѣжденіямъ, какъ напримѣръ А. П. Волынскій и В. Н. Татищевъ, не шли дальше различныхъ проектовъ и инструкцій объ управлѣніи крестьянами, возлагая на самого помѣщика заботы о всѣхъ духовныхъ и материальныхъ нуждахъ крестьянъ^{c)}, и считали невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостного права: „оное“,—замѣчаетъ Татищевъ,—съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно^{d)}. Въ экономическихъ запискахъ Татищева^{e)} крестьянинъ связанъ, какъ говорится, по рукамъ и ногамъ властію помѣщика, который мучить его трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать имѣніе и ненужныхъ для него поросенка и курицу; помѣщикъ требуетъ, чтобы крестьянинъ имѣть известное число коровъ, лошадей, овецъ, оловянныхъ

^{a)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 9.

^{b)} Указы, состоявш. съ 1725 январ. съ 28 числа по 1730 г. Спб. 1743 г. стр. 283—284.

^{c)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи т. I, стр. 8.

^{d)} Примѣч. къ § 88 „Судебника“, изд. Татищевымъ.

^{e)} Временникъ, кн. XII, стр. 12—30.

ложекъ, блюдъ, тарелокъ, ножей, вилокъ, скатертей, стакановъ, солонокъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдастъ его въ батраки, даже безъ всякаго вознагражденія за его трудъ. Такого рода посягательства на крестьянина, по замѣчанію Бѣляева, прежнимъ помѣщикамъ и въ голову не приходили^{a)}. Если такой передовой и образованный человѣкъ своего времени, какъ В. Н. Татищевъ, при томъ же сравнительно добрый и попечительный помѣщикъ^{b)}, смотрѣлъ не иначе на крестьянъ, какъ на несправную и безгласную собственность; то что можно было ждать отъ другихъ его современниковъ, грубыхъ и необразованныхъ сатраповъ!—Даниловъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что онъ жилъ у такой человѣколюбивой и мягкосердечной вдовы-помѣщицы, которая, какъ только начинала кушать свои любимыя щи, приказывала „людямъ сѣчь батожьемъ немилосердно кухарку“, приготовлившую тѣ щи, „и покуда сѣкуть и кухарка кричить“,—передаетъ Даниловъ,—„вдова не перестасть щи кушать, что было введено во всегдашнее обыкновеніе“^{c)}, какъ бы для возбужденія аппетита. Но самодурство этой любительницы щей и страстной охотницы до порки своей кухарки ничто въ сравненіи съ звѣрствомъ Дарьи Салтыковой, принадлежавшей по мужу къ весьма знатной фамиліи, и кн. Козловской. Извѣстно, что и мужъ Салтыковой весьма жестоко обращался съ людьми: по его приказанію, была засѣчена до смерти одна женщина^{d)}, но жена превзошла своего мужа въ звѣрскомъ и кровожадномъ обхожденіи съ крѣпостными. Овдовѣвъ въ 1756 году, Салтыкова, какъ дикий разъяренный звѣрь, набрасывается на своихъ крѣпостныхъ и мучаетъ ихъ въ теченіи 12 лѣтъ, пока Императрица Екатерина II ни засадила ее въ подземную тюрьму. По приказанію Салтыковой, конюхи били дворовыхъ: людей, преимущественно женщинъ и девушки, ъзжалыми кнутьями, плетьми, батогами и розгами. Истязанія эти вызывались самыми мелочными неисправностями, напр. когда не такъ хорошо было вымыто бѣлье, не чисто подмытъ полъ и т. п. Чистоплотная помѣщица нерѣдко начинала свои внушенія неопрятнымъ крестьянамъ собственоручно ударами полѣномъ, палкой, валькомъ и т. п., конечно, по чему и какъ попало. Иногда и это не удовлетворяло звѣрскихъ инстинктовъ чистоплотной барыни,—и тогда она обращалась къ другимъ, по-истинѣ, инквизиторскимъ средствамъ истязанія, которымъ бы, кажется, позавидовалъ самъ Торквемадо: она била несчастныхъ головою обѣ стѣну; обливала

^{a)} Крестьяне на Руси, изд. 1860 г. стр. 308 и 311.

^{b)} См. его „Духовную“, изд. А. Н. Острожскимъ. Казань, 1886 г.

^{c)} Записки артиллер. маира Данилова. М. 1842 г. стр. 42 и д.

^{d)} В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I стр. 199, зам. 2.

лицо и голову кипяткомъ; дергала ихъ за уши раскаленными щипцами; палила на ихъ головы волосы; морила голодомъ, надѣвала колодки и заставляла въ нихъ работать, а зимою, послѣ жестокаго наказанія, выставляла людей босыми на морозъ и т. п. Возвращаясь *съ богомолья*^{a)} изъ Киева, Салтыкова забила до смерти въ одномъ изъ своихъ имѣній дворовую девушку Петрову за нечистое мытье половъ. Другая женщина, будучи беременной, во время наказанія ея розгами и батогами, по приказанію Салтыковой, разрѣшилась мертворожденнымъ младенцемъ, а вслѣдъ затѣмъ умерла и сама. Когда забили батогами до смерти Прасковью Ларинову и повезли тѣло ея изъ Москвы въ село Троицкое, Салтыкова приказала посадить на трупъ убитой, по ея приказанію, женщины грудного младенца покойницы, который во время пути и замерзъ на изуродованномъ и окоченѣломъ тѣлѣ своей страдалицы-матери. Иногда Салтыкова принуждала своихъ крестьянъ побоями и къ совершенію преступленій^{b)}. Убитыхъ Салтыковой и умершихъ отъ истязаній, если соглашался священникъ, хоронили какъ-бы скончавшихся отъ болѣзни, въ противномъ случаѣ ихъ почюю увозили въ глухой лѣсъ, прикрывъ сѣномъ или чѣмъ-нибудь другимъ, и здѣсь зарывали въ землю безъ всякаго отпѣванія, а управляющій обыкновенно объявлялъ, что „тѣ люди сбѣжали“. Если кто изъ дворовыхъ Салтыковой осмѣшивался доносить на нее, то обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что его же, какъ ложнаго доносчика, наказывали кнутомъ и ссылали въ Сибирь или возвращали къ той же „Салтычихѣ“ на новыя истязанія. И все это творилось ни гдѣ-нибудь въ глухи, а или въ самой Москвѣ, гдѣ Салтыкова жила большую часть года, или близъ „златоглавой“ и „блѣлокаменной“ столицы, въ пригородномъ селѣ Троицкомъ, куда Салтыкова обыкновенно выѣзжала на лѣто.

До какой степени недобросовѣстна была тогдашняя администрація, и какъ мало обращала вниманія на всѣ ужасныя истязанія, которыхъ приходилось испытывать крѣпостнымъ отъ своихъ господъ,—можно судить по тому, что *двадцать одинъ* разъ начиналось дѣло о Салтыковой и всякий разъ прекращалось безъ всякихъ для нея послѣдствій, благодаря начальнику полицмейстерской канцеляріи Молчанову и служащимъ при немъ въ полиції: надв. сов. Вельяминову-Зернову, прокурору Хвошинскому, актуаріусу Прафнутьеву и полковнику Ярову, по-

^{a)} Нѣкоторые помѣщики даже самую религию любви,—религию Распятаго за насъ Господа Нашего Иисуса Христа обращали въ предлогъ для мученія своихъ крестьянъ: графъ П. А. Румянцевъ приказывалъ быть плетьми тѣхъ, кто вовсе не гоѣль въ Великій посты, а „которые не причаствятся, тѣхъ сѣчи розгами, давая по 5000 разъ нещадно“. См. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царств. Император. Екатеринѣ II“, т. 1, стр. 182.

^{b)} Тамъ же, стр. 200, замѣч. 2.

вѣренному Салтыковой, которые за взятки, получаемыя ими отъ звѣроподобной помѣщицы, научали крѣпостныхъ давать показанія въ пользу Салтыковой и скрывали концы въ воду. Люди Салтыковой обвиняли ее въ убийствѣ или въ смерти „отъ побои“ 75 человѣкъ; Юстицъ-коллегія положительно обвинила Салтыкову въ убийствѣ 38-ми чел., оставила въ подозрѣніи въ убийствѣ 26-ти лицъ, оправдала по одному случаю и не приписала ей смерти 10-ти человѣкъ. Въ числѣ 38 убитыхъ Салтыковой лицъ было двѣ дѣвочки въ возрастѣ отъ 11—12 лѣтъ и только трое мужчинъ, остальная вся—женщины и дѣвушки^{a)}.

На слѣдствіи Салтыкова ни въ чёмъ не созналась; назначенный къ ней для увѣщанія „знающій“ священникъ также не имѣлъ никакого успѣха; страшныя пытки надъ преступникомъ въ ея глазахъ тоже не произвели на нее желаемаго впечатлѣнія,— тогда Юстицъ-коллегія присудила: отсѣчь Салтыковой голову и тѣло положить на колесо. Сенатъ съ своей стороны предложилъ сослать Салтыкову, по наказаніи ея кнутомъ, въ каторжную работу; но императрица Екатерина II, 2 октября 1768 г., замѣнила этотъ приговоръ слѣдующимъ: лишить Салтыкову дворянскаго званія и называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ на эшафотѣ къ столбу съ надписью «мучительница и душегубица», продержать ее въ такомъ положеніи цѣлый часъ; затѣмъ— надѣть на нее оковы и отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, гдѣ подлѣ какой-нибудь церкви посадить въ нарочно сдѣланную темную подземную тюрьму и содержать ее тамъ до конца ея жизни. Имѣніе ея приказано было передать дѣтямъ. Салтыкова была заключена въ подземную темницу при Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ она просидѣла 11 лѣтъ; затѣмъ въ 1779 г. перевели ее въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви; здѣсь она прожила еще 21 годъ и даже родила ребенка отъ приставленного къ ней караульного. Passenans, авторъ книги „La Russie et l'esclavage“ видѣлъ ее въ этомъ заключеніи уже семидесятилѣтнею старухою^{b)}. Массонъ говоритъ, что помѣщицы въ Россіи вообще

^{a)}) См. списокъ ихъ въ статьѣ г. Студенкина („Русск. Старина“ 1874 г., т. X, стр. 526—528). Ср. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, стр. 202.

^{b)}) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I, стр. 203. Подробности о звѣрскомъ обращеніи Салтыковой съ крѣпостными смотри въ „Русск. Архивѣ“ (1865 г., стр. 247—256 и 1871, 1281—1286; въ „Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс.“ (1872 г., т. I, стр. 38—44); въ „Русск. Старинѣ“ (1874 г., т. X, 497—546); въ журнальѣ: „Зритель“ (1863 г., №№ 35 и 36); „Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева (т. IV, стр. 84—96); „Записки Шаховскаго“ (изд. 1872 г., стр. 247 и 248); „Русск. Достопамятности“ М. (1862 г., выпускъ V, стр. 17); „Сборн. Русск. Истор. Общ.“ (т. X, 311—312); въ „Сенат. Арх.“, кн. № 142, л. 205, и въ ст. Снегирева: „Лубочная картины русск. народа“, М. 1861 г., стр. 67.

были кровожаднѣе, чѣмъ помѣщики, что, по его мнѣнію, обусловливалось большою сравнительно невѣжественностью первыхъ предъ послѣдними. В. И. Семевскій замѣчаетъ по этому поводу, что „мужчины дѣйствительно были не такъ невѣжественны, какъ женщины, потому что большинство изъ нихъ провело часть жизни на службѣ; помѣщицы же обыкновенно весь свой вѣкъ жили среди людей, которыхъ они привыкли считать своею собственностью, съ которыми имѣли возможность расправляться, какъ имъ угодно“ ^{a)}. Вотъ что, между прочимъ, разсказывается Массонъ о поступкахъ кн. Козловской, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ Салтыковой: „кн. Козловская олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнустностяхъ. Не разъ видали, какъ она велѣтъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ припадкахъ бѣшенства и изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и направляетъ собакъ грысть кесчастнаго: или же приказываетъ женщинамъ спѣть его, причемъ зачастую вырывается у нихъ розги и сама бичуетъ истязаемаго по... самымъ чувствителынмъ частямъ тѣла... соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства... Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію *на-голѣ*; затѣмъ свирѣпая госпожа нерѣдко, для утоленія своей лютости или даже личной мести, заставляла класть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, стыгла эти нѣжныя части тѣла. Я самъ видѣлъ (продолжаетъ Массонъ) одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала подобнымъ образомъ и вдобавокъ еще изуродовала: вложивъ пальцы въ ротъ, она розодрала ей губы до ушей. Я видѣлъ эту злополучную дѣвушку, обображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочие слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ“ ^{b)}.“

^{a)} Крестьяне въ царствование Екатерины II, т. I, стр. 189.

^{b)} Masson. *Memoires secrets sur la Russie*. Amst. 1800—1803, т. II, pp. 115—117; т. IV, p. 203.—Въ изданіи Барьера (1863 г.) мемуаровъ Массона это мѣсто опущено; оно потомъ было переведено въ журналѣ: „Русская Старина“ за 1874 г., т. IX, стр. 386—387. Слич. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствование импер. Екатерины II“, т. I, стр. 179—180. Сравн. тамъ же стр. 189.

Въ П. С. Зак. также находится не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о деспотизмѣ помѣщиковъ, изъ которыхъ иные понесли должное возмездіе за свои жестокости надъ крѣпостными.—Поручикъ Нестеровъ былъ сосланъ на поселеніе за то, что и самъ и, по его приказанію, слуги его «*били и жгли огнемъ*» одного человѣка за побѣгъ и кражу и посадили его въ подполье, гдѣ онъ и умеръ^{a)}. Другой помѣщикъ Лазаревъ былъ преданъ церковному покаянію за жестокое обращеніе съ своимъ крестьяниномъ: избитый имъ крестьянинъ умеръ. По медицинскому осмотру трупа убитаго оказалось, что „на головѣ кожа пробита; на ладвіяхъ и постогнамъ-синева; спина вся избита и черна, а подлѣ уха на правой сторонѣ оцараплено“^{b)}. Жену генералъ-экипажъ-майстера Зотову велѣно было постричь въ монахини за то, что она подвергала пыткамъ своихъ людей, которые не хотѣли признать принятаго єю чужаго младенца за єя сына^{c)}. Но, не смотря на это, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и безвыходнѣе становилось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Одинъ помѣщикъ, по словамъ Болтина, въ пьяномъ видѣ ни за-что, ни про-что всѣхъ дворовыхъ подвергъ тѣлесному наказанію^{d)}; одна барыня приказываетъ высѣчь сразу 80 женщинъ за то, что онѣ не набрали земляники, когда это было имъ приказано; былъ и такой случай, когда помѣщикъ приказалъ жечь углеми подошвы ногъ дворового человѣка за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ щенковъ, которыхъ велѣно было выкорчить его женѣ *своего грудью*^{e)}.

Въ проектѣ, составленномъ въ Елизаветинской комиссіи для новаго уложенія, помѣщикамъ давалась почти неограниченная власть надъ крестьянами: „Дворянство“,— сказано тамъ,— „имѣеть надъ людьми и крестьянами своими мужскаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ *полную власть безъ изъятія, кроме отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оними пытокъ*. И для того воленъ всякий дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ приданое, въ рекрутъ отдавать и во всякія крѣпости укрѣплять, на волю вѣчно и для промысла и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества за постороннихъ отпускать и съ деревень въ другія свои деревни по нижеписанному порядку переводить и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужскому полу жениться, а женскому

^{a)} П. С. Зак., № 11450.

^{b)} Тамъ же, № 11291.

^{c)} Тамъ же, № 11436. Ср. главу VII въ сочин. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1881 г., т. I.

^{d)} См. т. IV, стр. 565.

^{e)} В. И. Семевскій: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“, т. I, стр. 177.

замужъ идти позволить и по изволенію своему въ услуженіе, работы и посылки употреблять и всякия, кромѣ вышеписанныхъ наказаній, чинить или для наказанія въ судебнаго правительства представлять и, по разсудженію своему, прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать^{а)}.— Такимъ образомъ указъ Петра Великаго, которымъ онъ въ 1721 году предписалъ Сенату обратить вниманіе на необходимость прекращенія продажи людей въ розницу и безъ земли, не былъ осуществленъ, хотя въ Комиссіи 1741 года, для составленія новаго уложенія, и разсуждали о немъ, предполагая запретить „продажу людей безъ земли вовсе и безусловно“^{б)}.— Напротивъ, чѣмъ больше становилось число крѣпостныхъ батраковъ, тѣмъ дешевле цѣнился этотъ живой товаръ. Вотъ что говорить объ отношеніи помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ А. Я. Полѣновъ^{в)}, одинъ изъ образованѣйшихъ русскихъ людей XVIII вѣка: „Бѣдственное состояніе крестьянъ на такую степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и прийти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ видимъ... Наші крестьяне печальною своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей. Итакъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывести производимый человѣческою кровью безчестный торгъ. Мы въ семъ случаѣ не дѣлаемъ никакой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ и продаемъ нашихъ близкихъ, какъ кусокъ дерева, и болѣе жалюемъ нашъ скотъ, нежели людей^{д)}. Одинъ сельскій священникъ

^{а)} Латкинъ. Законодательная Комиссія въ Россіи въ XVIII в. Спб. 1887 г., т. I, стр. 155—156. Ср. Крестьянскій вопросъ въ Россіи В. И. Семевскаго, т. I, стр. 10, пр. 1-е.

^{б)} Тамъ же. См. въ „Др. и Нов. Россіи“ (1876 г. № 9, стр. 70): „Журналъ комиссіи для составленія законовъ“.

^{в)} Біографія А. Я. Полѣнова помѣщена въ „Русск. Архивѣ“ за 1865 г., стр. 445—470 и 703—736.

^{д)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в., т. 1, стр. 83—84. А. Я. Полѣновъ, какъ извѣстно, въ числѣ другихъ представилъ сочиненіе на тему, предложенную Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ на конкурсъ, по инициативѣ Императрицы Екатерины II: „Что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣть въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираются должны?“—А. Я. Полѣновъ получилъ за свой трудъ медаль въ 12 червонцевъ, но самый трудъ былъ напечатанъ только въ 1865 г. Подроб. смотр. въ отмѣч. соч. В. И. Семевскаго, т. I, главы V и VI.

разсказываетъ, что бывали случаи, когда за одну борзую собаку отдавали цѣлыя деревни крестьянъ. Одинъ продавалъ девушекъ — невѣстъ по 25 руб., другой въ то же время покупалъ борзыхъ щенковъ по 3000 руб.; слѣдовательно, даже щенокъ, а не собака, цѣнился въ 120 разъ^{a)} дороже человѣка, или 120 дѣвицъ равнялись по цѣнѣ одной собакѣ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, обыкновенно цѣною за крестьянскую душу, по свидѣтельству Болтина, была 30 р.^{b)}.

Вторая ревизія, послѣдовавшая при Елизаветѣ Петровнѣ, заботясь объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, „ломаетъ“, по выражению Бѣляева, „всѣ права“ податныхъ людей, если только не видитъ никакого обезпечения въ исправномъ платежѣ подушныхъ денегъ, и отдаетъ ихъ въ кабалу всякому, заявившему желаніе вносить за нихъ подати и могущему обезпечить этотъ платежъ. Манифестомъ 25 ноября 1741 г. отъ крестьянъ даже не требовали и присяги на вѣрноподданство^{c)}; слѣдовательно, они какъ бы не признавались уже и членами Русскаго государства, а между тѣмъ деспотизмъ помѣщиковъ не переставалъ заявлять себя своими жестокостями. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что крѣпостные и дворовые люди толпами уходять отъ своихъ помѣщиковъ и добровольно просятся въ военную службу, даже лично утружддаютъ своими просьбами Императрицу Елизавету Петровну, какъ это видно изъ указа 2 июня 1742 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ сего 1742 года, многіе помѣщиковы люди, отѣвая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали, и затѣявъ собою, яко бы помѣщиковыхъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу и о томъ подавали самой Императрицѣ чалобитныя, согласясь немалымъ собраніемъ и порознь. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя чалобите не подавали, но, смотря на другихъ свою братію, отъ помѣщиковъ своихъ бѣжали же, желая записаться въ военную службу и, по поданнымъ отъ своей братіи объ ономъ чалобитнымъ, якобы указа ждали“. За это, какъ видно изъ того же указа, всѣмъ охотникамъ до военной службы „учинено на площади съ публикою жестокое наказаніе“, а именно: которые подавали чалобитныя „не малымъ собраніемъ“, тѣ биты кнутомъ, и изъ нихъ „пущіе къ тому заводчики“ сосланы въ Сибирь на казенные заводы „въ работу вѣчно“, а которые подавали чалобитныя порознь, тѣ, вмѣсто кнута, биты плетьми, а прочие —

^{a)} „Русск. Старина“ 1880 г., № 1, стр. 68; № 3, стр. 493. Ср. Крестьяне въ царствование Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Спб. 1881 года, т., I стр. 153.

^{b)} Тамъ же. См. примѣчаніе на Леклерка, т. II, стр. 222.

^{c)} П. С. Зак., № 8473.

„батоги“ и, по наказанию, за исключением сосланныхъ въ Сибирь „отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженіе по прежнему“^{a)}. Тѣмъ же указомъ предписывалось, чтобы „впредь помѣщиковы люди, отбываю отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ ихъ въ военную службу нигдѣ не просили“, въ противномъ случаѣ имъ угрожало наказаніе кнутомъ и ссылка въ каторгу. Вслѣдствіе этого указа, служившаго подтвержденіемъ указа 20 сентября 1727 г., крѣпостные и дворовые люди потеряли и прежнее право на добровольное вступленіе въ военную службу, въ которой положеніе ихъ было несравненно лучше, чѣмъ у помѣщика,—не даромъ сказалъ въ своей V сатирѣ и А. Д. Кантемиръ, намекая на повинности крѣпостныхъ крестьянъ:

„Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды превздохнетъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?“

Но и въ солдатахъ крестьянину приходилось жутко. Изъ указа 24-го марта 1727 года видно, что „многіе рекруты, не хотя бытъ въ службѣ Ея Величества, сами себя злодѣйски портятъ, и отѣкаютъ у руки и ногъ пальцы и растравливаютъ раны, и прочія различныя вымышленно приключаютъ себѣ болѣзни“. Дѣлая внушеніе, что подобные поступки составляютъ „тяжкій грѣхъ“, указъ однакожъ не отрицаєтъ того, что „новоприверстаннымъ рекрутамъ чинятся великие непорядки отъ наборщиковъ и приводцевъ, и оттого рекруты бѣгали и умирали“.— Несмотря на то, виновныхъ въ добровольномъ изуродованіи себя, съ цѣлью избавиться отъ военной службы, велѣно: „изъ десяти одного съ жеребья повльстѣть, а прочихъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу на каторгу, а плательщикамъ, кои такихъ воровъ сами приведутъ, зачитать въ рекрутъ“^{b)}. Такимъ образомъ, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ становилось все хуже и безнадежнѣе и по мѣрѣ того, какъ отнимались и стѣснялись права крѣпостныхъ людей, усиливались и внутренніе мятежи среди нихъ, оканчивавшіеся въ результатѣ, по большей части, побѣгами^{c)}. Кроме болотистыхъ и лѣсистыхъ уѣздовъ внутри Россіи, степей южныхъ и юговосточныхъ, Сибири и Башкиріи, бѣглые находили прють на фабрикахъ и заводахъ. Сознавая свое безвыходное положеніе, они соглашались работать за всякую плату, почему нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ охотно нанимали ихъ, чтобы безконтрольно эксплуатировать

^{a)} П. С. З. № 8577. Ср. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“, стр. 281.

^{b)} Указы Екатерины I и Петра II, изд. 1743 г. Спб., стр. 235—236.

^{c)} П. С. Зак., №№ 10791 и 10870.

ихъ трудъ въ свою пользу. Многіе заводчики и фабриканты изъ стремлѣнія къ наживѣ, принимали къ себѣ бѣглыхъ и беспаспортныхъ крестьянъ: Демидовы, Осокины и другіе дѣлали это открыто, а иногда трудомъ бѣглыхъ пользовались даже въ производствѣ казенныхъ работъ; известно, напримѣръ, что генералъ Люберасть, при постройкѣ Кронштадтскаго канала, по преимуществу употреблялъ на работы беспаспортныхъ и бѣглыхъ^{a)}). Съ теченіемъ времени заводчики и фабриканты, не желая лишиться рабочихъ рукъ, обязались вносить подать за приписанныхъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ крестьянъ, вслѣдствіе чего послѣдніе встали въ крѣпостное отношеніе къ первымъ; на практикѣ эти приписные къ заводамъ и фабрикамъ крестьяне сдѣлались каторжниками: фабриканты и заводчики знали только свои права, игнорируя вполнѣ свои обязанности по отношенію къ крестьянамъ. При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя было разсчитывать на спокойствіе среди посессіонныхъ крестьянъ; открылись мятежи, которые пришлось усмирять вооруженной силой: крестьяне съ дубинами и кольями въ рукахъ шли на пушки и солдатскіе штыки; одни погибали въ неравномъ бою, другіе разбѣгались. Такъ въ 1749 г. фабриканты Болотинъ и Докучаевъ жаловались, что изъ 1000 рабочихъ у нихъ осталось только 120 чел., и что крестьяне работать не хотятъ, почему прошли силой принудить ихъ работать: взрослыхъ — кнутомъ, а подростковъ — плетью. Крестьяне, въ свою очередь, подали на Болотина жалобу самой Императрицѣ. Результатомъ этого дѣла было слѣдующее постановленіе Сената: „пушнихъ заводчиковъ десятаго бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ каторжную работу, а другихъ наказать плетью и принудить къ работѣ“. Расправа съ крестьянами была произведена въ день праздника Казанской Божіей Матери, что огорчило Государыню. На представление Сената по этому дѣлу послѣдовала высочайшая резолюція: „впредь въ праздничные и викторіальные дни никакихъ экзекуцій никому не чинить“^{b)}. Но не такъ было легко справиться съ волненіемъ фабричныхъ крестьянъ статского совѣтника Демидова и ассесора Гончарова, вспыхнувшимъ въ 1752 году въ Ромодановской волости Калужской губерніи; на этотъ разъ въ волненіи крестьянъ принялъ участіе и мѣстное духовенство. Священники и причетники изъ всѣхъ окрестныхъ сель и деревень собрались съ иконами и хоругвями въ селѣ Ромодановѣ и, по совершенніи молебна, привели всѣхъ крестьянъ къ присягѣ съ клятвой

^{a)} Тамъ же № 7225.

^{b)} П. С. З. № 9643 и № 9646. Ср. стр. 471 въ сочиненіи В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“. Спб. 1881 г., т. I.

въ томъ, что никто изъ нихъ не отстанетъ отъ общаго дѣла; священники и причтъ также цѣловали крестъ и евангеліе, обѣщаюсь поддерживать крестьянъ.—Въ то же время крестьяне фабриканта Гончарова, собравшись въ пустомъ срубѣ, прикладывались къ образу и мѣдному кресту, чтобы „имъ указа не слушать и у Гончарова въ командѣ не быть, и ежели ихъ станутъ братъ силою, то-бъ имъ не даваться“.
 Въ Петербургъ была отправлена отъ крестьянъ депутація съ жалобой на помѣщика; но челобитчиковъ наказали кнутомъ и немедленно отправили въ Ромодановскую волость особый полкъ солдатъ, подъ командою полковника Ольмюца.
 Вскрѣ Сенатъ узналъ, что Ольмюцъ попался въ руки крестьянъ, которые, впрочемъ, не сдѣлали ему никакихъ оскорблений; но оказалось, что одного полка было недостаточно для подавленія мятежа. Тогда Военная Коллегія, по предписанію Сената, командировала въ Калугу еще три драгунскіе и два пѣхотныхъ полка съ артиллерию, подъ начальствомъ бригадира Хомякова, которому было приказано: «*жилища крестьянъ жечь и, не допуская къ сраженію, палить по нихъ изъ пушекъ*». Крестьяне, собравшіеся въ числѣ 3000 чел., запаслись на этотъ разъ, кромѣ ножей и топоровъ, ружьями и даже пушками.—Между тѣмъ начались волненія и въ другихъ мѣстахъ: въ Вышегородской волости Арнайского уѣзда, въ селѣ Сороколѣтовѣ Бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Павловѣ Московскаго уѣзда, въ Коростенской волости Новгородскаго уѣзда и другихъ деревняхъ, расположенныхъ по близости къ центральнымъ пунктамъ крестьянскихъ мятежей. Владѣльцы этихъ крестьянъ: графъ Шуваловъ, фабрикантъ Лучининъ и графъ Ягужинскій обратились съ просьбою о помощи къ правительству. Видя, что волненіе охватило большой районъ, Хомяковъ не рѣшался вступать въ открытый бой съ крестьянами, и старался подѣйствовать на недовольныхъ посредствомъ переговоровъ и увещаній; но крестьяне твердили одно и то же: „Ея Императорскому Величеству мы не противники, а за Демидовымъ не хотимъ быть“; въ томъ же духѣ отвѣчали и крестьяне Шувалова и Ягужинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне передали Хомякову новую чебоксарскую, которую просили его препроводить въ Петербургъ, гдѣ, какъ оказалось, были недовольны миролюбивыми дѣйствіями Хомякова, почему послѣдній вынужденъ былъ обратиться къ военной силѣ внутренней. *Начались крестьянскія войны.* Крестьяне дѣйствовали энергично, единодушно и храбро: Хомяковъ два раза потерпѣлъ неудачу, почему Сенатъ потребовалъ отрѣшнія Хомякова и преданія его военному суду. Но Военная Коллегія оказалась безпристрастнѣе Сената: она видѣла, что здѣсь былъ виноватъ не Хомяковъ, а непредусмотрительность лицъ, которыхъ такъ легко взглянули на крестьянскій бунтъ; что

нужно было усилить военные средства и силы Хомякова, и тогда дѣла могли принять другой оборотъ. Поэтому Военная Коллегія, вмѣсто исполненія требованій Сената, отправила подъ начальство Хомякова еще пѣсколько полковъ, съ прибытіемъ которыхъ на мѣсто крестьяне должны были уступить въ сопротивленіи: 300 человѣкъ было захвачено, остальные разбрѣжались и мятежъ утихъ, но не вовсе. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ обратились въ Петербургъ и лично падали Государынѣ жалобу на помѣщика. Императрица приказала *допросить крестьянъ, но не пытать*. Крестьяне обвиняли Демидова въ жестокомъ обращеніи съ ними и въ разореніи ихъ имущества; но Сенатъ оправдалъ Демидова и настоялъ на учрежденіи особой слѣдственной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора А починина^{a)}. Намъ неизвѣстно, какъ дѣйствовала эта комиссія, но цѣль не была достигнута. Жестокія наказанія виновныхъ въ мятежѣ, имѣвшія цѣлію утвердить другихъ въ повиновеніи, не приводили къ желаннымъ результатамъ: волненія крестьянъ не только не прекратились, но стали повторяться все чаще и чаще, хотя для усмиренія ихъ не жалѣли ни пороха, ни пуль, ни кнутовъ, ни плетей. Иногда случалось и такъ, что военная команда, отправленная для усмиренія крестьянъ, не знала должнымъ образомъ мѣста своего назначенія и, явившись совершенно въ другую деревню, начинала экзекуцію, не взирая на правдивыя заявленія крестьянъ, что они и не думали жаловаться на своего помѣщика, что и онъ ими доволентъ; команда, какъ бы презирая всѣ доводы несчастныхъ и мирныхъ поселянъ, стрѣляла и рубила ихъ безъ всякой пощады, а между тѣмъ послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно были правы; что команда должна была идти въ другую деревню съ тѣмъ же названіемъ, но въ другомъ уѣздѣ или на другой рѣкѣ, а не въ ту, которую она тамъ безжалостно разорила и опустошила^{b)}. Ошибки подобного рода тѣмъ болѣе были возможны, что Сенатъ не зналъ даже числа городовъ: „Когда я потребовала реестра городамъ“, — говоритъ Екатерина II, — „то признались въ не-вѣдѣніи онъхъ. Даже карты всей Имперіи Сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ^{c)}“. Такимъ образомъ многимъ, какъ говорится, приходилось испытывать „въ чужомъ пиру похмѣлье“. — Н. А. Фирсовъ говоритъ по этому поводу: „Въ то время, какъ мы поражали нашихъ внѣшнихъ враговъ, одерживали надъ ними болѣе или менѣе громкія побѣды, столь подробно

^{a)} См. подробности въ „Чт. Моск. Общ. Исторіи и др. Росс.“ за 1863 годъ, кн. II, Смѣсь, стр. 18—40.

^{b)} Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, стр. 299. Сл. въ П. С. Зак. указъ 13 августа 1760 г.

^{c)} „Русск. Архивъ“ 1865 г. Записки Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія.

описанныя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ, и столь краснорѣчиво воспѣтыя нашими тогдашними стихотворцами,—у насъ дома, внутри государства, шла, не прерываясь, мало историковъ и поэтовъ занимавша, братоубийственная борьба,—шла, постоянно усиливаясь въ размѣрахъ своихъ и жестокостяхъ. Борьба эта засвидѣтельствована почти каждой страницей актовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собрании Законовъ и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ.... Мы видимъ постоянно, что и правительство, и чиновники, и помѣщики, фабриканты и заводчики усердно гоняются за рабочей силой, стараясь употребить ее такъ или иначе въ свою пользу: и на границахъ Имперіи и внутри ея—заставы, снабженныя вооруженными отрядами; партии солдатъ разсылаются въ русскіе города, села и деревни, какъ-бы въ непріятельскую землю, со всѣми военными снарядами,—это затѣмъ, что нужно собрать недоимку съ податныхъ, забрать потребное количество рекрутъ, переловить бѣглыхъ, заставить рабочаго человѣка покориться безусловной волѣ господской^{а)}. На сколь справедливы эти строки почтенного профессора, можно отчасти судить изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о волненіи крѣпостныхъ и поссессионныхъ крестьянъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно было встрѣтить отраднаго въ положеніи крѣпостнаго человѣка въ то время грубой чувственности, когда помѣщикъ и фабрикантъ или заводчикъ смотрѣли на своего рабочаго, какъ на живой товаръ, изъ котораго они могли извлекать выгоды для своего обезпеченія, чтобы весело и не трудясь жить въ столицѣ?—Что могло привязать и расположить къ своему владѣльцу обижаемыхъ на каждомъ шагу и обираемыхъ „до-гола“ крестьянъ, насилуемыхъ и растлѣваемыхъ помѣщиками крестьянскихъ женъ и дочерей ихъ?—Право сильнаго, тѣлесная наказанія и низведеніе человѣка на степень вьючнаго скота!—„Страшно за бѣдняковъ“,—замѣчаѣтъ Бѣллєвъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ изученію быта русскихъ крестьянъ: „ихъ ничто не спасаетъ отъ неволи, къ нимъ нѣтъ ни довѣрія, ни пощады; ихъ не спрашиваютъ, будутъ-ли они платить подушную подать, а прямо требуютъ, чтобы они шли въ крѣпость къ тому, кто ихъ приметъ и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостью: имъ негдѣ и головы приклонить; законъ торжественно отрицаетъ ихъ личность и свободу, какъ будто-бы тѣсна сдѣлалась пространная русская земля; какъ будто-бы ужъ такъ много было рабочихъ рукъ, что всѣ промыслы и занятія были разобраны, что вольному человѣку и подушныхъ негдѣ заработать — и волей-неволей бѣднякъ изъ-за платежа подушныхъ долженъ

^{а)}) Инеродческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 105. Сравн. Вѣсти Евр. 1870 г., № 6, стр. 863—864.

былъ идти или въ солдаты, или искать, какъ милости, чтобы кто-нибудь взялъ его къ себѣ въ вѣчное рабство и обязался платить за него подать^{а)}. Мы уже знаемъ, что крестьяне лишены были права добровольного поступленія въ военную службу; жутко было имъ и у тѣхъ, кто обязывался вносить за нихъ подушный подати, а за челобитье наказывали кнутомъ и ссылками въ каторгу,—что же оставалось дѣлать?—Едвали въ такомъ положеніи можно было крестьянамъ придумать что-либо другое, кроме безусловной покорности своему помѣщику, каковъ бы онъ ни былъ, или же побѣговъ,—и вотъ „малодушный и робкій духомъ“, по выражению профессора Ешевского, „покорно склоняется подъ условія крѣпостнаго права, а смѣлый и энергичный уходилъ въ астраханскія степи, на заводы пермскіе, въ Оренбургъ^{б)}. Нужно замѣтить, что положеніе всего податнаго класса въ Россіи было крайне тяжелое, не смотря на сознаніе правительства, что „главная государственная сила состоить въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ^{в)}“. Петръ Великій завѣщалъ своимъ преемникамъ, чтобы народъ былъ охраняемъ отъ всякихъ неправдъ, чтобы „никто отъ надлежащаго болѣе другаго уволенъ или отягченъ не былъ“; за неисполненіе этого Преобразователь угрожалъ гнѣвомъ Божіимъ на все государство, въ особенности „на учинителей неправдъ народу“, и строгимъ взысканіемъ съ послѣднихъ со стороны Государя^{г)}. Правительство Екатерины I, а также и Анны Ioannovны не разъ заявляло о своемъ желаніи улучшить общественно-экономическое положеніе податнаго населенія Россіи, но народу не было отъ того легче. Мы уже знаемъ, что чѣмъ рѣшительнѣе и смѣлѣе раздавались голоса въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ихъ положеніе на практикѣ, въ жизни. Такое же противорѣчіе слова и дѣла замѣчается и по отношенію вообще къ податному классу: чѣмъ чаще и яснѣе возвѣщалась истина о великомъ значеніи податнаго населенія въ государствѣ, тѣмъ податнымъ приходилось больше терпѣть и сносить невзгодъ и притѣсненій. *Прямые и косвенные налоги, составлявшіе одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій для материальнаго благосостоянія народа, по смерти Петра Великаго, осложнялись и увеличивались особыми хлѣбными^{е)} и денежными сборами^{ж)}.* Возвышеніе цѣны на соль^{з)} и вино^{и)}

^{а)} Крестьяне на Руси, стр. 283—284.

^{б)} См. выше, стр. 129.

^{в)} П. С. Зак., № 10164; 10370.

^{г)} Тамъ же, № 3466, стр. 765.

^{е)} П. С. З. № 7480. Сл. № 8638.

^{ж)} Тамъ же, № 8745.

^{з)} При Петрѣ Великомъ соль продавалась по 12 и 16 алтынъ, а въ 1756 году цена на соль была увеличена до 50 к. за пудъ, что равн. 5 пудамъ муки. См. „Истор. финансовыхъ учрежденій Россіи“ графа Д. А. Толстаго. Слб. 1848, стр. 176 и д.

^{и)} Въ царств. Елизаветы, до замѣнѣ казенной продажи въ 1755 г. откупомъ, вино продавалось въ крупныхъ мѣрахъ по 1 руб. 88^{1/2} коп. за ведро, а въ кружкахъ по 1 р. 98^{1/2} к. См. тамъ же, стр. 148. Ср. П. С. З., № 9711.

породило корччество: воровская продажа соли и вина развилась въ громадныхъ размѣрахъ. Открылась формальная война противъ этого зла, пристекавшаго изъ финансовыхъ распоряженій самого правительства^{a)}. Откупщики получили право держать съ этою цѣлію особья воинныя команды, для поимки и наказанія виновныхъ „съ пристрастіемъ“, т. е. съ наказаніемъ кошками и батогами. Развелось много ложныхъ доносчиковъ; вооруженный корчечный команды, канцеляріи, конторы и агенты ихъ дѣйствовали какъ-бы въ непріятельской странѣ, врываясь иногда и въ дома частныхъ лицъ для обыска и допросовъ: такъ въ 1752 г. корчечные сыщики явились неожиданно въ домѣ одного посланника, къ немалому удивленію послѣдняго^{b)}. Начались допросы виновныхъ, сопровождавшіеся пытками^{c)}. Обвиненные въ корчествѣ, по наказаніи кнутомъ, ссылались на поселеніе въ *Оренбургскій край*. Мѣры, принятыя правительствомъ къ искорененію воровской продажи соли и вина, не достигая желаемыхъ результатовъ, были крайне обременительны для простаго народа, особенно тяжело было податному населенію. Отъ свободнаго занятія старинными промыслами податной классъ устриялся монополіями^{d)}; обработка и обсемененіе полей не давали большой прибыли по дешевизнѣ хлѣба, который въ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Вятской губерніи, бесполезно стгнивалъ еще въ скирдахъ, по причинѣ плохаго состоянія въ то время путей сообщенія. О тяжести рекрутской повинности, которую должны были нести податные, можно отчасти судить потому, что съ 1719—1735 г. было взято въ военную службу 201,346 душъ, а съ 1736—1741 г.— 206,485 душъ^{e)}. Не считалъ расходовъ, которые соединялись съ поставкою рекрутовъ, податное населеніе почти навсегда лишалось въ нихъ своихъ работниковъ. Между тѣмъ подушный деньги и прочіе сборы взимались съ показанного въ ревизскихъ сказкахъ числа душъ, а находящееся поколѣніе, конечно, не могло вдругъ восполнить эту убыль рабочихъ силъ, достигшую весьма значительныхъ размѣровъ: въ теченіе 17 лѣтъ, послѣ первой ревизіи, изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью крестьянъ умерло, взято въ солдаты и матросы, сослано въ каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями 2,100,469^{f)}

^{a)} Н. А. Фирсовъ „Инородч. насел. прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 48 и д.

^{b)} П. С. З. № 9975.

^{c)} Тамъ же, № 9914.

^{d)} Напр. графъ П. И. Шуваловъ, скорбѣвшій о нуждахъ народныхъ и писавшій разные проекты объ улучшении его быта, получилъ въ свое владѣніе всѣ природныя богатства Сѣвера на 20 лѣтъ съ пособіемъ отъ казны въ 6000 руб. (П. С. З. № 9515), а потомъ онъ же получилъ въ монополію тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ (П. С. З. № 9837), обязавшись вносить въ казну ежегодно только 264 р. 70^{3/4} к.

^{e)} Н. А. Фирсовъ. Инородч. населеніе прежн. Казанск. царства, стр. 43.

^{f)} Тамъ же, стр. 44.

душъ муж. пола. Не смотря на это, правительство болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо, взыскивало накопившуюся на податныхъ недоимку. Къ началу царствованія Елизаветы Петровны убыль сосчитанныхъ первою ревизію плательщиковъ достигла 2,877,767 душъ м. пола, почему и было решено произвести новую генеральную перепись^{a)}. Но и послѣ второй ревизіи, народъ, по-прежнему, былъ не въ состояніи уплачивать казнь полностю наложеннаго на него подати, и правительство Елизаветы было вынуждено не разъ слагать съ податныхъ накопившуюся на нихъ недоимку: въ 1752 году было прощено подушного сбора 2½ миллиона рублей^{b)}; въ 1753 году вѣдно скостить со счетовъ еще свыше миллиона накопившейся за податными недоимки^{c)}. Присоедините ко всему этому недородъ хлѣба^{d)}, скотскіе падежи^{e)}, пожары^{f)}, повальная болѣзни, при отсутствіи надлежащей медицинской помощи^{g)}, страшные разбои^{h)}, произвольное повышение и понижение цѣнности монеты и, вслѣдствіе того, непомѣрное скопленіе мѣдныхъ денегъ и отсутствіе золотой и серебряной монеты надлежащаго достоинстваⁱ⁾; не забудьте и взятокъ чиновниковъ, даже за приводъ къ присягѣ^{k)}, и притѣсненіе со стороны „коинной и пѣшай бѣды^{l)}“,— примите все это въ соображеніе, и вамъ будетъ понятно, почему народъ бѣжалъ и заграницу, и на окраины государства: въ Остзейскія провинціи, въ Малороссію, на Донъ, Яикъ, въ Башкирію и далекую Сибирь. Бѣглые находили по всюду пріютъ и пристанище; ихъ укрывали не только корыстолюбивые помѣщики, заводчики, фабриканты и старости, но и свой же братъ—крестьяне и даже священники, чрезъ которыхъ производилась въ церквяхъ публикація разныхъ указовъ и въ томъ числѣ указовъ о недержаніи бѣглыхъ^{m)}. Духовенство тѣмъ охотнѣе принимало бѣглецовъ, чѣмъ болѣе стѣснялись его права и положеніе. Особенно много пришлось испытать неизгодъ русскому духовенству отъ нѣмецко-придворной партіи Бирона: у духовныхъ отнимали дѣтей и брали ихъ въ солдатыⁿ⁾; нерѣдко и сами отцы

^{a)} Тамъ же, стр. 44—П. С. З., № 8619. О народн. переписяхъ ст. Артемьева въ „Русск. Вѣсти.“ 1857 г.

^{b)} П. С. З., № 10061.

^{c)} Тамъ же, № 10674.

^{d)} Напр. въ 1734 г. (П. С. Зап., № 6569 и 6653), въ 1741 г. (П. С. З. № 8430), въ 1748 и 1749 г. (П. С. З. №№ 9507, 9668, 9590, 9652, 9615, 9630, 9035).

^{e)} П. С. З., №№ 10432; 10581; 11282.

^{f)} Тамъ же, № 7245; 10345; 10586.

^{g)} См. о разбояхъ въ отмѣч. соч. Н. А. Оирсова, стр. 111—123.

^{h)} П. С. З., №№ 7032, 7033, 7035, 7061, 7270, 7272, 7304, 7343, 7390, 7405, 7803, 7857, 8523, 9503, 9505, 9526, 10014, 10139, 10245, 10324 и др.

ⁱ⁾ Тамъ же, стр. 50—51.

^{j)} П. С. Зап., № 11616.

^{k)} „Коинной бѣдої“ народъ называлъ начальника, проѣзжавшаго въ повозкѣ, а „пѣшай бѣдої“ всякаго оборванца въ старомъ мундирѣ или въ какомъ-нибудь кафтанишкѣ съ краснымъ воротникомъ. См. у Оирсова, стр. 101, пр. 3.

^{l)} П. С. З., № 7903.

^{m)} П. С. З., т. X, №№ 8198, 7385, 7389, 7734, 7749 и 7790; т. XI, № 8291 и др.

принуждены были идти въ военную службу^{a)}, подъ плети или въ каторгу съ вырѣзанными ноздрями^{b)}, оставляя свои дома и семьи на волю Божію. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, духовные должны были отправлять пожарную повинность и ходить на караулы къ рогаткамъ и заставамъ^{c)}. Губернаторы, воеводы и богатые вотчинники, вопреки указу Петра Великаго^{d)}, по которому духовенство освобождалось отъ зависимости свѣтскихъ властей, забирали духовныхъ лицъ въ канцелярии, на свои дворы, держали ихъ подъ арестомъ и не рѣдко безъ всякой вины подвергали ихъ побоямъ и пыткамъ^{e)}. Занимаясь очищеніемъ верхнихъ слоевъ іерархіи, правительство разстригало даже архіеревъ, было ихъ кнутомъ и ссылало въ тюрьмы отдаленныхъ монастырей^{f)}. Вообще регенерство Бирона было временемъ самымъ тяжелымъ испытаний для бѣлага и чернаго духовенства на Руси, кроме духовенства привилегированныхъ областей, какъ-то: Малороссіи, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые, выдѣляя духовныхъ лицъ изъ своей же среды, умѣли отстоять ихъ законныя права и преимущества^{g)}. Вследствіе такого тяжелаго положенія, многіе изъ духовныхъ лицъ сами стали уходить въ украины мѣста Россіи и за рубежъ, находя приютъ у гонимыхъ крестьянъ, раскольниковъ и даже у „знатныхъ персонъ“. Въ опустѣлыхъ селахъ и деревняхъ некому было посѣщать богослуженіе, совершившееся въ церквахъ, а гдѣ и оставались желающіе помолиться и найти себѣ отраду и успокойніе, по крайней мѣрѣ, въ религії,— некому было прийти къ нимъ на помощь съ словомъ духовнаго утѣшенія и совершать богослуженіе и необходимыя требы: новорожденныхъ некому было крестить, умирающихъ— напутствовать, а надъ умершими— совершить отпѣваніе. Оказалось, что въ четырехъ только епархіяхъ: Архангелогородской, Тверской, Вологодской и Новгородской 182 храма остались совершенно безъ причтовъ. Св. Сунодъ заявилъ, что для замѣщенія праздныхъ мѣстъ требовалось 1286 чел., въ томъ числѣ 611 священниковъ^{h)}; „изъ прочихъ епархій“—замѣчаетъ Сунодъ,— „сколько праздныхъ мѣстъ священнаго чина и церковнослужительскихъ, объ этомъ вѣдомости еще не присланы, а чаемъ, что число не малое есть, но опредѣлить на праздныя мѣста некого“ⁱ⁾. Послѣдующія распоряженія правительства^{k)}

^{a)} Тамъ же, №№ 7158 и 7533.

^{b)} Тамъ же, т. X, № 7634; т. XI, № 8548.

^{c)} Тамъ же, №№ 8412 и 8546.

^{d)} Указъ 15 марта 1721 г.

^{e)} П. С. З., т. XII, № 9079, стр. 278.

^{f)} П. В. Знаменскій. Приходское духовенство въ Россіи, стр. 213.

^{g)} П. С. Зак., т. X, № 7144 и № 7331.

^{h)} П. С. Зак., №№ 7646 и 7799.

ⁱ⁾ Тамъ же.

^{k)} Тамъ же, №№ 7790; 7836; 8040; 8105; 8130; 8148; 8412; 8546 и др.

обнаружили, что оно, наконецъ, само увидало и сознало непрактичность и суровый характеръ своихъ мѣръ, но поправить дѣло было уже трудно^{a)}.

Такимъ образомъ изложенные нами данные, основанныя преимущественно на „Полномъ Собраниі Законовъ“, убѣждаютъ насъ въ томъ, что внутри Россіи было слишкомъ много различныхъ причинъ, вызывавшихъ собою побѣги на окраины государства. Восточная и юго-восточная окраины Россіи, какъ наиболѣе удаленная, привольная и изолированная отъ центра, особенно сдѣлались любимыми и привлекательными для всѣхъ, кому становилось невыносимо на родинѣ, особенно же для жителей средняго поволжья какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Сюда бѣжали господскіе, государственные и др. крестьяне, солдаты, матросы и разные преступники, чтобы избавиться господского деспотизма, тяжести возросшей недоимки, суровыхъ внушеній военной дисциплины или же заслуженного наказанія. Число бѣглыхъ увеличилось еще болѣе, когда было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, которые большими партиями уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ; берега рекъ: Большаго и Малаго Иргиза, Камелика, Чагры, Чижей и Узеней сдѣлались главнымъ притономъ раскольниковъ. Обширная пространства при-уральскихъ степей, гдѣ теперь можно встрѣтить только одинокіе пни подрубленныхъ подъ корень деревьевъ, въ то время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Яика (Урала), берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Ураль, а также и склоны Общаго Сырта представляли тогда собою непроходимую трущобу^{b)}, въ которой легко было укрываться отъ сыщиковъ. Въ самомъ Яицкомъ городкѣ была особая раскольничья слобода, или, такъ называемый, Шацкій монастырь^{c)}, въ которомъ всякий бѣжавшій раскольникъ могъ найти себѣ пріютъ, да и въ самомъ Яицкомъ городкѣ можно было свободно креститься двоеперстно, носить бороду, имѣть старопечатныя книги и совершать по нимъ церковную службу. Яицкіе казаки, какъ мы знаемъ^{d)}, весьма охотно принимали бѣглыхъ всякаго званія и сословія и, ради собственныхъ выгодъ, посыпали ихъ въ разныя командировки, даже по нарядамъ правительства, и не только безъ всякой подмоги отъ войска, а съ нихъ же брали деньги, какъ это видѣли изъ процесса атамана Меркурева по „извѣту“ на него казака Гузикова^{e)}, — и бѣглые охотно давали

^{a)} Подробности см. въ соч. П. В. Знаменскаго: „Приходское духовенство въ Россіи со времени Петра Великаго“. Казань, 1873 г., стр. 211—242.

^{b)} Уральск. Вѣд. 1870 г. № 20, стр. 2, ст. 3.

^{c)} Тамъ же, стр. 3, ст. 1.

^{d)} См. выше гл. IX.

^{e)} Тамъ же.

взятки, лишь бы навсегда избавиться отъ прежнихъ тяжелыхъ условий ихъ жизни. Неудивительно поэтому, что пріемъ бѣглыхъ издавна сдѣлался обыкновеннымъ и часто повторявшимся явлениемъ среди Яицкаго войска. Служебное и зависимое положеніе бѣглыхъ отъ коренныхъ казаковъ было въ высшей степени выгодно для послѣднихъ, почему Яицкое войско, несмотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставало принимать всѣхъ, кто только искалъ его покровительства и защиты. Между тѣмъ правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плачевщика податей, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на заработкахъ осѣдлаго населенія; слѣдовательно, правительство не могло относиться равнодушно къ этому явлению; поэтому предпринимаются различныя мѣры противъ побѣговъ и къ возвращенію бѣжалыхъ на прежнія мѣста, но эти мѣры не достигаютъ цѣли. Мѣры противъ бѣглыхъ на Яикъ отчасти уже были отмѣчены нами и выше^{a)}: припомните слѣдствіе по дѣлу Карташева и по „извѣту“ Гузикова, командировку на Яикъ полковника Захарова, маюра Алекина и др. Въ ноябрѣ 1727 года состоялся указъ, которымъ повелѣвалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъ-офицера съ конвоемъ на Яикъ, чтобы, взявъ оттуда 100 ч. казаковъ, идти въ Сакмарскій городокъ, который былъ заселенъ также Яицкими казаками и считался притономъ заводскихъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и дворцовыхъ крестьянъ. Всѣхъ, скрывавшихся тамъ бѣглыхъ, приказано было переловить и отправить въ Уфу, а оттуда подъ конвоемъ разослать ихъ въ прежнія мѣста жительства^{b)}. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, правительство предписало въ 1736 году Кириллову: „разглашать подъ рукой“, что всѣ вышедшия съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ^{c)}. Когда такихъ охотниковъ набралось много, ихъ раздѣлили на партии и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Самарѣ и Сызранѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся ба Яикъ, возвращались въ прежнія мѣста жительства всѣ сполна^{d)}. Въ февралѣ 1738 г. состоялся новый указъ о непріемѣ пришлыхъ на Яикъ изъ великороссійскихъ людей^{e)}; но число бѣглыхъ не уменьшалось, а увеличивалось: къ началу царствованія Елизаветы Петровны, число бѣглыхъ простидалось

^{a)} Глава IX.^{b)} П. С. З., т. VII, № 5197.^{c)} Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г. ч. II, стр. 144, § 9.^{d)} П. С. З., т. IX, № 6893. Сл. „Уральское войско“, Рябинина, ч. I, стр. 50.^{e)} П. С. З., т. X, № 7514; п. 3.

до 200,000 чл. Въ апрѣль 1747 года послѣдовалъ сенатскій указъ о высылкѣ съ Дона и Яика пришлыхъ изъ другихъ мѣстъ бѣглыхъ людей, которыхъ велѣно было доставить въ Воронежъ и Казань, гдѣ „учинить имъ по законамъ наказаніе и роздать помѣщикамъ и старостамъ съ росписками, а казакамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они впредь никакихъ бѣглыхъ принимать не дерзали, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія и платежа помѣщикамъ по указу пожилыхъ денегъ“^{а)}). Но всѣ эти распоряженія, какъ и прежнія, не достигали цѣли: народъ бѣжалъ толпами на Яикъ и въ другія мѣста. Въ предѣлы Янцкаго войска особенно стремились раскольники, противъ которыхъ при Елизаветѣ было воздвигнуто преслѣдованіе со стороны военно-гражданской и духовной власти, къ чему теперь и перейдемъ.

Зная, какъ энергично Янцкое войско охраняло свои права и привиллѣгіи, освященные народнымъ обычаемъ, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію спрашивалъ мнѣнія казачьяго Круга, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ цѣлямъ и выгодамъ правительства. Онъ привлекалъ войско къ участію въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его бытowego и административного устройства и заручился сильнымъ вліяніемъ на дѣла казачьей общины и довѣріемъ Янцкаго войска, что, безъ сомнѣнія, много способствовало введенію нѣкоторыхъ реформъ, направленныхъ имъ къ преобразованію войска; оттого при Неплюевѣ на Яикѣ не происходило никакого волненія среди казаковъ, хотя поводовъ къ этому было достаточно, особенно со стороны приверженцевъ старой вѣры, а такими были почти всѣ Янцкіе казаки. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришлыхъ на Яикъ не уменьшалось: войско, по прежнему, давало прютъ бѣглымъ, особенно старовѣрамъ. Являясь на Яикъ, они разсказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всѣми силами старались подорвать значеніе духовной власти въ глазахъ Янцкихъ казаковъ. Недовѣріе къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженного къ старинѣ, а послѣдующія события обратили это недовѣріе въ открытую вражду. Мы видѣли, что время управлѣнія Неплюева Оренбургскимъ краемъ было самое счастливое и во многомъ полезное для Янцкаго войска; но жутко было тогда старовѣрамъ, пришедшемъ на Яикъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія, воздвигнутыхъ на нихъ со стороны свѣтской и особенно духовной власти. Сыски и розыски „извѣтчиковъ“, подобныхъ Карташеву и Гузикову, теперь замѣнились розыскомъ старовѣровъ и ихъ укрывателей. Причина этихъ гоненій кроется не

^{а)} П. С. З., т. XI, № 8359.

въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ Военной Коллегіи и епархіальной власти; Неплюевъ же, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ случаѣ былъ крайне остороженъ, сдерживая, насколько это было умѣстно и возможно, суровыя мѣры епархіальной власти.

Въ 1736 г. Яицкое войско обратилось къ казанскому архіепископу Гавріилу съ просьбою о дозволеніи перебрать церковь, во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла, и построить новую, въ честь св. Алексея, митрополита Московскаго, на мѣстѣ прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Гавріиль въ своемъ письмѣ, отъ 12 марта 1736 г., къ атаману Меркульеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе по случаю самовольнаго принятія Яицкими казаками священника села Хрящевки^{a)}, бывшаго прежде на Яицѣ дьякономъ. Гавріиль замѣчаетъ, что этотъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ^{b)} въ Хрящевку съ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь безъ благословенія архіерейскаго отнюдь не переходилъ, а потому (пишетъ Гавріиль) „хотя и молитвы исправлены отъ священника и были, и тѣ неправильно, и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ“^{c)}. Между тѣмъ хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его къ вновь строившейся на Яицѣ церкви. По прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріиль уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы „впредь такой противности, подъ страхомъ гнева Божія, отнюдь не чинили“. Этотъ случай указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску лицъ. Слѣдуетъ замѣтить, что архіепископъ Гавріиль, по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, „вмѣния въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку“. Поэтому Яицкимъ казакамъ легко было имѣть съ нимъ дѣло^{d)}. Не такъ сговорчивъ былъ преемникъ Гавріила Лука Конашевичъ, управлявшій Казанскою епархиєю 18 лѣтъ сряду, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи и отличался прямымъ и дѣятельнымъ характеромъ; но, какъ миссионеръ, Лука иногда дѣйствовалъ не столько кротостю и убѣжденіемъ, сколько „силою и прещеніемъ“,

^{a)} Хрящевка теперь село Самарской губерніи, Ставропольского уѣзда; она находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 50 выше Ставрополя.

^{b)} Сильвестръ управлялъ Казанскою епархиєю послѣ митрополита Тихона III, съ 1725 по 1731 г.; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1736), а потомъ упоминаемый здѣсь Гавріиль.

^{c)} Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г., № 13.

^{d)} „Православный Собесѣдникъ“ 1858 г.; т. 2, стр. 571.

почему Яицкому войску трудно было имѣть дѣло съ такимъ эпергичнымъ и рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (по нынѣшнему благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ Петра Денисова и Ивана Желѣзнова, то Лука писалъ войску: „Мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвестъ желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они не православнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу Святую изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и армянскимъ, съ Ариемъ проклятымъ и отъ Святой Троицы Христа Спасителя Нашего отдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся; ихъ, яко явныхъ *клятвопреступниковъ и богомерзкихъ раскольниковъ*, отъ данного имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся и отъ такой *богомерзкой* ереси своей истинное покаяніе сътворять, въ дому ихъ отпустили“.—При этомъ Лука замѣчаетъ, чтобы Яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало, то „дайте намъ волю, и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, обѣщаемся“. Если принять во вниманіе, что всѣ почти казаки крестились двоеперстно, то можно судить, какъ умѣстна и цѣлесообразна была ревность архиастыря.—Очевидно, что избранныя имъ средства были плохо расчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ.—Впрочемъ, неблагопріятныя послѣдствія отъ такого необдуманного и рѣзкаго поступка ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается) «ради честнѣй издревле пресловутаго войска Яицкаго», нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сemu послѣднему „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а напаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣй неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко вздыхаемъ“.

Въ 1741 году является на Яикъ маіоръ Дурасовъ, которому поручено было произвести розыскъ старообрядцевъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ^{а)}, были схвачены и арестованы. На допросахъ они показали, что среди Яицкаго войска находится не мало

^{а)} Шацкимъ монастыремъ называлась раскольническая слобода въ Яицкомъ городкѣ.

и другихъ имъ подобныхъ. Послѣдовало распоряженіе: „наикрѣпчайше изслѣдоватъ это дѣло, безъ упущенія, подполковнику Шумаеву, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ Казанской духовной консисторіи протопопомъ Иваномъ Феодоровыемъ“. Въ распоряженіе этихъ лицъ отдана была и коинвировавшая протопопа команда, состоявшая изъ 20 чел. Самарскихъ казаковъ и дворянъ. Наказному атаману^{a)}, старшинамъ и всему войску предписано не только „быть послушными, но чинить всякое вспоможеніе“ подполковнику и протопопу. Расходы на путевые издержки протопопа Феодорова были отнесены на счетъ войска. Подробности этого розыска раскольниковъ намъ неизвѣстны; но знаемъ, что Шацкій монастырь былъ уничтоженъ и кельи монастыря проданы за 46 рублей и 10 копѣекъ, изъ которыхъ 3 руб. и 7½ коп. велѣно выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 руб. и 2½ к. представить въ канцелярію Оренбургской комиссіи^{b)}. Въ половинѣ ноября 1746 года Неплюевъ получилъ изъ Военной Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера „съ пристойною командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, кромѣ природныхъ казаковъ, кои въ томъ войскѣ съ 203 года (1695) въ казакахъ служать (которыхъ какъ съ Дону, такъ и съ Яика высылать не велѣно), сыскывать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ, помѣщиковъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять по прежнему въ полевые и гарнизонные полки“^{c)}.

Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ измѣняющейся у него выписки видно, что еще въ 1722 году полковнику Захарову велѣно было „всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ по прежнему“, а въ 1734 году, когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены,—„итакъ“,—замѣчаетъ Неплюевъ,—„не опискою-ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ разумѣется?“— При этомъ Неплюевъ проситъ Военную Коллегію разъяснить, съ какого именно года „оный сискъ и высылку чинить, съ 203, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ

^{a)} Наказными атаманами въ описываемое время назывались лица, исправлявшія должности атамана, но окончательно неутвержденныя въ этомъ званіи; при утвержденіи же они получали титулъ войскового атамана.

^{b)} Впослѣдствіи деньги были возвращены, а кельи отданы въ награду тѣмъ изъ казаковъ, которые оказали особенную ревность при розыскахъ.

^{c)} Уральские В. Вѣд. 1870 г., № 13.

просилъ, чтобы ему была выслана копія съ переписи Захарова, приводя въ основаніе, что безъ нея „производить розыскъ и разбирать, могущіа встрѣтиться, затрудненія будетъ не возможно“.—Въ началѣ марта 1747 г., Неплюевъ, извѣщая Лицкое войско^{а)} о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они „учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ“. Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что всѣ пришли на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 года, отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держателей. Что же касается тѣхъ, которые во время переписи Захарова, находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали; то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, не возможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ Военную Коллегію съ просьбою о наставлениі, какъ поступать ему въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ войсковое начальство въ слѣдующемъ году, донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такие, которые при Захаровѣ были уже на Яикѣ, но вошли-ли тогда въ перепись,—не помнятъ. Изъ этихъ вѣдомостей, представленныхъ Неплюеву, оказывается: 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Лицкомъ войскѣ, въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, считалось 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но не вошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ числилось 176 чел.; 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ явившихся послѣ переписи, посадскихъ, дворцовыхъ, ясачныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ было 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53, всего же 519 чел., а со включеніемъ 176, невошедшихъ въ списки за отлучками, было 695 человѣкъ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма еще малолюднаго, онъ, вопреки стремленіямъ и желанію Военной Коллегіи, выказываетъ за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. „Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, какой важный военный корпусъ есть упомянутое Лицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая не малая потребность всегда того наблюдать,

^{а)} Чрезъ полковника Пальчикова, который въ это время находился въ Лицкомъ городкѣ.

дабы оный въ добромъ состояніи содержать, который что люднѣе, то лучше“, — писалъ онъ въ Петербургъ. Коллегія почему-то смолчала на это, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто.

Бѣглые и раскольники особенно облюбовали устье р. Иргиза, гдѣ и свили себѣ гнѣзда надолго. 2 сентября 1752 г. Тевкелевъ написалъ Неплюеву, находившемуся въ то время въ С.-Петербургѣ, что на Иргизѣ собралось *до трехъ тысячъ* человѣкъ разнаго званія людей; то же подтвердилъ въ своихъ письмахъ къ Неплюеву и Рычкову. Неплюевъ немедленно донесъ объ этомъ скопищѣ бѣглыхъ Сенату, приложивъ и экстрактъ изъ писемъ къ нему Тевкелева и Рычкова. Въ своемъ доношении Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „На самарской степи, на рѣкѣ Иргизѣ, впадающей въ Волгу, по причинѣ тамъ рыбныхъ ватагъ, умножилось бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и раскольниковъ, такъ-что уже поселенія учинили, какъ то въ Оренбургской губернскай канцеляріи открылось чрезъ одного пойманнаго ссыльного, также и чрезъ пристани моего быаго человѣка,— и проба тому имѣлась, ибо когда въ прошломъ 1750 году калмыки разбили купеческій караванъ съ серебромъ, тогда посланная въ погоню партия, на опой рѣкѣ ихъ достигши, то серебро отбила и въ томъ мѣстѣ нѣсколько живущихъ раскольниковъ переловила; а понеже нынѣ показываютъ оныхъ число велико, якобы всякаго званія тамо людей до трехъ тысячъ,— слѣдственno, и командированіе учинить надобно знатное, и хотя то нужно, яко представляютъ, что ссыльныхъ въ Оренбургѣ удержать будетъ не возможно; но я собою на то поступить не дерзнулъ для того, что тамъ оброчныя ватаги и тѣ ватажные—главные пристанщики; потому если приступить сильною рукою, то разобрать будетъ не возможно ватажныхъ съ бѣглыми“^{a)}). Сенатъ 19 октября 1752 года предписалъ Неплюеву „крайнее стараніе приложить, чтобы появившихся на Самарской степи на р. Иргизѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ и при нихъ раскольниковъ всѣхъ переловить и то воровское ихъ пристанище искоренить“^{b)}. Съ этой цѣлію Сенатъ приказалъ Неплюеву отправить на Иргизъ „команду съ добрыми штабъ-офицеры и старшиною“; въ случаѣ сопротивленія бѣглыхъ, велѣно было поступить съ ними, „какъ съ злодѣями, военною рукою, а пущихъ заводчиковъ и пытать“. Неплюевъ 24 октября того же года написалъ Тевкелеву, чтобы онъ „искусно всячески развѣдывалъ, сколько тѣхъ злодѣевъ нынѣ тамо находится; но при

^{a)} См. въ Тург. обл. прав. указы по „Секретной Экспедиціи“ за 1752 г., № 25, л. 173—174.

^{b)} Тамъ же, л. 175—176. Указъ Сената за № 7913; 19 окт. 1752 г.

всемъ томъ“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „скромность потребна и секретъ, но паче разглашать, что хотя то гнѣздо и худо, но не въ нашей командѣ, того ради яко-бы и дѣлать нечего, и яко бы тамъ, по причинѣ оброчныхъ водъ, людямъ жить заказать не возможно, а разобрать трудно въ пустыхъ мѣстахъ и лѣсахъ, — ибо ваше высокоблагородіе сами понять можете, что ежели они увѣдаются, какое наше къ искорененію ихъ намѣреніе, то всѣ разбредутся или, какое иное мѣсто сыскавъ, совокупятся, о чёмъ тогда вскорѣ и узнать будетъ не возможно“^{a)}. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ предлагаетъ Тевкелеву слѣдующія мѣры къ опредѣленію числа бѣглыхъ на Иргизѣ: 1) „съ ссыл-
нымъ Чижомъ накрѣпко разыскивать и того у него допрашиваться, тоже разумѣется и о другихъ такихъ ссылочныхъ, которые по полугодовомъ или годовомъ побѣгѣ пойманы будуть, чинить; 2) буде человѣкъ мой Михайла пойманъ будеть, то и имъ накрѣпко-жъ разыскивать и огнемъ же-
чечь, того-жъ допрашивал; 3) призвавъ атамана Могутова (ибо Яиц-
кие по причинѣ расколу къ тому употреблены быть сумнительны), открыть ему въ секретѣ и рекомендовать, чтобъ онъ нашелъ такого вѣрнаго человѣка изъ оренбургскихъ и самарскихъ казаковъ, служилыхъ или отстав-
ныхъ, которой-бы смыслилъ и вѣрность сохранилъ, и притворился-бы
блѣглецомъ и, побывавъ тамо на Иргизѣ, высмотрѣлъ и о числѣ ихъ
и состояніи людей, поелику возможно, развѣдалъ, т. е., сколько раскольни-
ковъ, сколько ватажныхъ, и сколько бѣглыхъ ссылочныхъ и воровъ, а на
дорогу такому человѣку велѣть дать десять рублей и вящие по услугѣ
обнадежить, который деньги современемъ Могутову изъ казны отдать, а
того человѣка и предъ себя не брать, чтобы Могутовъ такъ секретно
могъ дѣлать, дабы показать, якобы вправду бѣжалъ, будто отъ налога
или для расколу, къ чему надъ тѣмъ человѣкомъ такие и виды Могутову
показать не трудно, а когда тотъ человѣкъ возвратится и чрезъ него или
по розыскамъ вышеисписанныхъ плотовъ что откроется, о томъ меня увѣдо-
млять, якожъ и о всемъ, что важно или сумнительно по Губернской канцелярии
найдется, а время терпѣть можетъ, комнѣ-жъ доносить“^{b)}. Въ заключеніе
своего письма къ Тевкелеву, Неплюевъ говоритъ: „съ человѣкомъ моимъ Не-
стеромъ и съ прочими въ томъ дѣлѣ приличившимися благоволите прика-
зать учинить по указамъ, а жену бѣглаго Михайлы безъ наказанія освободить,
яко отъ жены на мужа въ такомъ дѣлѣ, яко побѣгъ, доносу
требовать нелѣзъ, развѣ какому злодѣйству мужню участница явится,
тогда должна и въ наказаніи или истязаніи участіе имѣть“^{c)}. Одновременно

^{a)} Тамъ же, л. 171.^{b)} Тамъ же, л. 171—172.^{c)} Тамъ же, л. 173. Письмо за № 940, отъ 24 окт. 1752 г.—Секретно.

съ этимъ письмомъ, Неплюевъ отправилъ къ Тевкелеву другое съ урядникомъ Сколковымъ, въ которомъ рекомендуется, чтобы Тевкелевъ разгласилъ, будто онъ имѣеть особливый указъ о командированіи особаго отряда на р. Илекъ, дабы чрезъ то скрыть отъ поселившихся на Иргизѣ дѣйствительную причину и цѣль этой рекогносцировки отряда. Для поимки бѣглыхъ и раскольниковъ, поселившихся на Иргизѣ, Неплюевъ распорядился командировать драгунъ Билярскаго полка, подъ командою полковника Сергиевскаго полка Родена, и 300 оренбургскихъ казаковъ при атаманѣ Могутовѣ; туда же велено было направить и башкиръ, которые „поѣдутъ на охоту за Яикъ“, поручивъ ихъ въ команду маюру Кублицкому. Главнымъ командиромъ всего отряда былъ назначенъ полковникъ Роденъ. Отправившись изъ Оренбурга внизъ по Яику, отрядъ долженъ былъ, согласно инструкціи, между Татищевой и Разсыпной крѣстами, поворотить въ степь и идти прямо на иргизкое устье, а оттуда, раздѣлившись на нѣсколько колоннъ, направиться вверхъ по Иргизу по обѣимъ его сторонамъ и срединою, чтобы окружить и переловить бѣглыхъ. Въ Яицкій городокъ отправленъ былъ маюръ Озеровъ, которому войсковой атаманъ долженъ былъ дать 300 чел. Яицкихъ казаковъ съ старшиною Мостовщиковымъ. Этотъ послѣдній отрядъ долженъ былъ идти внизъ по Иргизу, начиная съ его верховья, чтобы соединиться съ командою Родена, „и, идучи, тѣхъ плутовъ равномѣрно ловить“. Яицкому атаману также было предписано, чтобы онъ раскольникамъ и бѣглымъ, которые „прокрадутся къ Яицкому городку“, пристанища не давалъ, а отсылалъ ихъ въ Губернскую канцелярію^{а)}.

Тевкелевъ предъ отправленіемъ отряда долженъ былъ, по распоряженію Неплюева, собрать „Секретный Совѣтъ“, пригласивъ въ него бригадира Бахметева, совѣтника Рычкова, атамана Могутова и назначенныхъ въ сыскную команду штабъ-офицеровъ; о результатахъ Совѣта Неплюевъ просить донести ему и присовокуплять: „хотя здѣсь и сумнительно, чтобы такое число тѣхъ плутовъ тамъ въ собраніи быть могло; однакожъ то вамъ лучше вѣдомо; потому и о числѣ команды регулярной на ваше разсмотрѣніе полагается, какую отправите. Но хотя-бъ ихъ и такое число было, нечаятельно, чтобы они вооружены были къ сильному отпору. Однакожъ я, все сіе предписавъ, вящіе предаю вашему высокородію съ господиномъ брегадиромъ Бахметевымъ на разсмотрѣніе; такъ извольте чинить, какъ засходнѣе и полезнѣе признать изволите, токмо-бъ то плутовское пристанище искоренить, а по искореніи общее-жъ свое мнѣніе

^{а)} Тамъ же, л. 168—169.

мнѣ прислать, какимъ образомъ учредить, чтобы впредь тамо пристанища быть не могло”^{a)}.

Почти одновременно съ этимъ снова было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, скрывавшихся въ Яицкомъ городкѣ и въ другихъ мѣстахъ по р. Яику. Пойманный въ Донскомъ войскѣ старецъ Варѳоломей указалъ Военной Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе притоны раскольниковъ^{b)}. На Яицкѣ, по его заявленію, скрывалось болѣе 200 раскольническихъ старцевъ^{c)} и старицъ. Главное значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимоѳей, получившій при постриженіи имя Тихона; по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ казанскій протопопъ, для розыска раскольниковъ, и обизалъ атамана и старшинъ подпiskами, чтобы впредь такихъ старцевъ и старицъ не держали, причемъ „оному протопопу, чтобы вдалъ не разыскивалъ, дали войскомъ сто сорокъ рублей“. Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, покуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ то же время раскольники собирались въ келью Іоакима для совѣщенія о томъ, какъ лучше удалиться на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Варѳоломея и какого то бѣглеца, знатчаго татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона.

При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ на Кавказъ одного попа и З-хъ старцевъ, или же на Харьковъ и Крымъ; Варѳоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Рѣшено было отправить Варѳоломея, для совѣщенія по этому вопросу, къ дубовскимъ раскольникамъ, къ казакамъ Венюкову и Ситникову, пользовавшимся содѣйствіемъ и покровительствомъ атамана Персидскаго. По прибытіи въ Дубовку, Варѳоломей былъ арестованъ и 23 декабря представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ^{d)}, котораго особенно не любили и боялись старообрядцы. Варѳоломей въ разговорѣ съ казакомъ

^{a)} Тамъ же, л. 169 на оборотѣ.

^{b)} Смотр. о поимкѣ и допросахъ Варѳоломея въ Тургайскомъ Архивѣ книгу указовъ за 1752 г., № 25, листы 179—187; тамъ же кн. указовъ за 1753 г., № 26, листъ 28 и далѣе.

^{c)} Нѣкоторыхъ изъ постригшихся старцевъ Варѳоломей называлъ даже по именамъ, и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ, напр.: Аврамій съ 10 чел., Іаковъ съ 2, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10, Арсеній съ 1, Давидъ съ 2, Фаддей съ 3, Ааронъ съ 3, Сергій съ 3-ми.

^{d)} Смотр. черновыя бумаги И. И. Желѣзнова по описи № 41, извлеч. изъ книг. секр. пов. № 6, стр. 32. Слич. Ур. В. Вѣд., 1870 г., № 14.

Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: „онъ настъ христіанъ такъ не милосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста вѣтъ, и буде гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находить и искореняетъ... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрыться не возможно“^{a)}. Ефремовъ, допросивъ Варооломея, препроводилъ его показанія въ Военную Колледію, которая была озадачена намѣреніемъ старообрядцевъ бѣжать на Кубань, и тотчасъ же предписала оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ, скрывающихся на Яицѣ, ересенаставникахъ, и „ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ тотчасъ забрать подъ крѣпкій караулъ по той ихъ бого-мерзкой ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распросы, всякими образы истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Колледію, заковавъ руки и ноги, подъ крѣпкимъ карауломъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было секретно разузнать, что за протопопъ и откуда онъ пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ, и кто именно далъ ему 140 руб., чтобы онъ „вдалъ не разыскивалъ“. Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. 11-го декабря онъ немедленно препроводилъ этотъ указъ къ бригадиру Тевкелеву, прося его въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркуриевымъ.—Неплюевъ предлагалъ Тевкелеву или вызвать Меркуриева въ Оренбургъ или же, чтобы дѣло не разгласилось, отправить Рычкова на-легкѣ въ Илекъ и выписать туда атамана, „якобы для нѣкотораго тамошняго важнаго дѣла“.—„Буде атаманъ Меркуриевъ до полученія сего въ Москву отъѣхалъ, то чрезъ Митрополита или иного начать, то зависить отъ общаго вашего разсмотрѣнія; а Бородины, сколько миѣ известно, хотя люди добрые и въ другомъ во всемъ вѣрные, но вышеозначенными суевѣріемъ паче другихъ зарождены“^{b)}. Тевкелевъ, какъ видно, медлилъ отвѣтомъ; между тѣмъ 15 января 1753 года Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ Военной Колледіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже „всѣхъ живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей, также какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ бого-мерзкой ереси и о побѣгѣ на Кубань распросы съ пристрастіемъ, прислать въ Военную Колледію подъ крѣпкимъ карауломъ“^{c)}. Неплюевъ въ тотъ же день писалъ къ Тевкелеву, прося поспѣшить изслѣдованіемъ

^{a)} См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, л. 18). Слич. характеристику Ефремова у С. М. Соловьева въ его „Исторіи Россіи“, т. XXIII, стр. 223—224.

^{b)} Указы 1752 г. въ Тург. арх., кн. № 25, л. 176—177.

^{c)} Указы 1753 г. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 21—28.

дѣла о раскольникахъ и послалъ ему копію съ допросовъ Вареоломея; о томъ, что будетъ происходить, Неплюевъ просилъ уведомлять съ каждою почтою обстоятельно. Такимъ образомъ воздвигнуто было снова гоненіе на старообрядцевъ, скрывавшихся на Яикѣ,— и это гоненіе было едва-ли ни одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ. Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, составилъ особую комиссію, которая отправила 17 февраля въ Яицкій городокъ капитана Ивана Тимашева.— Изъ указа Оренбургской губернскай канцеляріи, 28 февраля 1753 года, видно, что Иванъ Тимашевъ не оправдалъ надеждъ комиссіи, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ, и на его мѣсто назначены маіоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и регулярную команду изъ 120 человѣкъ солдатъ. Кроме того, Яицкому войску было предписано, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколоучителей и безпрекословно исполнять всѣ требования Артемьева. Новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполнѣ самостоятельно; и, дѣйствительно, они оказались гораздо дѣятельнѣе своего предшественника: ими переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 144 человѣка, изъ которыхъ 42 старца были отправлены въ Военную Коллегію, одинъ въ Нижегородскую духовную консисторію, а прочіе опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кроме того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 человѣкъ; нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, добровольно уморили себя голодомъ. Гоненіе на старообрядцевъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ отправлены были изъ Яицкаго городка сыскныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи: на берегахъ рекъ Чижей, Большаго и Малаго Иргиза было поймано 243 человѣка обоего пола. Впрочемъ, не смотря на изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ старообрядцевъ успѣли скрыться, въ томъ числѣ и бѣглый попъ Тихонъ.

На допросахъ во многомъ не подтвердились показанія Вареоломея; такъ старообрядцы отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили лишь, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, где онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распорѣженію казанскаго архіерея, но денегъ ему никто не давалъ. Вареоломей, какъ намъ известно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона и самого войскового атамана; но все это на слѣдствіи не подтвердилось. Вообще, по дѣлу

видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ приконосовенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, de jure, а не de facto. Въ первой половинѣ марта того же 1753 года Тевкелевъ и Бахметевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 человѣкъ, въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были Карповъ и Уятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 марта, писалъ: „старшину Карпова, бывшаго комиссара Уятникова и другихъ грамотныхъ, хотя бы изъ простыхъ, выслать въ Военную Колледжю, а казака Логинова и другихъ пристанщиковъ взять на работы въ Оренбургъ до указу, а впрочемъ того слѣдствія въ войскѣ Яицкомъ не расширять: ибо известно, что они тою слѣпотою суетѣрія заражены; токмо имъ указомъ подтвердить, чтобы впредь, подъ опасеніемъ неупустимаго по указамъ штрафа, такихъ лжеучителей и бродягъ не принимали, и никакого пристанища имъ не давали, и сообщенія съ ними не имѣли, а опредѣлили-бъ особыхъ двухъ старшинъ, чтобы того безпрестанно наблюдали, дабы у нихъ таковыхъ и никакихъ бѣглыхъ въ Яицкомъ городкѣ не было: также и на хуторахъ, и между форпостовъ въ лѣсахъ ежегодно осматривали, и на форпостахъ стоящему атаману накрѣпко подтверждали, чтобы и онъ того-жъ наблюдалъ“^a). Пойманныхъ на Иргизѣ Неплюевъ предписалъ до указу также взять въ Оренбургъ „и употреблять на казенные работы скованныхъ съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, чтобы *утечки имѣть не могли*, а между тѣмъ, что произойдетъ, обстоятельно доносить, не мѣшая Иргизскаго дѣла съ Яицкимъ“^b). Изъ письма Неплюева видно, что сыщики, преслѣдуя бѣглыхъ расколоучителей, не оставили въ покой и Яицкаго духовенства: всѣ церковныя ризы, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія вещи, показавшіяся имъ почему-либо еретическими, были отобраны и унесены изъ церквей. Неплюевъ предписалъ, чтобы всѣ эти вещи были „до указу“ возвращены и отданы въ соборную церковь подъ особую роспись, а „соборному протопопу съ священники стараться увѣщевать раскольниковъ и къ святой церкви въ общеніе приводить, о чемъ къ нимъ письменно предложить“. Въ заключеніе своего письма Неплюевъ проситъ передать капитану Тимашеву съ командою и казакамъ Пономареву и Харкину, что „за ревнительное и искусное въ томъ дѣлѣ произвожденіе“, они достойны похвалы и награжденія, и что онъ постарается не забыть этого^c). Неплюевъ выражаетъ свое удовольствіе и войсковому атаману Меркурьеву,

^a) Въ Тург. арх. указы 1753 г., кн. № 25, л. 49—50.

^b) Тамъ же. Синч. Исторію Россіи, т. XXIII, стр. 223. Здѣсь сказано, что всѣхъ „причинныхъ“ людей было поймано 484.

^c) Пономаревъ и Харкинъ, какъ подсудимые, были прощены и изъ простыхъ казаковъ произведены въ есаулы; Пономаревъ полушиль, кромѣ того, въ собственность оставшіяся въ Шацкомъ монастырѣ кельи игумена Іоакима и бѣглаго попа Тихона. (См. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 54.)

замѣчая, что онъ особенно долженъ слѣдить за тѣмъ, дабы „такихъ лже-учителей, и бродягъ, и никакихъ бѣглыхъ въ войскѣ и нигдѣ въ ихъ предѣлахъ не было“. Тевкелевъ, получивъ это письмо, снесся съ войско-вымъ атаманомъ, прося его увѣдомить, на кого бы можно было возложить обязанность наблюдать за раскольниками; войсковой атаманъ указалъ на старшину Андрея Мостовщика и есауловъ Пономарева и Вострякова, какъ оказавшихъ особенно дѣятельными въ розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Тевкелевъ, увѣдомляя объ этомъ Неплюева, спрашивалъ его мнѣнія, а 29 апрѣля того же года Неплюевъ писалъ изъ Москвы: „я со мнѣніемъ вашего высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Лицкомъ того слѣдствія не распространять; но, какъ возможно, стараться окончить и маюра (Артемьеву), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда отозвать“. *Неплюевъ сильно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска*, будучи убѣждентъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ Военной Коллегіи, никакъ чему хорошему не приведутъ; но, къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостю: впереди его были Военная Коллегія и епархиальная власть.

Въ началѣ мая того же года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернскай канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣй-ствіе въ поимкѣ раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ съ нару-шиителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, „ибо ежели такому ихъ заблужденія укорененію пристанищемъ и попущеніемъ поводу тамо давано не было, то-бы отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: какъ скоро они въ руки дошли и стараніе объ нихъ употреблено, то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, что наипущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ почти къ Святой Соборной Апостольской Церкви обратились“. Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блестатель: обратившихся было только 40 чел. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ; прочие же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ. Коноводы препровождены были въ духовныя консисторіи и Сыскной приказъ. Между послѣдними нашлись такие, которыхъ ни красно-рѣчие консисторскихъ ораторовъ, ни страшная пытка Сыскнаго приказа не могли поколебать въ ихъ убѣжденіяхъ; таковыми, напримѣръ, оказались

старцы: Досифей, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую духовную консисторію. Сыскной приказъ, извѣщаю о нихъ войскового атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщаемы „съ достаточными отъ священаго писанія доводы“, но увѣщаніе не подѣствовало; „оныє старцы и были присланы въ Приказъ, гдѣ обѣ оставленіи ими упомянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. Церкви отъ присутствія увѣщаемы были съ угроженіемъ пытокъ; но, аки законыѣ отъ той ереси, склонности къ обращенію не показами и остались надъ предписанномъ сувѣріи^{a)}. Изъ показаній этихъ старцевъ, между прочимъ, выяснилось, что старообрядцы, кромѣ Шацкой слободы, жили при уроцищѣ Кошъ-Яикъ^{b)}, на Мергеневой Лукѣ, на рѣчкѣ Барбашевої (вертахъ въ 10 отъ Яицкаго городка) и на нѣкоторыхъ островахъ по рѣкѣ Яику. Мы уже знаемъ, что Неплюевъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы розыскъ на Яикѣ былъ прекращенъ; однако же, несмотря на это, преслѣдованіе раскольниковъ въ Яицкомъ войскѣ продолжалось до 1756 г. Въ предѣлахъ войска поймано и отправлено въ Оренбургъ еще 165 раскольниковъ и бѣглыхъ обоего пола. На этотъ разъ виновниками въ укрывательствѣ оказались не только казаки, но и нѣкоторые изъ старшинъ. „Хотя“, — писалъ Неплюевъ — они за такіе, въ противность многихъ запретительныхъ указовъ, поступки вящему штрафу подлежали, но, снисходя къ ихъ законнѣости, слабости и глубокой старости, старшинъ — однихъ лишить чиновъ, другихъ отставить отъ службы, иныхъ арестовать и учинить имъ строгій выговоръ въ Кругу, а рядовыхъ наказать плетьми^{c)}. Грозные указы, запрещавшіе пріемъ и укрывательство раскольниковъ, не достигали цѣли. Неплюеву приходилось защищать не только гонимыхъ старцевъ и старицъ, но и все Яицкое войско, и не предъ одной Военной Коллегіей, но и предъ епархиальною властію. Казанскій архіерей рѣшился принять противъ распространенія раскола на Яикѣ рѣшительныя мѣры. Изъ его переписки съ Неплюевымъ видно, что онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое Духовное правленіе. „Понеже его преосвященство“, — говорилось въ промеморіи Казанской духовной консисторіи, — „нынѣ чрезъ присылку изъ Оренбургской духовной консисторіи пойманныхъ въ Яицкомъ городкѣ раскольниковъ извѣстился, что многие изъ оныхъ Яицкихъ казаковъ тайная и явная чинятъ Церкви Святой противности и законопротивныя и христіанству вредныя и весьма соблазнительныя дѣйства, и содержать раскольническихъ лжеучителей, въ своемъ

^{a)} Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 15.

^{b)} Кошъ-Яикъ — островъ, находившійся противъ устья рѣки Илека. (Смотрите „Книга Больш. Чертежу; Спб., изд. 1838 г., стр. 69), а Кошъ-Яицкій форпостъ былъ расположенъ противъ Индерскихъ горъ, гдѣ и жили старообрядцы. См. выше стр. 258.

^{c)} Доношеніе Неплюева въ В. Коллегію 19 февраля 1756 г.

душепагубномъ развратѣ сокровенныхъ, отъ нихъ же нѣкіе, враждую на св. Церковь, отходя въ лѣсные ихъ раскольническіе скиты, якобы нѣкимъ муромъ перемазываются и съ женами своими перевѣнчиваются и другія многія, въ хульность православнымъ святымъ таинствамъ и догматамъ, содѣваютъ безчинства: и того ради его преосвященство, наблюдая по своей пастырской должности, въ прекращеніе таковыхъ, происходящихъ въ томъ Яицкомъ городкѣ, богоопротивныхъ и душепагубныхъ раскольническихъ дѣйствій, намѣренъ учредить въ самомъ томъ Яицкомъ городкѣ особливое Духовное Правленіе^{a)}. Лука Конашевичъ предполагалъ послать въ Яицкій городокъ особаго ученаго протопопа, который долженъ быть завѣдывать духовными дѣлами, а для производства письменной части назначить къ нему одного канцеляриста и одного копіиста, съ опредѣленіемъ жалованья каждому, равно какъ и самому протопопу; кроме того, протопопъ долженъ быть получить въ свое распоряженіе нѣсколько отставныхъ солдатъ для присмотровъ и розысковъ, также на жалованье; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ, а прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ пришлыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, замѣнить учеными изъ Казани, „дабы въ заблужденіяхъ они могли преподавать должностное наставленіе“.

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, казанскій архипастырь распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманного имъ плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго Правленія, а оренбургскому протопопу Василью Иванову предписалъ немедленно отправиться въ Яицкій городокъ и, въ силу высочайшаго указа отъ 4-го февраля 1737 г., „учинить жителямъ того городка по приходу перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствующихъ мужеска и женска пола, даже до ссущаго младенца, описаніемъ, и объявить всѣмъ онимъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ слѣдующіе дни нынѣшняя Святая Четыредесятница къ исповѣди церковной и къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ пріуготовлялись, не отлучаясь ни за какими партикулярными нуждами; а кто изъ нихъ имѣть куда отлучиться, то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и пріобщивъ, внести въ реестръ. И того ради, при начатіи первой седмицы поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ женами и дѣтьми въ церкви святая къ утренямъ, часамъ и къ прочимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ нихъ ходить и кто ходить не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть особливый

^{a)} См. Уральск. Вѣд. за 1870 г., № 19.

записи, раздѣля по седмицамъ, по-приходно, ихъ какъ ему протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и Св. Таинъ причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должностнымъ порядкомъ росписи, приславъ съ нарочнымъ въ Казань^{а)}). Протопопъ обязывался изготовить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ, за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ архиерею, а другой въ Оренбургское Духовное Правленіе. Неплюевъ, какъ и раньше, не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать самостоительно, а обратился съ просьбою въ Военную Коллегію, чтобы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ были снабжены на этотъ счетъ указами^{б)}. Военная Коллегія, въ отвѣтъ на это, предписала: „по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе“.

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 февраля 1754 г., писалъ Неплюеву, что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящей же Великій посты, слѣдуетъ принудить къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ немедленно отправиться протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ архиерей замѣчаетъ, что полезно-бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чёмъ, какъ мы знаемъ, Неплюевъ думалъ еще раньше.— Учителемъ этой школы, по мнѣнію архиерея, могъ быть священникъ изъ казанскихъ ученыхъ или хотя бы и дьяконъ. Но казанскій владыка рѣшился дѣйствовать противъ Яицкихъ старовѣровъ неувѣщаніемъ только, а и силою: онъ желалъ, чтобы командируемый имъ протопопъ принудилъ всѣхъ жителей Яицкаго городка къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, подъ охраною команды съ офицеромъ. Это необдуманное рвение было своевременно и благоразумно сдержано вначалѣ самимъ Неплюевымъ, а потомъ, вслѣдствіе его же настоянія, и В. Коллегіей. Неплюевъ предлагалъ архиастырю назначить въ Яицкій городокъ постояннаго протопопа, послать же оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе—команду съ офицеромъ онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры.

Преосвященный отвѣчалъ, что „войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыску о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозри-

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Смотр. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17-го февр. 1754 г.—Слич. Ур. Вѣд. 1870 г., № 19.

тельствѣ, и поэтому отъ нихъ надлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно". Относительно назначенія особаго протопопа Лука указывалъ на затрудненіе, которое могло встрѣтиться въ назначеніи и отпускѣ ему содержанія; а о переписи мѣстными священниками онъ замѣчаетъ, что „у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ станичной Войсковой Избы писарей не даютъ, сами же писать мало умѣютъ"^a). Вслѣдъ за тѣмъ, преосвященный снова настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непремѣнно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ и замѣчаетъ, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка; „если же того учинить будетъ невозможно, то хотя до крѣпости на церковническихъ подводахъ его отправить“.

Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя вѣры и 10 марта писалъ къ нему: „отцу протопопу препятствія никакого не показано; но еще онъ подорожною безъ прогонъ снабженъ“. При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и Св. Причастія; но что здѣсь *дѣло* касается *не одного и не двухъ* человѣкъ, а *цѣлаго общества*.

Междѣ тѣмъ, Яицкое войско, нелюбившее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное архіереемъ дѣло. Собравшись въ Кругъ, казаки рѣшили: „отправить къ преосвященному казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей и просить его преосвященство, не уважитъ ли онъ, по прежнему обыкновенію, безъ переписи мужска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной Канцеляріи (Правленія и о небраніи повѣнчанныхъ денегъ"^b) и проч. Не смотря на то, что посольство израсходовало на консисторскихъ чиновниковъ до 120 р.^c) и подарило „краснаго желѣза ружье въ 6 рублей“ дворецкому его преосвященства, епископъ не принялъ 400 рублей войсковыхъ денегъ и просьбы Яицкихъ казаковъ не уважилъ.

Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, Неплюевъ, какъ и раньше, отнесся въ Военную Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чёмъ представилъ точныя копіи съ писемъ

^{a)} Уральск. Вѣд. 1870 г., № 32.

^{b)} Постановленіе Войсковой канцеляріи 27-го марта 1754 г.

^{c)} Секретарю Аѳанасьеву 100 р., подканцеляристу 10 р., повытчику, протоколисту и кописту по 2 р. 50 к. каждому.

къ нему епископа Луки и коиі съ своихъ къ нему отвѣтovъ. Въ своемъ доношениі, отъ 10 марта 1754 г., онъ писалъ: „*Понеже то дѣло не партикулярное до одного или до двухъ, но до всего общества касается, то Оренбургская губернская канцелярія пока просить и имѣеть на то ожидать отъ Государственной Военной Коллегії опредѣленія; ибо нынѣ преосвященнымъ предположенное слѣдствіе съ легкими способами дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (т. е. имъ Неплюевымъ) не принято, а каковыхъ онъ требуетъ, то безъ указу собою учинить опасно, дабы въ такомъ незрѣственномъ и закоснѣломъ народѣ конфузіи не учинить, причины не подать къ побѣгу, или къ такому отчаянію, какъ въ недавнихъ годахъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли*“^{a)}. Въ ожиданіи отвѣта Военной Коллегії, Неплюевъ вызвалъ къ себѣ войскового атамана Меркульева, для личныхъ переговоровъ, и показалъ ему эстрактъ изъ своей переписки съ казанскимъ архиепископомъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны тутъ мѣры.—Меркульевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Яицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулѣ же могутъ быть назначаемы казаки изъ отставныхъ; а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войсکѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдью и наставленіемъ. Вопроſъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркульевъ представилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а „какимъ быть священникамъ въ Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ или изъ постороннихъ, это зависитъ болѣе отъ его преосвященства“. При этомъ Яицкій атаманъ сообщилъ губернатору, что въ войсکѣ въ это время было четыре священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 р. каждый и что, сверхъ того, они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользуются мѣрскими доходами; что „священники, по присланнымъ отъ его просвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и бракомсочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и прочемъ перечневыя вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе“.

Неплюевъ немедленно (24 сентября 1754 г.) сообщилъ это мнѣніе войскового атамана въ Казань архиерею, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркульева: „изъ онаго рапорта“,—писалъ Неплюевъ,—„изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаеть, чтобы быть у нихъ ученыму протопопу, а о священ-

^{a)} Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 32.

никахъ предаетъ на разсмотрѣніе вашего преосвященства, что все и по моему мнѣнію, въ разсмотрѣніи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай, кажется не несходно: ибо по тамошней замерзлости, о которой ваше преосвященство сами не безъизвѣстны, всего вдругъ превратить неудобно и едваль возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе легкими средствы отъ времени до времени и одно за другимъ исправляя, все въ надлежащій порядокъ привести^{а)}. Тутъ же Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, незначительно: но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился, въ бытность въ Яицкомъ городкѣ, могутъ жить безъѣдно, такъ какъ въ Яицкомъ городкѣ однихъ жалованныхъ^{а)} казаковъ 4000 чел. „да отставныхъ и прѣѣзжихъ также не малое число наберется“. — Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 р., а священникамъ каждому по 36 р.^{б)} съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архиастырь соглашался съ губернаторомъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье протопопу онъ считаетъ достаточнымъ въ томъ только случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать извѣстную часть хлѣбомъ и рыбою; жалованье же священниковъ считалъ необходимымъ уравнять съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ^{с)}, т. е., вмѣсто 36 руб., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить его до 75 р. Что же касается караула изъ отставныхъ казаковъ, то епископъ согласился на это подъ условіемъ, если они будутъ подчинены вѣдомству Духовной консисторіи, а не войсковой канцеляріи, которая бы ихъ не смѣла менять по своему желанію. Лука просилъ Неплюева, чтобы, для рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска человѣка два старшинъ, дабы съ ними „надлежащее опредѣленіе о томъ учинить“, съ ними же казанскій архиастырь предполагалъ отправить въ Яицкое войско и избраннаго протопопа. Неплюевъ, 20 октября 1754 года, отвѣчалъ, что „хотя имъ (Лукою) въ жалованьи священникамъ и прочемъ и едѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка, но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Яицкому войску уже посланъ, которымъ предписано, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили

^{а)} Состоявшихъ на жалованьѣ.

^{б)} Впослѣдствіи, по указу 15 декабря 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25 руб., псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р. и до 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

^{с)} Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещеныхъ калмыковъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи.

двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія^{а)}). Между тѣмъ, когда дѣло близилось уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркурьевъ поступилъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса. Нельзя при этомъ отнести сочувственno и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается „не одного, не двухъ человѣкъ“, — какъ онъ самъ выражался, — „а цѣлаго войска“. — Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернскай канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркурьевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ, но открыто заявило, что вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквяхъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войско нужды не видить, кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ Кругъ и положили отправить въ Военную Коллегію прошеніе. Меркурьевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать казанскому епископу, дабы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, „дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузіи“. Меркурьевъ предлагаетъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ какъ Яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщилъ въ Казань о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что, въ то время какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры къ выполненію плановъ казанскаго архіерея, сей послѣдній, вопреки своему желанію, посыпалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и тѣмъ не менѣе самъ былъ недоволенъ ими и старался замѣнить ихъ другими, — словомъ, епископъ говорилъ и писалъ одно, а дѣлалъ другое.

Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники опредѣлены по необходимости; что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ лаконически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ

^{а)} Ур. Вѣд. 1870 г., № 32.

увѣдомилъ его войсковой атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ старался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,—и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончитъ съ ними преосвященный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, послучаю, „пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присыпать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся служниками, чего нельзя ожидать, они не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его преосвященствомъ“. При этомъ губернаторъ просить архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ за требы ничего не вымогать и „чтобы въ должностіи своей и людямъ страха не употребляли, но проповѣдю по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ и званіе ихъ состоить“^{a)}). Казанскій архипастырь, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ съ просьбою отъ всего Яицкаго войска, чтобы „все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть“, на что преосвященный отвѣчалъ, „что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ, то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства“. Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершає службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6-ть вопросныхъ пунктовъ:

1) „Въ ономъ городкѣ въ церкви Св. Богородицы Казанская, да въ часовнѣ апостоловъ Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ: по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ?“.

2) „Въ Символѣ вѣры во время чтенія въ церквяхъ: „и въ Духа Святаго Господа“... прибавленіе читается-ли?“

3) „На утренѣ, въ шестопсалміи и каѳизмахъ по „славамъ“ на часахъ и на вечери „аллилуїа“ по дважды или по трижды читается?“

^{a)} См. Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 33.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“, вмѣсто „безъ сравненія“, вмѣстительная рѣчь „воистину“ употребляется-ли?“

5) „Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочие священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ ономъ городкѣ, и церковные причетники какъ изображаются: двуперстное или трехперстное?“

6) „Служба божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается-ли?“

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало:

1) „Въ церквахъ Пресвятая Богородица и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отправляются по старопечатнымъ книгамъ, которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ великаго государя, царя и князя Алексѣя Михайловича и тако оныя съ того времени до нынѣ въ церквахъ имѣются“.

2) „Въ Символѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово „истинаго“.

3) „Въ сказанныхъ мѣстахъ „аллилуїа“ читается по дважды“.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“ вмѣстительная рѣчь „воистину“ употребляется“.

5) „Сложеніе креста, какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочие священники всѣ изображаютъ трехперстное, а не двуперстное“.

6) „Служба божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою богословскою виною“ *a)*.

Такимъ образомъ, „протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ церкви мудрованіи изобличили и порочными признались“, какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны небывшими у Св. Причастія; но священники стараются оправдать ихъ подъ разными благовидными и уважительными предлогами. Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ (определеныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, по необходимости) новыми священно-церковно-служителями; но привелъ-ли въ исполненіе свои намѣренія казанскій архиастырь, намъ неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ казанскихъ

a) Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, четырьмя священниками и тремя дьяконами.

ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среди, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привилегіи, если только они были согласны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ община сама низводила ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, поглащая въ себѣ же.

Итакъ мы видимъ, что принудительныя мѣры со стороны епархіальной власти, гоненія и преслѣдованія Военной Коллегіи, направленныя противъ старообрядцевъ, не только не достигали цѣли, но еще болѣе способствовали росту и укрѣплению раскола на Яицкѣ. Неплюевъ хорошо понималъ не поколебимую вѣру старообрядцевъ и стойкость ихъ въ убѣжденіяхъ, но не могъ идти открыто противъ распоряженій Военной Коллегіи. Онъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ благоразумно, вѣротерпимо и осторожно. Замѣчая въ Яицкомъ войскѣ невѣжество и зараженіе расколомъ, онъ старался дѣйствовать чрезъ лучшихъ людей изъ среды самихъ же казаковъ, хотя бы и раскольниковъ, рекомендуя предъ правительствомъ болѣе честныхъ и добросовѣстныхъ изъ нихъ для занятія вліятельныхъ должностей. Такъ, когда, напр., умеръ войсковой атаманъ Илья Меркуровъ^{a)}, Неплюевъ, указывая на войско-ваго старшину Андрея Бородина, замѣчаетъ, что если бы даже и войско отказалось избрать его, Бородина, въ атаманы: то все-таки, по его мнѣнію, „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина^{b)}, а за нимъ старшины Андрея Миронова и писаря Сустина нѣтъ. *Хотя и они придерживаются раскольническому учению, однакожъ они смысленые и подобострастные всѣхъ и люди честные, а потому-то, только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводить его въ благочестіе.* — А инаково они народъ сумасбродный и къ шалостямъ и къ вольностямъ склонный, а особенно въ раскольническомъ плутовствѣ зараженный, такъ и для руководства своего рады себѣ подобнаго выбирать, который бы, кроме потворства имъ, ничего не смыслилъ, какъ то имъ и нынѣ знатно, ласкаясь надеждою на нихъ о томъ выборѣ, войсковой старшина Митрясовъ, яко также мужикъ сумасбродный и невѣжа безграмотный, больше всѣхъ въ томъ раскольничествѣ угождаетъ, для чего и въ С.-Петербургѣ сына своего съ товарищи челобитчикомъ отъ нихъ посылаетъ. А тако ежели-бъ такового въ атаманы выпросить имъ удалось, то оное войско не только въ лучшее состояніе не можно будетъ привести,

^{a)} Меркуровъ умеръ 5 января 1755 г. См. указъ В. Коллегіи отъ 24 ноября 1749 г. и рапортъ Неплюева въ В. Коллегію, отъ 12 января 1755 г.

^{b)} Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, Бородинъ увлекся властію и не оправдалъ мнѣнія о немъ Неплюева въ глазахъ Яицкаго войска, хотя Военная Коллегія всегда была имъ довольна.

но со временемъ и въ подобное тому легкомысліе можетъ дойти, какъ у нихъ во время полковника Захарова было^{a)}. Вообще нужно замѣтить, что Неплюевъ, живя вблизи Яицкаго войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общественной жизни на Яицкѣ, чѣмъ казанскій архипастырь и Военная Коллегія, а потому и дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія раскола въ Яицкомъ войскѣ.—Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнитель православія, какъ казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если бунта не послѣдовало, то благодаря только опыта и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преислѣдованіе раскольниковъ на Яицкѣ было прекращено. Военная Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски, что ей предстояла теперь другая важная забота: на западѣ начиналась *Семилѣтняя война*, а въ Оренбургской губерніи въ маѣ 1755 года вспыхнулъ башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ мещера якского муллы Абдуллы Мязгялдина, отличавшагося фанатическою ненавистью противъ русскихъ властей.

Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ старался поставить на видъ и выяснить то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея вѣнчными и внутренними врагами. Чтобы видѣть, на сколько справедливо такое мнѣніе почтенного начальника Оренбургскаго края, мы отмѣтимъ въ общихъ чертахъ наряды Яицкихъ казаковъ на вѣнчную службу^{b)}, съ показаніемъ тѣхъ расходовъ, которыхъ стоила войску большая часть этихъ командировокъ.

Дѣйствительно Яицкіе казаки могли уже и въ то время гордиться своими заслугами, охраняя отъ степныхъ враговъ окраину Россіи и храбро сражаясь въ бояхъ за отечество. Начиная съ 1591 года по 1717 годъ, или въ теченіе 125 лѣтъ Яицкое войско отбыло 24 похода^{c)}, въ которые было командировано въ общей сложности около 12000 казаковъ, кромѣ походныхъ при нихъ атамановъ. Раздѣливъ означенный періодъ времени и количество командированныхъ въ теченіе его казаковъ на число

^{a)} См. рапортъ Неплюева въ Военную Коллегію отъ 18 мая 1755 г. Въ марта 1755 года Бородинъ былъ выбранъ въ наказные атаманы, а въ іюль того же года утвержденъ въ должности.

^{b)} Указаніе на командировкѣ Яицкаго войска мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что Левшинъ, на котораго ссылаются Пушкинъ, Райбининъ и другие, считаетъ первою службою Уральскихъ казаковъ походъ 1655 противъ Поликовъ, тогда какъ о походахъ 1591, 1629, 1634, равно и о походахъ 1656, 1684, 1685, 1695 и 1697 г. Левшинъ вовсе не упоминаетъ.

^{c)} См. перечень походовъ въ приложении подъ № 29.

походовъ, мы видимъ, что чрезъ каждое пятилѣтіе Яицкое войско снаряжало на службу въ среднемъ выводъ по 500 казаковъ, или по сту человѣкъ ежегодно. Но бывали и такія тяжелыя времена, когда Яицкіе казаки по нѣсколько лѣтъ сряду, а иногда и на одинъ году по два раза должны были снаряжать свои полки для защиты отечества и достиженія цѣлей, намѣченныхъ правительствомъ, по волѣ верховной власти^{a)}. Особенно были часты и значительны по составу командировкіи изъ Яицкаго войска при Петрѣ Великомъ: въ теченіе только 17 лѣтъ Яицкое войско имѣло одиннадцать походовъ въ составѣ 8170 человѣкъ, при одиннадцати походныхъ атаманахъ. Наиболѣе чувствительными и достопамятными были „Свейскіе“ походы^{c)} и экспедиція въ Хиву Бековича Черкасскаго: командированій съ Яика въ Шведскій походъ полкъ Матвѣя Рекунова находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ сряду^{b)}, а изъ 1500 Яицкихъ казаковъ, находившихся въ отрядѣ Бековича Черкасскаго, почти все сложили свои головы въ Хивѣ, считавшейся между казаками „заклятой“ до покоренія ея въ 1873 г.^{d)} Не смотря на это, въ томъ же году изъ Яицкаго войска было командировано 1500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ въ отрядѣ боярина Апраксина^{e)}. Съ 1724 г. началась служба Яицкихъ казаковъ на Кавказѣ въ Низовомъ корпусѣ, продолжавшаяся до 1774 года, куда войско должно было отправлять отъ 400 до 1000 человѣкъ служилыхъ казаковъ^{f)}. Не говоря уже о значительной потерѣ людей, во время этихъ службъ, отмѣченныя командировкіи стоили Яицкому войску и весьма значительныхъ денежныхъ расходовъ, такъ-какъ Яицкіе казаки отбывали воинскую повинность на свой счетъ, въ видѣ наёмки шедшихъ на службу и подмоги имъ отъ всего войска. Изъ членовитной Яицкаго войска, поданной Петру Великому 12 октября 1720 г.,^{g)} отъ имени 2600 казаковъ, видно, что расходы эти были немалые: Чигиринскіе походы въ 1681 и 1682 г. стоили Яицкому войску 5647 р., два Крымскіе похода въ 1685 г.—6945 р., Азовскіе походы 1695—1697 г.—8084 р., четыре Шведскіе похода 1701, 1703, 1704 и 1707 г.г.—32695 р.; походъ въ 1708 г. для усмиренія башкиръ стоилъ 3875 руб., Кубанскій походъ въ 1711 г.—14126 рубл., Харьковскій въ 1713 г.—

^{a)} См. тамъ же.^{b)} Походы для участія въ войнѣ Россіи съ Швеціей.^{c)} Уральск. Вѣдом. 1869 г., № 36, стр. 6.^{d)} См. мою статью: „І. И. Желѣзновъ и преданія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“ въ „Др. и Нов. Росс.“, 1880 г., сентябрь.^{e)} Русск. Архивъ 1879 г., кн. 2, стр. 424.^{f)} Тамъ же, стр. 425.^{g)} Уральск. Вѣдом. 1869 г., № 35 и 36.

22642 р., походъ въ Хиву съ Бековичемъ Черкасскимъ—25207 рубл. и т. д. Такимъ образомъ Яицкое войско, начиная только съ 1681 года по 1717 годъ, т. е., въ теченіе 37 лѣтъ, израсходовало на свои командировки, по волѣ верховной власти, 119,221 руб.; раздѣливъ эту сумму на число взятыхъ лѣтъ, мы видимъ, что войско ежегодно расходовало на внѣшнія командировки по 3222 р. съ лишкомъ. Если принять при этомъ въ соображеніе цѣнность тогдашняго рубля, превышавшаго настоящій болѣе чѣмъ въ три раза; то ежегодный расходъ Яицкаго войска на внѣшнюю службу составить около 10000 р.;—сумма весьма значительна, если мы не забудемъ и того, что по переписи полковника Захарова число Яицкихъ казаковъ не превышало 5722 челов., включая сюда дѣтей и отставныхъ казаковъ, годныхъ же къ службѣ оказалось только 3196 чел.^{a)} и съ атаманомъ. Присоедините къ этому бывавшій по временамъ недоловъ рыбы, составлявшій въ то время почти единственный источникъ казачьихъ средствъ, угонъ скота соѣднimi киргизами и калмыками, отсутствіе въ Яицкомъ войскѣ земледѣлія въ то время; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ^{b)}; припомните наѣзды и взятки разныхъ сыщиковъ и фискаловъ въ Яицкій городокъ, ихъ содержаніе на войсковой счетъ и т. п.—примите все это въ соображеніе и вамъ будетъ понятно, почему Яицкое войско иногда входило въ „неоплатные долги^{c)}, имѣло плохую „военную справу“ и почему оно такъ горячо полюбило и воспѣло свой родной Яикъ, назвавъ его „золотымъ донышкомъ съ серебряной покрышечкой“,—безъ „Яика Горыныча“ Яицкому войску едва-ли-бы снести то, что оно перенесло, и оказать тѣ заслуги отечеству и боевые подвиги, которыми оно можетъ гордиться, несмотря на свои частые протесты видамъ правительства и участіе въ Пугачевщинѣ.

Находя не удобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена, подъ наблюденіемъ казанского епископа, правительство рѣшилось пріостановить такую пропаганду, а „епископъ Лука“,—какъ замѣчаетъ Любарскій,—„въ томъ-же (1755) г. переведенъ

^{a)} См. выше стр. 236.

^{b)} См. выше стр. 308.

^{c)} Въ настоящее время Уральское войско платить въ годъ различныхъ повинностей, включая сюда и натуральные, 1,736,211 р. 35 к., что составить въ среднемъ выводѣ 35 р. 50 к. на душу. Къ 1 января 1886 г. за Уральскимъ войскомъ числилось недоники 1,007,568 р., или по 20 р. 60 коп. на душу.—Изъ 19,342 хозяйствъ, которыхъ насчитываются въ войскѣ, 51% заним. преимущественно хлѣбопашествомъ, 41,3%—рыболовствомъ, 26%—скотоводствомъ, остальная тысяча хозяйствъ получаетъ средства къ существованію отъ разнообразныхъ занятій, начиная съ торговли и кончая службой. Смотр. въ „Сѣверномъ Вѣстнике“ (1889 года, іюнь) статью Н. Бородина: „Эконом. перепись населения земли Уральск. каз. войска въ зиму 1855—1866 г.“.

былъ въ Бѣлогородскую епархію (гдѣ по немногихъ годахъ скончался) — въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій^{а)}. Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за энергичнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи. Стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ, и наконецъ, пріобрѣтеніе для церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ^{б)}, обращенныхъ изъ инородцевъ въ православіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ наружно, — все это заставляетъ насть мириться съ запальчивостью и религіозной нетерпимостью Луки въ его миссионерской дѣятельности. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: „Казанская епархія своимъ просвѣщеніемъ, благочестіемъ и должностіемъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія periodъ начинаетъ^{с)}.

Такимъ образомъ Неплюевъ, стараясь ограничить произволъ Яицкихъ казаковъ, умѣль согласовать свои реформы среди нихъ съ обычаями народа, освященными вѣками. Не желая восстановлять противъ себя Яицкаго войска сильной и неумѣстной ломкой ихъ внутренняго строя, онъ чрезвычайно осторожно относился къ ихъ стариннымъ правамъ и порядкамъ, которые особенно для нихъ были дороги. Проектируя штаты и очередную службу въ Яицкомъ войскѣ, онъ отстаиваетъ установившуюся издавна въ немъ наёмку, сознавая важное значеніе ея въ экономическомъ отношеніи для общины; устранивъ казаковъ отъ вмѣшательства въ административныя дѣла и обязанности войскового атамана, онъ оставляетъ казакамъ и Войсковой Кругъ, для обсужденія, такъ сказать, домашнихъ ихъ нуждъ и дѣлъ; усиливая власть и значеніе войскового атамана, онъ строго предписываетъ ему не обижать подчиненныхъ, которые, въ случаѣ „чинимыхъ имъ обидъ“, могли апеллировать на рѣшеніе Войскового Суда въ Оренбургскую губернскую канцелярію; преслѣдуя бѣглыхъ, укрывавшихся отъ податей и государственныхъ обизанностей, не сочувствуя расколу въ его принципѣ, онъ не желаетъ насиливать религіозныхъ убѣждений силою оружія и т. п. Почти одновременно съ увольненіемъ Неплюева отъ должности

^{а)} См. „Прав. Собесѣд.“ 1868 г., № 8, стр. 103.

^{б)} Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка крещеныхъ иновѣрцевъ въ Казанской епархіи считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,000 душъ (См. „Прав. Собесѣд.“ 1858 г., т. 3, стр. 477), если только эта цифра не была фиктивной, что про-дѣльвалось нашими миссионерами и гораздо послѣднѣмъ ажондзакъ, т.к. по-то

^{с)} „Прав. Собесѣд.“ 1858 г., т. 2, стр. 564.

оренбургского губернатора, среди Яицкаго войска снова, какъ это было и до Неплюева, начинаются внутренніе беспорядки, которые усиливаются и растутъ весьма быстро, подъ вліяніемъ недовольства народной партіи дѣйствіями атамана и старшинъ. Началась ожесточенная и непримиримая междуусобная борьба старшинской партіи съ народной. Военная Коллегія организуетъ въ Яицкомъ городкѣ особую Слѣдственную Комміссию и назначаетъ въ нее генераль-маіора Брахвельта. Въ февралѣ 1763 г. состоялось слѣдующее постановление въ Военной Коллегіи: „къ войску Яицкому послать грамоту, которою наикрѣпчайше подтвердить, чтобы какъ онаго войска войсковой атаманъ, такъ и прочіе старшины и казаки во внутреннихъ ихъ порядкахъ и въ другихъ дѣлахъ между собою во всемъ доброе согласіе имѣли и никакихъ бы беспорядковъ и своевольствій отнюдь ни отъ кого не происходило; а ежели и за симъ подтвержденіемъ кто въ такихъ продержостяхъ окажется, и таковыми казакамъ въ учрежденной при войскѣ Яицкомъ Слѣдственной Комміссіи чинить наказаніе, по разсмотрѣнію генераль-маіора Брахвельта, а о старшинахъ, съ прописаніемъ ихъ винъ, представлять Коллегіи и до такихъ своевольствій и беспорядковъ, по самой строгости, отнюдь никого не допускать“^{a)}.

Но ни посланная на Яицъ грамота, ни другія мѣры Военной Коллегіи, почему-то медлившей кореннымъ преобразованіемъ въ Яицкомъ войскѣ, не умиротворили и не успокоили казаковъ. Слѣдственная Комміссія только еще больше, какъ и раньше, осложняла и обостряла взаимныя отношенія двухъ враждебныхъ партій, старшинской и народной. Войсковой атаманъ и старшины, хорошо зная свои поступки, старались такъ или иначе расположить членовъ Слѣдственной Комміссіи въ свою пользу; послѣдніе начинали держать ихъ сторону, вопреки правосудію, или же лавировали между обѣими сторонами. Неудовольствіе народной партіи росло; казаки протестовали и жаловались на несправедливость слѣдователей, обличая атамана и старшинъ въ злоупотребленіяхъ и растратѣ казенныхъ и общественныхъ суммъ. Военная Коллегія мѣняла слѣдователей, но перемѣна лицъ не въ силахъ была измѣнить хода угрожавшихъ событий: дѣйствующія лица или плохо понимали свою роль, или же старались сыграть ее въ угоду меньшинства. Наконецъ 13 января 1772 г. въ Яицкомъ городкѣ разыгралась кровавая братоубийственная драма^{b)}: народники убили атамана Тамбовцева, вырвавъ у него изъ груди сердце; изрубили

^{a)} Воинск. Комм., оп. 121, св. 9, № 21. См. въ „Русск. Архивѣ“ 1878 г., кн. I, стр. 488.

^{b)} Подробности этой рѣзни см. въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“ (Русск. Арх., 1879 г. кн. 3, стр. 439—443) и въ трудахъ Н. О. Дубровина: „Пугачевъ и его сообщники“, Спб. 1884 г., т. I, стр. 67—72.

саблями генераль-майора Траубенберга, насыпавъ ему, уже мертвому, нижнокачественного табаку въ ротъ и глаза; безчеловѣчнымъ образомъ лишили жизни дьяка Суетина и писаря Югунова, бросивъ ихъ трупы въ воду; изуродовали капитана гвардіи Дурново; избили и переранили многихъ старшинъ и казаковъ ихъ партии, разграбивъ ихъ дома и имущество; дѣла Слѣдственной Комиссіи были уничтожены; убитые были раздѣты, разуты и выставлены на позоръ страстной до всякихъ зрѣлищъ праздной толпы; озлобленные казаки не хотѣли даже дать мѣста на кладбищѣ для погребенія несчастныхъ жертвъ ихъ мести: они требовали, чтобы священники лишили ихъ церковнаго отпѣванія и желали, чтобы тѣла убитыхъ были вывезены въ степь на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Петреевались энергичныя мѣры для усмиренія бунтовщиковъ; начались розыски и наказанія виновныхъ; многие разбрѣжались; мѣстная тюрьма была переполнена, а на горизонтѣ Оренбургскаго края занималась заря ужасной Пугачевщины.— Дѣятельное участіе Яицкихъ казаковъ въ Пугачевскомъ бунтѣ заставило Военную Коллегію разомъ покончить съ казачьимъ самоуправлениемъ. Императрица Екатерина II, 15 января 1775 г., въ Царскомъ Селѣ подписала указъ, которымъ Высочайше повелѣвалось, для совершенного забвенія кровавыхъ происшествій на Яикѣ, переименовать рѣку Яикъ—въ Ураль, Яицкое войско—въ Уральское и Яицкій городокъ—въ Уральскъ. Прежде во всѣхъ указахъ и правительственныйыхъ распоряженіяхъ, рядомъ съ именемъ атамана, всегда стояло имя всего войска, напримѣръ: «*Нашего Яицкаго войска войскому атаману Петру Тамбовцеву и всему Нашему войску*»; съ этого же времени всѣ правительственные бумаги пишутся уже прямо на имя одного атамана, такъ: «*Уральского войска войскому атаману и армии господину полковнику Бородину*». Такимъ образомъ, самоуправлениѳ и самое имя Яицкихъ казаковъ рушились безвозвратно и сдѣлялись достояніемъ исторіи Русскаго народа, служащаго несокрушимымъ оплотомъ порядка и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.— Оставайся въ это время на своемъ мѣстѣ Неплюевъ, мы думаемъ, едвали бы онъ допустилъ Яицкихъ казаковъ до такого звѣрскаго ожесточенія, какое они обнаружили въ январской рѣзинѣ, и до участія ихъ въ Пугачевщинѣ; но тогда на его мѣстѣ были другіе, которые не имѣли ни его ума, ни его административной и политической опытности.

Иногородніе и книгопродавцы могутъ обращаться или въ книжный магазинъ Комиссіонера Императорскаго Казанскаго университета, А. А. Дубровина, (Гостиный рядъ, № 1) или прямо къ автору по слѣдующему адресу: Казань, наставнику Казанской учительской семинаріи и преподавателю словесности въ Маріинской женской гимназіи, Владиміру Николаевичу Витевскому (домъ Викторова, на Покровской улицѣ). Книгопродавцамъ другихъ городовъ книга на комиссію не высылается, а лишь—по полученіи отъ нихъ денегъ; уступка—по соглашенію.

Тамъ же можно получить слѣдующее, оставшееся въ самомъ незначительномъ количествѣ, сочиненіе того же автора:

B. A. Жуковский въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.
Цѣна 50 коп.

Главный складъ изданій у автора.

УЧ-РДА

ЦѣНА ВТОРОМУ ВЫПУСКУ 2 РУБЛЯ.